ЭРНЕСТ УОЛЛИС БАДЖ

ЕГИПЕТСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ



ЭРНЕСТ УОЛЛИС БАДЖ

ЕГИПЕТСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ

Об этой книге

«Египетские представления о загробной жизни» — книга Эрнеста Уоллиса Баджа, хранителя египетских и ассирийских древностей Британского музея. Он написал ее для читателя, который не занимается египтологией, но хочет понять, во что верили египтяне о Боге, о смерти и о том, что ждет человека после нее.

Автор начинает с веры в единого Всемогущего Бога, которая, по его мнению, стояла за множеством египетских «богов». Дальше он рассказывает об Осирисе — боге, который умер и воскрес и потому стал надеждой каждого умершего; о том, что египтяне называли «богами»; о суде в Чертоге Двух Истин, где сердце человека взвешивают против пера Маат; и, наконец, о воскресении, о частях человеческого существа — теле, ка, ба, сердце, тени, имени — и о Елисейских полях, где оправданный живет вечно.

Рассказ построен на самих египетских текстах: автор приводит в переводе гимны, наставления мудрецов, Тексты пирамид и главы «Книги мертвых». Иллюстрации взяты из папирусов Ани, Небсени и Анхаи.

Содержание

	Предисловие	5
I	Вера во Всемогущего Бога	8
II	Осирис, бог воскресения	38
III	«Боги» египтян	68
IV	Суд над умершими	87
V	Воскресение и бессмертие	120

ПРЕДИСЛОВИЕ

✦

Эта книга задумана для того, чтобы в удобной форме изложить читателю главные представления и верования древних египтян о воскресении и о загробной жизни, причем рассказ этот целиком почерпнут из их собственных религиозных сочинений. Египетская литература, касающаяся этих предметов, обширна и, как того и следовало ожидать, создавалась в разные эпохи, которые вместе охватывают несколько тысячелетий; поэтому порой бывает чрезвычайно трудно согласовать утверждения и верования писателя одной эпохи с тем, что говорит писатель другой. До сих пор не найдено ни одного стройного изложения учения о воскресении и о загробной жизни, и нет оснований надеяться, что оно когда-либо отыщется, ибо египтяне, по-видимому, вовсе не считали нужным писать подобный труд. Сама трудность предмета и естественная невозможность того, чтобы разные люди, жившие в разных местах и в разное время, одинаково мыслили о вещах, которые в конце концов всегда остаются в области веры, делают более чем вероятным, что ни одна жреческая коллегия, как бы могущественна она ни была, не могла выработать такой системы верований, которую приняли бы по всему Египту и духовенство, и миряне и которую писцы переписывали бы как окончательный и непререкаемый труд о египетском учении о последних судьбах человека. Кроме того, самый дух и строй египетского языка таковы, что исключают возможность сочинять на нем труды философского или метафизического свойства в подлинном смысле этих слов. И все

же, несмотря на эти трудности, из дошедших до нас заупокойных и религиозных сочинений можно извлечь очень много важных сведений по этому предмету, особенно о великой средоточной идее бессмертия, которая тысячи лет жила без перемен и была той осью, вокруг которой поистине вращалась религиозная и общественная жизнь древних египтян. С начала и до конца своей жизни египтянин думал прежде всего о жизни за гробом; высечение гробницы в скале и снабжение ее утварью, где каждая мелочь была предписана обычаем страны, поглощали лучшие его помыслы и немалую долю его земного достояния и постоянно напоминали ему о том часе, когда его набальзамированное тело понесут в его «вечный дом» в известняковом плато или холме.

Главный источник наших сведений об учении египтян о воскресении и о загробной жизни — это, разумеется, великое собрание религиозных текстов, известное обычно под именем «Книги мертвых». Различные редакции этих удивительных сочинений охватывают время более чем в пять тысяч лет, и в них верно отражены не только возвышенные верования, высокие идеалы и благородные стремления образованных египтян, но и разнообразные народные верования, почитание амулетов, магических обрядов и заговоров, которые египтяне, вероятно, унаследовали от своих додинастических предков и считали необходимыми для своего спасения. Следует ясно понимать, что многие места и намеки в «Книге мертвых» все еще остаются темными и что кое-где любой переводчик окажется в затруднении, пытаясь передать некоторые важные слова на каком бы то ни было современном европейском языке. Но говорить, будто едва ли не весь текст «Книги мертвых» безнадежно испорчен, неверно: ни царственные особы, ни жрецы, ни писцы, не говоря уже о простых образованных людях, не стали бы

заказывать дорогие списки очень пространного сочинения и украшать их рисунками художников высочайшего мастерства, если бы оно не имело для них смысла и не было необходимо для того, чтобы достичь жизни, которая ждет за гробом. Находки последних лет в Египте вернули нам ценные тексты, благодаря которым разрешились многие трудности; будем надеяться, что ошибки, сделанные в переводах сегодня, исправят открытия завтрашнего дня. Несмотря на все трудности, и текстовые, и грамматические, о египетской религии теперь известно достаточно, чтобы с уверенностью доказать: около шести тысяч лет назад египтяне обладали религией и нравственным учением, которые, если очистить их от всех позднейших искаженных наслоений, не уступают ни одному из тех, что были выработаны величайшими народами мира.

Э. А. Уоллис Бадж

Лондон, 21 августа 1899 года

ГЛАВА I

ВЕРА ВО ВСЕМОГУЩЕГО БОГА

✦

Изучение древнеегипетских религиозных текстов убедит читателя, что египтяне верили в Единого Бога — самосущего, бессмертного, невидимого, вечного, всеведущего, всемогущего и непостижимого; в создателя небес, земли и преисподней; в творца неба и моря, мужчин и женщин, зверей и птиц, рыб и пресмыкающихся, деревьев и трав, а также бесплотных существ — вестников, исполнявших его волю и слово. Это определение первой части египетской веры необходимо поставить в самом начале первой главы нашего краткого очерка главных религиозных представлений египтянина, ибо на нем было построено все его богословие и вся его религия; и необходимо также добавить, что, как бы далеко в глубь веков мы ни прослеживали его литературу, мы, по-видимому, нигде не приближаемся ко времени, когда бы у него не было этой замечательной веры. Правда, у него сложились также многобожные представления и верования, и в иные периоды своей истории он возделывал их с таким усердием и в такой степени, что окрестные народы и даже чужеземцы, жившие в его стране, вводились в заблуждение его поступками и описывали его как идолопоклонника, чтущего многих богов. Но, несмотря на все подобные отступления от обрядов, соблюдение которых подобало

верующим в Бога и в его единство, эта возвышенная идея никогда не терялась из виду; напротив, она повторяется в религиозной литературе всех эпох. Откуда взялась эта замечательная черта египетской религии, не может сказать никто, и у нас нет решительно никаких данных, которые позволили бы построить теорию о том, что ее принесли в Египет переселенцы с Востока, как утверждают одни, или что она была естественным порождением коренных племен, населявших долину Нила тысяч десять лет назад, как полагают другие. Известно лишь одно: она существовала там в столь отдаленную эпоху, что бесполезно пытаться измерить годами время, прошедшее с тех пор, как она возникла и утвердилась в умах людей, и весьма сомнительно, чтобы мы когда-нибудь получили вполне определенные сведения об этом любопытном предмете.

Но хотя мы ничего не знаем о времени, когда в Египте зародилась вера в существование всемогущего Бога, который был Един, надписи показывают нам, что это Существо называлось именем, звучавшим примерно как *Нетер*[1]; знаком-картинкой для него служило лезвие топора, сделанное, вероятно, из камня и вставленное в длинную деревянную рукоять. Раскрашенный знак-картинка показывает, что лезвие было прикреплено к рукояти ремнями или бечевой, и, судя по общему виду предмета, в сильных и умелых руках это было грозное оружие. Недавно была выдвинута теория, будто знак изображает палку с привязанным к верхушке лоскутом цветной ткани, но вряд ли она придется по душе хоть одному археологу. Линии, пересекающие боковую сторону лезвия, изображают бечеву или полоски кожи и указывают на то, что лезвие было каменным, а камень, будучи хрупким, легко давал трещины; знаки, изображающие этот предмет в позднейшие династии, показывают, что место

каменного лезвия заняло металлическое, и новое вещество, будучи вязким и прочным, уже не нуждалось в подкреплении. Самым могучим человеком в доисторические дни был тот, у кого было лучшее оружие и кто умел владеть им с наибольшим успехом; когда доисторический герой многих сражений и побед отходил на покой, вместе с ним хоронили его собственное или такое же оружие, чтобы он мог успешно вести войну и в ином мире. У самого могучего человека был самый большой топор, и так топор стал символом самого могучего человека. И как сам он, благодаря многократно пересказанным у доисторического вечернего костра повестям о его подвигах, со временем перешел из разряда героев в разряд богов, так и топор из символа героя стал символом бога. Далеко в прошлом, на заре египетской цивилизации, предмет, в котором я узнаю топор, мог иметь и какое-то иное значение, но если и имел, то оно утратилось задолго до начала правления династий в этой стране.

---

[1] В египетском письме нет гласной «е»; ее добавляют лишь затем, чтобы слово можно было произнести.

Обратимся теперь к значению имени Бога — *нетер*. Здесь мы находим, что египтологи держатся об этом самых различных мнений. Одни, исходя из того, что соответствие этому слову существует в коптском языке в форме *нути*, и поскольку коптский язык есть наречие древнеегипетского, пытались вывести его значение, отыскивая в этом языке корень, от которого слово могло бы происходить. Но все такие попытки не принесли доброго плода, потому что слово *нути* стоит особняком и не только не выводится из коптского корня, но само есть соответствие египетского *нетер*[2]; переводчики Священного Писания заимствовали его из египетского, чтобы передавать слова «Бог» и «Господь». Коптский корень *номти* никоим образом не может

быть связан с *нути*, и попытка доказать их родство была предпринята лишь для того, чтобы объяснить основы египетской религии при помощи санскритских и прочих арийских сопоставлений. Вполне возможно, что слово *нетер* означает «крепость», «мощь» и тому подобное, но это лишь некоторые из производных его значений, и для того, чтобы установить наиболее вероятный его смысл, нам приходится искать помощи в иероглифических надписях. Выдающийся французский египтолог Э. де Руже связывал имя Бога, *нетер*, с другим словом *нетер* — «обновление», «возобновление», и, по его мнению, выходило бы, что основная идея Бога — это идея Существа, обладающего силой непрестанно обновлять самого себя, или, иными словами, «самосущего бытия». Покойный доктор Г. Бругш отчасти принял этот взгляд, ибо определял *нетер* как «деятельную силу, которая производит и творит вещи в правильной последовательности, дарует им новую жизнь и возвращает им юную крепость»[3]. Не подлежит, кажется, сомнению, что, поскольку невозможно найти одно слово, которое передало бы *нетер* полно и удовлетворительно, выражения «самосущее бытие» и «обладание силой бесконечно обновлять жизнь» можно вместе принять за соответствие *нетер* на нашем языке. Г-н Масперо справедливо оспаривает попытку видеть в слове *нетер* (муж. род) или *нетерит* (жен. род) значение «сильный» и пишет об этом так: «В выражениях „город *нетерит*“, „рука *нетери*“… можно ли быть уверенным, что „сильный город“, „сильная рука“ дают нам первоначальный смысл слова *нетер*? Когда мы сами говорим „божественная музыка“, „божественное стихотворение“, „божественный вкус персика“, „божественная красота женщины“, [слово] „божественный“ есть гипербола; но было бы ошибкой утверждать, будто оно изначально значило „изысканный“, на том

основании, что в придуманных мною выражениях его можно заменить: „изысканная музыка“, „изысканное стихотворение“, „изысканный вкус персика“, „изысканная красота женщины“. Точно так же по-египетски „город *нетерит*“ есть „божественный город“, „рука *нетери*“ — „божественная рука“, и *нетери* употребляется в египетском переносно, как [слово] „божественный“ во французском, причем приписывать [слову] *нетери* первоначальное значение „сильный“ ничуть не более необходимо, чем приписывать [слову] „божественный“ первоначальное значение „изысканный“»[4]. Разумеется, может статься, что у слова *нетер* было и другое значение, ныне утраченное; но, по-видимому, великое различие между Богом и его вестниками и сотворенными вещами состоит в том, что он — Существо самосущее и бессмертное, тогда как они не самосущи и смертны.

[2] Буква «р» выпала в коптском вследствие звукового распада.

[3] «Религия и мифология», с. 93.

[4] «Египетская мифология», с. 215.

Здесь нам возразят те, кто утверждает, будто древнеегипетское представление о Боге стоит на одном уровне с представлениями народов и племен, лишь немногим отличающихся от весьма смышленых животных, — возразят, что столь высокие понятия, как самосущее бытие и бессмертие, принадлежат народу, уже достигшему высокой ступени развития и цивилизации. Именно так и обстоит дело с египтянами, когда мы впервые их узнаем. В действительности мы ничего не знаем об их представлениях о Боге до того, как они развились настолько, чтобы воздвигнуть памятники, которые, как нам известно, они воздвигли, и до того, как у них появились та религия, та цивилизация и тот сложный

общественный строй, которые открыли нам их писания. В самые отдаленные доисторические времена их взгляды на Бога и на загробную жизнь, вероятно, мало отличались от взглядов ныне живущих первобытных племен, с которыми их кое-кто сравнивал. Первобытный бог был непременной принадлежностью семьи, и судьба бога менялась вместе с судьбой семьи; бога того города, где жил человек, почитали правителем города, и жители этого города так же не помышляли о том, чтобы не доставить ему подобающего, по их понятиям, его сану и положению, как не помышляли о том, чтобы не удовлетворить собственных нужд. В сущности, бог города становился средоточием общественного уклада этого города, и каждый его житель сам собою наследовал известные обязанности, пренебрежение которыми навлекало на него установленные кары и взыскания. Примечательная особенность египетской религии состоит в том, что первобытное представление о боге города постоянно пробивается в ней наружу; вот почему мы находим в ней первобытные представления о Боге бок о бок с некоторыми из самых возвышенных понятий; оно же, разумеется, лежит в основе всех сказаний о богах, в которых боги наделены всеми свойствами мужчин и женщин. Египтянин на своей первобытной ступени был ни лучше, ни хуже любого другого человека на той же ступени цивилизации, но он без труда занимает первое место среди народов по способности к развитию и по умению вырабатывать такие понятия о Боге и о загробной жизни, которые выдаются за особое достояние образованных народов нашего времени.

Теперь, однако, нам следует посмотреть, как слово, означающее Бога, — *нетер* — употребляется в религиозных текстах и в сочинениях, содержащих нравственные наставления. В тексте Унаса[5], царя, правившего около 3300 года до н. э., мы находим

такое место: «Посланное твоим *ка* приходит к тебе, посланное твоим отцом приходит к тебе, посланное Ра приходит к тебе, и оно приходит в свите твоего Ра. Ты чист, кости твои — боги и богини неба, ты пребываешь подле Бога, ты освобожден от уз, ты выходишь навстречу своей душе, ибо всякое злое слово (*или* дело), записанное на имя Унаса, уничтожено». И еще: в тексте Теты[6], в том месте, где говорится о месте в восточной части неба, «где боги рождают самих себя, где рождается то, что они рождают, и где они обновляют свою юность», об этом царе сказано: «Тета встает в образе звезды… он взвешивает слова (*или* испытывает дела), и вот Бог внимает тому, что он говорит». В другом месте[7] того же текста мы читаем: «Вот Тета достиг высоты неба, и существа *хенмемет* увидели его; ладья Семкетет[8] знает его, и это Тета правит ею, и ладья Мантчет[9] зовет его, и это Тета останавливает ее. Тета увидел свое тело в ладье Семкетет, он знает урея, что в ладье Мантчет, и Бог призвал его по имени его… и ввел его к Ра». И еще[10]: «Ты принял образ (*или* свойство) Бога и стал через него велик пред богами»; а о Пепи I, правившем около 3000 года до н. э., сказано: «Этот Пепи — Бог, сын Бога»[11].

[5] Изд. Масперо, «Пирамиды Саккары», с. 25.

[6] Там же, с. 113.

[7] Изд. Масперо, «Пирамиды Саккары», с. 111.

[8] Утренняя ладья солнца.

[9] Вечерняя ладья солнца.

[10] Там же, с. 150.

[11] Там же, с. 222.

В этих местах речь идет о верховном Существе в ином мире — о Существе, имеющем власть воззвать к Ра, богу Солнца, образу и символу Бога, и добиться у него благосклонного приема для усопшего царя. Можно, конечно, возразить, что слово *нетер* здесь обозначает Осириса, но об этом боге в текстах так говорить не принято; и даже если мы допустим, что это так, это лишь показывает, что Осирису приписывались силы Бога и что, как верили, он занимал по отношению к Ра и к усопшему то самое положение, какое занимало само верховное Существо. В двух последних приведенных выше отрывках можно было бы читать «бог» вместо «Бог», но царю незачем принимать образ или свойство безымянного бога; и если Пепи не становится сыном Бога, то честь, которую писавший этот текст желает воздать царю, становится ничтожной и даже смешной.

Переходя от религиозных текстов к сочинениям, содержащим нравственные наставления, мы находим, что писания ранних мудрецов Египта проливают много света на представление о Боге. Первые и главнейшие из них — «Наставления Кагемны» и «Наставления Птах-хетепа», сочинения, составленные еще около 3000 года до н. э. Древнейший их список, каким мы располагаем, к сожалению, не старше 2500 года до н. э., но это обстоятельство нисколько не ослабляет наших доводов. Эти «наставления» должны были служить руководством и поучением для юноши в исполнении его долга перед обществом, в котором он жил, и перед его Богом. Справедливость требует сказать, что читатель напрасно стал бы искать в них тех советов, которые встречаются в сочинениях подобного рода, написанных в более позднюю пору; но как труд, призванный показать юношеству того времени, когда Великая пирамида была еще новым сооружением, «весь долг

человека», эти «наставления» весьма замечательны. Представление Птах-хетепа о Боге видно из следующих мест:

1. «Не наводи страха ни на мужчину, ни на женщину, ибо Бог противится этому; и если кто скажет, что будет жить этим, Он сделает так, что тот будет нуждаться в хлебе».

2. «Что до вельможи, имеющего изобилие благ, то он может поступать по собственному усмотрению и может делать с собою, что ему угодно; если же он не захочет делать ничего, то и это по его воле. Вельможа одним мановением руки совершает то, чего человеческий род (*или* человек) достичь не может; но так как вкушение хлеба совершается по замыслу Бога, этого оспорить нельзя».

3. «Если у тебя есть земля для возделывания, трудись на поле, которое дал тебе Бог; чем наполнять свои уста тем, что принадлежит твоим соседям, лучше устрашить того, кто имеет достаток [, чтобы он дал тебе из него]».

4. «Если ты смиряешься, служа совершенному человеку, поведение твое будет прекрасно пред Богом».

5. «Если хочешь быть мудрым, сделай так, чтобы сын твой был угоден Богу».

6. «Удовлетворяй тех, кто зависит от тебя, насколько ты в силах это сделать; так должны поступать те, кого Бог облагодетельствовал».

7. «Если, быв ничтожным, ты стал велик, и если, быв бедным, ты стал богат, и если ты стал правителем города, не ожесточайся сердцем оттого, что возвысился, ибо ты стал лишь хранителем того, что припас Бог».

8. «Что любезно Богу — это послушание; Бог ненавидит непослушание».

9. «Поистине, добрый сын — из даров Божиих»[12].

[12] Текст издан Приссом д'Авенном под заглавием «Факсимиле египетского папируса иератическим письмом», Париж, 1847. Перевод всего сочинения см.: Вире, «Исследования о папирусе Присса», Париж, 1887.

То же представление о Боге, но в некоторых отношениях значительно расширенное, можно найти в «Изречениях Хенсу-хетепа» — сочинении, составленном, вероятно, во времена XVIII династии. Его подробно изучали многие выдающиеся египтологи, и хотя между ними были немалые расхождения в подробностях и в грамматических тонкостях, общий смысл изречений установлен ясно. Чтобы показать, как употребляется слово *нетер*, из этого сочинения выбраны следующие места[13]:

[13] Они приведены с подстрочной транслитерацией и переводом в моем «Папирусе Ани», с. lxxxv и сл., где указана и прежняя литература по этому предмету.

1. «Бог возвеличивает свое имя».

2. «Что ненавистно дому Бога — это многословие. Молись с любящим сердцем, и все прошения твои да будут в тайне. Он исполнит твое дело, он услышит то, что ты говоришь, и примет твои приношения».

3. «Бог определяет правду».

4. «Когда приносишь жертву своему Богу, остерегайся того, что ему мерзко. Созерцай очами своими его замыслы и предайся прославлению его имени. Он дает души миллионам образов, и того, кто возвеличивает его, он возвеличивает».

5. «Если мать твоя воздеет руки к Богу, он услышит ее молитвы [и покарает тебя]».

7. «Отдай себя Богу и храни себя каждый день для Бога».

Однако, хотя приведенные места и доказывают, сколь возвышенное представление о верховном Существе имели египтяне, они не дают нам ни одного из тех титулов и эпитетов, которые египтяне к нему прилагали; за ними мы должны обратиться к прекрасным гимнам и религиозным размышлениям, составляющим столь важную часть «Книги мертвых». Но прежде чем приводить из них выдержки, нужно сказать о *нетеру*, то есть о существах или сущностях, которые в той или иной мере причастны природе или естеству Бога и которых обычно называют «богами». Древние народы, приходившие в соприкосновение с египтянами, обыкновенно не понимали природы этих существ, и то же самое случилось с иными современными западными писателями. Если присмотреться к этим «богам» внимательно, оказывается, что они не что иное, как образы, или проявления, или облики, или свойства одного бога, а этот бог — Ра, бог Солнца, который, надо помнить, был образом и символом Бога. Тем не менее почитание египтянами *нетеру* положили в основу обвинения их в «грубом идолопоклонстве», и кое-кто изображал их стоящими на низком умственном уровне диких племен. Несомненно, что с древнейших времен одним из сильнейших стремлений египетской религии было стремление к единобожию, и это стремление заметно во всех важных текстах вплоть до самой поздней эпохи; несомненно и то, что с очень давних пор в Египте бок о бок с единобожием существовало своего рода многобожие. Что из них древнее — единобожие или многобожие, — при нынешнем состоянии наших знаний доискиваться бесполезно. По мнению Тиле, религия Египта вначале была многобожной, но развивалась в двух противоположных направлениях: в одном число богов умножалось за счет прибавления местных богов, в другом

египтяне все ближе и ближе подходили к единобожию[14]. Доктор Видеман держится того взгляда, что в египетской религии можно различить три главных начала: 1) солнечное единобожие, то есть одного бога, творца вселенной, который являет свою силу преимущественно в солнце и в его действиях; 2) культ возрождающей силы природы, выражающийся в почитании итифаллических богов, плодородных богинь, целого ряда животных и различных божеств растительности; 3) представление о человекоподобном божестве, чья жизнь в этом мире и в мире ином была прообразом идеальной жизни человека[15], — и это последнее божество, разумеется, Осирис. Но и здесь, как говорит доктор Видеман, приходится с сожалением признать, что все имеющиеся у нас тексты сравнительно поздни по отношению ко времени возникновения египетской религии и потому в них эти три начала перемешаны между собою вместе с множеством чужеродных примесей так, что невозможно установить, какое из них древнейшее. Нельзя привести лучшего примера того, как свободно смешиваются в одном и том же тексте различные представления о боге и о Боге, чем «Отрицательная исповедь» в сто двадцать пятой главе «Книги мертвых». Здесь, в древнейших известных списках этих мест, умерший говорит: «Я не хулил Бога» (строка 38), а несколькими строками ниже (строка 42) прибавляет: «Я не презирал бога, живущего в моем городе». По-видимому, здесь обозначены два различных слоя верований, и более древний представлен упоминанием о «боге города»; в таком случае он восходит ко времени, когда египтянин жил совсем первобытной жизнью. Если мы предположим, что Бог, упомянутый в строке 38, — это Осирис, это не отменяет того факта, что его считали существом совершенно иным, нежели «бог города», и что он был достаточно важен, чтобы ему была

посвящена особая строка «Исповеди». Египтянин не видел ничего несообразного в том, чтобы ставить упоминания о «богах» рядом с упоминаниями о боге, которого мы не можем не отождествить с Верховным Существом и Творцом мира; вследствие этого его представления и верования были прискорбно искажены, и некоторые писатели сделали его предметом насмешек. Что, например, может быть дальше от истины, чем следующее описание египетского богопочитания? «Кто не знает, о Волузий Вифинский, каким чудовищам поклоняется в своем безумии Египет? Одна его часть чтит крокодила, другая трепещет перед ибисом, насытившимся змеями. Изваяние священной обезьяны блистает золотом там, где звучат волшебные струны разбитого надвое Мемнона и где лежат в развалинах древние Фивы со своими ста воротами. В одном месте чтут морскую рыбу, в другом — речную; там целые города поклоняются псу, и никто — Диане. Нечестиво осквернить или надкусить зубами порей или луковицу. О святые народы, у которых боги растут в огородах! Всякий стол там воздерживается от животных, покрытых шерстью: заклать козленка там — преступление. Зато человеческое мясо — пища дозволенная»[16].

[14] Тиле, «История религии в древности», Амстердам, 1893, с. 25. Ряд ценных замечаний по этому предмету дает Либлейн в «Египетской религии», с. 10.

[15] «Книга мертвых» (рецензия в журнале «Мюзеон», т. XIII, 1893).

[16] Ювенал, Сатира XV (перевод Эванса в серии Бона, с. 180). Введенный в заблуждение Ювеналом, наш добрый Джордж Герберт («Воинствующая Церковь») писал:

«Сперва он (то есть Грех) пришел в Египет, сея
Сады богов, что, год от году зеленея,
Рождали свежих, славных божеств. Дорого платили:
Ведь ради бога там салат свой упустили.
Ах, жалок человек, что благодати обделен:

Смиренным ликом чесноку поклоны бьет он,
Еды он просит у того, что мог бы съесть,
И голодает, воздавая пище честь!
Кто корень богом чтит — как низко пал же он,
Коль Бог от человека бесконечно отдален!
Какой убожества предел его вместит,
Чей дом в грязи, а он метлу боготворит?»

Эпитеты, которые египтяне прилагали к своим богам, тоже служат ценным свидетельством того, что они думали о Боге. Мы уже сказали, что «боги» — лишь образы, проявления и облики Ра, бога Солнца, который сам был образом и символом Бога; и из самого свойства этих эпитетов очевидно, что их прилагали к «богам» лишь потому, что те олицетворяли некое качество или свойство, которое египтяне приписали бы Богу, будь у них обычай обращаться к Нему. Возьмем для примера эпитеты, которые прилагаются к Хапи, богу Нила. Прекрасный гимн[17] этому богу начинается так:

[17] Весь гимн издан Масперо: «Гимн Нилу», Париж, 1868.

> «Хвала тебе, о Хапи! Ты выходишь на эту землю и приходишь с миром, чтобы дать жизнь Египту, о сокровенный, ты, путеводитель тьмы, когда тебе угодно быть ее путеводителем. Ты орошаешь поля, сотворенные Ра, ты даешь жизнь всем животным, ты непрестанно поишь землю; ты нисходишь путем небес, ты друг пищи и питья, ты податель зерна, и ты даешь процветание всякому месту труда, о Птах!.. Если бы тебя одолели на небе, боги пали бы ниц, а люди погибли бы. Ты делаешь так, что вся земля раскрывается (*или* распахивается) скотом, и вельможа и земледелец ложатся на покой… Нрав его (*или* образ) — нрав Хнума; когда он сияет над землею, наступает ликование, ибо все люди радуются, сильный (?) получает свою пищу, и у всякого зуба есть что жевать».

Восхвалив его за то, что он делает для людей и для скота, и за то, что он растит траву на пользу всем людям, текст говорит:

> «Его не изобразить в камне; его не увидеть в изваяниях, на которые возлагают соединенные венцы Юга и Севера с уреями; ему нельзя ни служить делами, ни приносить приношений; и его нельзя вызвать из его потаенного места. Место, где он живет, неведомо; его не найти в расписанных святилищах; нет жилища, которое могло бы вместить его; и ты не можешь постичь его образа в сердце своем».

Прежде всего мы замечаем, что к Хапи обращаются с именами Птаха и Хнума — не потому, что писавший думал, будто эти три бога одно, а потому, что Хапи как великий податель воды Египту становился как бы богом-творцом, подобно Птаху и Хнуму. Далее мы видим, что о нем говорится, будто его невозможно изобразить на картинах и даже вообразить, каков его образ, ибо он неведом, обитель его не найти и никакое место не может его вместить. Но на деле сохранилось немало рисунков и изваяний Хапи, и мы знаем, что его обычно изображают в виде двух богов: у одного на голове растение папирус, у другого — лотос; первый — бог Нила Юга, второй — бог Нила Севера. В других местах он изображен в виде крупного мужчины с женской грудью. Вполне ясно, следовательно, что приведенные нами эпитеты прилагаются к нему лишь как к образу Бога. В другом гимне, любимом во времена XVIII и XIX династий, Хапи назван «Единым», и о нем сказано, что он сотворил самого себя; но так как далее в тексте он отождествляется с Ра, к нему прилагаются эпитеты, принадлежащие богу Солнца. Покойный доктор Г. Бругш собрал[18] множество эпитетов, прилагаемых к богам в текстах всех эпох, и по ним мы можем видеть, что представления и верования египтян

о Боге были почти тождественны представлениям и верованиям евреев и мусульман в позднейшие времена. Если их расположить по порядку, эти эпитеты гласят:

[18] «Религия и мифология», с. 96–99.

> «Бог Един и Один, и нет иного рядом с Ним; Бог — Единый, Единый, Который сотворил все.
>
> Бог есть дух, сокровенный дух, дух духов, великий дух египтян, божественный дух.
>
> Бог — от начала, и Он был от начала; Он существовал издревле и был, когда ничего иного не было. Он существовал, когда ничто иное не существовало, и то, что существует, Он сотворил после того, как Сам возник. Он — отец начал.
>
> Бог — Вечный, Он вечен и бесконечен; Он пребывает во веки веков; Он пребывал бессчетные века и будет пребывать во всю вечность.
>
> Бог — сокровенное Существо, и никто не познал Его образа. Никто не мог отыскать Его подобия; Он сокрыт от богов и людей, и Он — тайна для Своих творений.
>
> Никто не знает, как познать Его. Имя Его остается сокровенным; имя Его — тайна для Его детей. Имена Его бесчисленны, они многообразны, и никто не знает их числа.
>
> Бог есть истина, и Он живет истиною и питается ею. Он — Царь истины, Он покоится на истине, Он созидает истину и вершит истину во всем мире.
>
> Бог есть жизнь, и только через Него живет человек. Он дает жизнь человеку и вдыхает в ноздри его дыхание жизни.
>
> Бог — отец и мать, отец отцов и мать матерей. Он рождает, но никогда не был рожден; Он производит, но никогда не был произведен; Он родил Самого Себя и произвел Самого Себя. Он

творит, но никогда не был сотворен; Он — создатель Своего собственного образа и ваятель Своего собственного тела.

Бог сам есть бытие; Он живет во всем и всем живет. Он пребывает, не прибавляясь и не убывая; Он умножает Себя миллионы раз, и у Него множество образов и множество членов.

Бог сотворил вселенную и создал все, что в ней. Он Творец того, что есть в этом мире, того, что было, что есть и что будет. Он Творец мира, и это Он образовал его Своими руками прежде всякого начала, и Он утвердил его тем, что исходило от Него. Он Творец небес и земли; Творец небес, и земли, и бездны; Творец небес, и земли, и бездны, и вод, и гор. Бог распростер небеса и основал землю. Что замыслило Его сердце, то тотчас сбывалось, и когда Он изрекал Свое слово, оно сбывалось и пребудет вовеки.

Бог — отец богов и отец отца всех божеств; Он подал Свой голос — и явились божества, и боги возникли, едва Он изрек Своими устами. Он образовал человечество и сотворил богов. Он великий Мастер, изначальный Горшечник, Который вылепил людей и богов Своими руками; Он образовал людей и богов на гончарном круге.

Небеса покоятся на Его голове, и земля поддерживает Его стопы; небо скрывает Его дух, земля скрывает Его образ, а подземный мир заключает в себе Его тайну. Тело Его подобно воздуху, небо покоится на Его голове, и новый разлив [Нила] заключает в себе Его образ.

Бог милостив к тем, кто чтит Его, и слышит того, кто к Нему взывает. Он защищает слабого от сильного, Он слышит вопль того, кто закован в оковы; Он судит между могучим и слабым. Бог знает того, кто знает Его; Он награждает того, кто служит Ему, и охраняет того, кто следует за Ним».

Теперь нам предстоит рассмотреть видимый образ Бога, Его прообраз и символ, а именно бога Солнца Ра, которому в Египте поклонялись еще в доисторические времена.

Согласно писаниям египтян, было время, когда не существовало ни неба, ни земли и не было ничего, кроме безбрежной изначальной[1] воды, окутанной, однако, густым мраком. В таком состоянии изначальная вода пребывала долгое время, хотя и заключала в себе зародыши всего, что впоследствии появилось в этом мире, и самого мира. Наконец дух изначальной воды ощутил желание творить, и, когда он изрек слово, мир тотчас возник в том виде, какой уже был начертан в уме духа прежде, чем он произнес слово, повлекшее за собой сотворение. Следующим делом творения было образование зародыша, или яйца, из которого вышел Ра, бог Солнца; в его сияющем образе воплотилась всемогущая сила божественного духа.

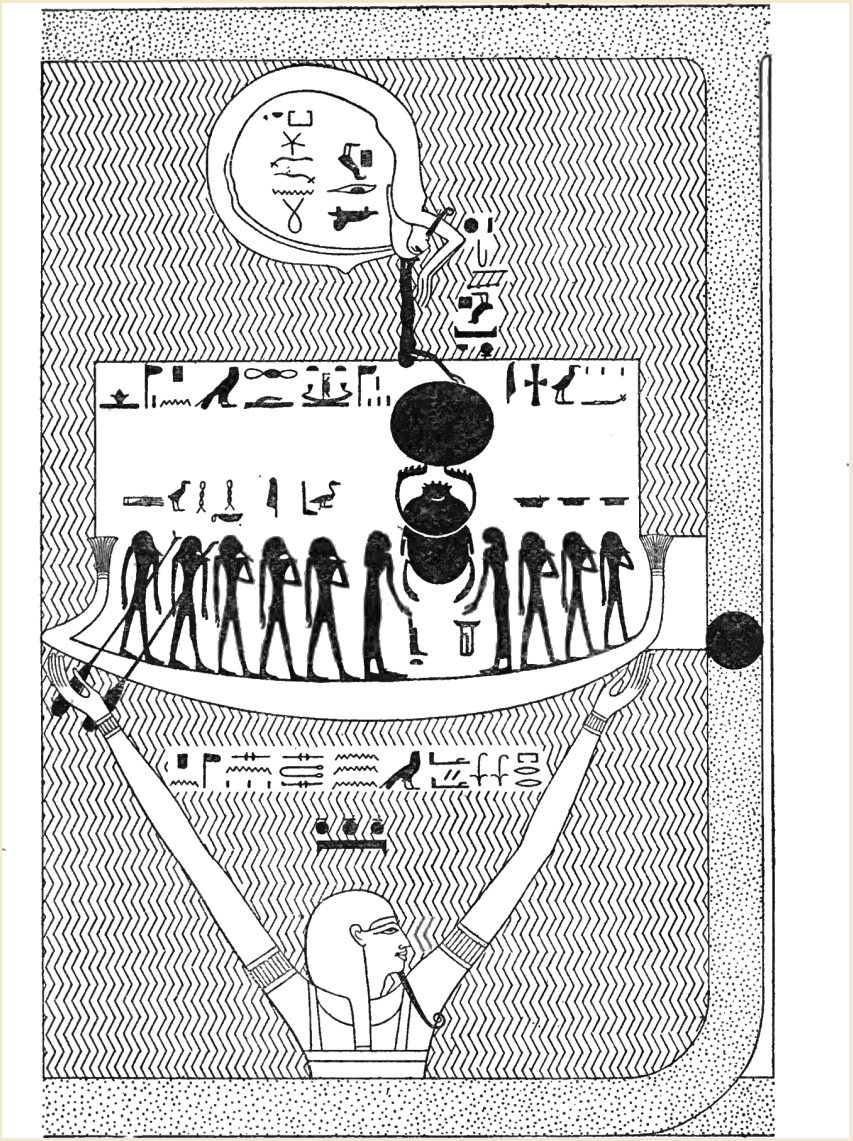
[1] См. Бругш, «Религия», с. 101.

Таков очерк сотворения мира, как его описал покойный доктор Г. Бругш, и любопытно видеть, насколько близко его взгляды совпадают с одной главой *папируса Неси-Амсу*, хранящегося в Британском музее[2]. В третьем разделе этого папируса мы находим сочинение, написанное с единственной целью — низвергнуть Апопа, великого врага Ра, а в самом этом сочинении — две редакции главы, где описано сотворение земли и всего, что на ней. Говорит бог Неб-ер-чер, и вот его слова:

[2] № 10188. Мою транскрипцию и перевод всего папируса см. в «Археологии», т. 52, Лондон, 1891.

> «Я произвел становление становлений. Я возник в образе становлений бога Хеперы, которые совершились в начале всех времен. Я возник вместе со становлениями бога Хеперы; я возник

через становление становлений — то есть я развился из первоматерии, которую создал, я развился из первоматерии. Имя мое — Аусарес (Осирис), зародыш первоматерии. Я всецело исполнил мою волю на этой земле, я распространился по ней и наполнил ее, я укрепил ее [моей] рукой. Я был один, ибо ничто еще не было рождено; я еще не извел тогда из себя ни Шу, ни Тефнут. Я произнес собственное имя, как слово силы, своими устами — и тотчас возник. Я возник в образе становлений бога Хеперы и развился из первоматерии, которая от начала времен произвела множество становлений. Ничего не было тогда на этой земле, и я сотворил все. Не было никого, кто трудился бы со мной в то время. Я совершил там все становления посредством той божественной Души, которую я там образовал и которая оставалась бездеятельной в водной бездне. Я не нашел там места, где бы встать. Но я был крепок сердцем, и я положил себе основание, и я сотворил все, что было сотворено. Я был один. Я положил основание своему сердцу (или воле) и создал множество вещей, которые возникли сами собою, подобно становлениям бога Хеперы, и потомство их произошло от становлений их рождений. Я извел из себя богов Шу и Тефнут, и из Одного я стал Тремя; они изошли из меня и появились на этой земле… Шу и Тефнут произвели на свет Себа и Нут, а Нут родила Осириса, Гора-хент-ан-маа, Сета, Исиду и Нефтиду в одни роды».



Сотворение мира. Бог Ну поднимается из изначальной воды и держит в руках ладью Ра, бога Солнца, которого сопровождает ряд божеств. В верхней части сцены — область подземного мира, замкнутая телом Осириса; на голове его стоит богиня Нут, простирая руки, чтобы принять солнечный диск.

Уже то, что существуют две редакции этой замечательной главы, доказывает, что сочинение гораздо древнее папируса[3], в котором оно найдено, а разночтения, встречающиеся в обеих, не оставляют сомнения в том, что египетские писцы с трудом понимали то, что писали. Можно сказать, что эта версия космогонии неполна, потому что она не объясняет происхождения ни одного из богов, кроме принадлежащих к кругу Осириса, и это возражение справедливо; но здесь нам важно лишь показать, что Ра, бог Солнца, произошел из изначальной водной бездны действием бога Хеперы, который достиг этого, произнеся собственное имя. Великие космические боги, такие как Птах и Хнум, о которых речь пойдет позже, порождены иным кругом религиозных воззрений, и космогония, в которой они играют главные роли, совершенно иная. Заметим мимоходом, что бог, чьи слова мы привели выше, объявляет, что он возник в образе Хеперы и что имя его — Осирис, «первоматерия первоматерии», а из этого следует, что Осирис тождествен Хепере в своих становлениях и новых рождениях. Слово, переданное у нас как «становления», — *хеперу*, буквально «перекатывания»; а переданное как «первоматерия» — *наут*, то исходное «вещество», из которого было сделано все. В обеих редакциях нам говорится, что мужчины и женщины возникли из слез, упавших из «Ока» Хеперы, то есть из Солнца, о котором бог говорит: «Я поместил его на моем лице, и потом оно правило всей землей».

[3] Около 300 г. до н. э.

Мы видели, как Ра стал видимым прообразом и символом Бога, творцом мира и всего, что в нем; теперь можно рассмотреть, какое место он занимал по отношению к умершим. Уже в эпоху IV династии, около 3700 г. до н. э., его почитали великим богом неба

и царем всех богов, божественных существ и блаженных умерших, обитавших там. Положение блаженных на небе определяет Ра, и из всех тамошних богов, по-видимому, один лишь Осирис властен просить покровительства для своих последователей; приношения, которые умерший желал бы сделать Ра, в действительности подносит ему Осирис. Одно время величайшей надеждой египтянина было, кажется, не только стать по усыновлению «Богом, сыном Бога», но и обрести в Ра настоящего отца. Так, в тексте Пепи I[4] сказано: «Пепи — сын Ра, который любит его; и он выходит и возносится на небо. Ра породил Пепи, и он выходит и возносится на небо. Ра зачал Пепи, и он выходит и возносится на небо. Ра родил Пепи, и он выходит и возносится на небо». По существу эти представления оставались теми же с древнейших времен до позднейших, и Ра сохранял свое положение великого главы божественных сонмов, несмотря на возвышение Амона и на попытку так называемых «почитателей Диска» сделать Атона господствующим богом Египта. Приводимые ниже хорошие, показательные образцы гимнов Ра взяты из древнейших списков фиванской редакции «Книги мертвых».

[4] Изд. Масперо, строка 576.

I. Из папируса Ани[5]

[5] См. «Главы о выходе днем», с. 3.

> «Хвала тебе, о ты, пришедший как Хепера, Хепера, творец богов! Ты восходишь и сияешь и даешь свет в твоей матери Нут (то есть в небе); ты увенчан царем богов. Мать твоя Нут воздает тебе поклонение обеими руками. Земля Ману (то есть земля, где заходит солнце) с довольством принимает тебя, и богиня Маат обнимает тебя и утром, и вечером[6].

[6] То есть Маат, богиня закона, порядка, правильности и тому подобного, заставляет солнце восходить каждый день в назначенном ему месте и в назначенное время с совершенной и неизменной правильностью.

Привет вам, все боги Храма Души[7], что взвешивают небо и землю на весах и в изобилии доставляют божественную пищу! Привет тебе, Татунен, Единый, Творец человечества и Создатель сущности богов юга и севера, запада и востока! О, придите и славьте Ра, владыку неба и Творца богов, и поклонитесь ему в его прекрасном образе, когда он приходит утром в своей божественной ладье.

[7] То есть душа, о которой говорилось выше в рассказе о сотворении мира.

О Ра, тебе поклоняются обитающие в высотах и обитающие в глубинах. Бог Тот и богиня Маат начертали тебе [твой путь] на всякий день. Твой враг Змей предан огню, змей-демон Себау пал стремглав; руки его скованы цепями, и ты отсек ему ноги; и сыны бессильного мятежа никогда более не восстанут против тебя. Храм Древнего[8] (то есть Ра) справляет праздник, и голос ликующих раздается в могучей обители. Боги ликуют, видя твой восход, о Ра, когда лучи твои заливают мир светом. Величество святого бога выходит и шествует до самой земли Ману; он озаряет землю при своем рождении каждый день; он продолжает путь к месту, где был вчера».

[8] То есть Ра Гелиопольский.

II. Из папируса Хунефера[9]

[9] Из папируса Хунефера (Брит. муз., № 9901).

«Хвала тебе, о ты, кто есть Ра, когда восходишь, и Тем, когда заходишь! Ты восходишь, ты восходишь, ты сияешь, ты сияешь, о ты, увенчанный царем богов! Ты владыка неба, ты владыка земли; ты творец обитающих в высотах и обитающих в глубинах. Ты Единый Бог, возникший в начале времен. Ты сотворил землю, ты

образовал человека, ты создал водную бездну неба, ты сотворил Хапи (то есть Нил), ты сотворил великую пучину и даешь жизнь всему, что в ней. Ты связал воедино горы, ты дал бытие человечеству и полевым зверям, ты сотворил небеса и землю. Да будешь ты прославлен, ты, кого богиня Маат обнимает утром и вечером. Ты странствуешь по небу, и сердце твое полно радости; великая пучина неба довольна этим. Змей-демон Нак[10] пал, и руки его отсечены. Ладья Сектет[11] принимает попутные ветры, и сердце того, кто в ее святилище, ликует.

[10] Одно из имен змея тьмы, которого Ра убивал ежедневно.

[11] Ладья, в которой Ра плыл от полудня до заката.

Ты увенчан Князем неба, ты Единый, [облеченный всею властью], что являешься на небе. Ра — тот, кто правдив голосом[12]. Привет тебе, божественный юноша, наследник вечности, самопорожденный Единый! Привет тебе, родивший сам себя! Привет тебе, Единый, могучее существо мириад образов и обличий, царь мира, князь Анну (Гелиополя), владыка вечности и правитель вековечности! Сонм богов ликует, когда ты восходишь и плывешь по небу, о ты, превознесенный в ладье Сектет».

[12] То есть все, что повелевает Ра, тотчас сбывается; см. главу о Суде над умершими.

«Хвала тебе, о Амон-Ра[13], покоящийся на Маат[14]! Ты проходишь по небу, и всякое лицо видит тебя. Ты растешь в величии по мере того, как шествует твое Величество, и лучи твои на всех лицах. Ты неведом, и ни один язык не может описать твоего подобия; лишь ты сам [можешь это]. Ты Единый… Люди славят тебя в твоем имени и клянутся тобою, ибо ты владыка над ними. Ты слышишь своими ушами и видишь своими глазами. Миллионы лет прошли над миром. Я не могу сказать числа тех, через которые ты прошел. Сердце твое назначило день счастья в твоем имени „Путник“. Ты

проходишь и странствуешь через неисчислимые пространства, [на прохождение которых нужны] миллионы и сотни тысяч лет; ты проходишь их в мире и правишь свой путь через водную бездну к месту, которое любишь; это ты совершаешь в одно краткое мгновение, а затем опускаешься и кладешь конец часам».

[13] О боге Амоне см. главу «Боги египтян».

[14] То есть «твое бытие, твои восходы и закаты упорядочены и определены твердым, неизменным и непреложным законом».

III. Из папируса Ани[15]

[15] Табл. 20.

Следующее прекрасное сочинение, отчасти гимн, отчасти молитва, представляет исключительный интерес.

«Привет тебе, Диск, владыка лучей, восходящий на горизонте день за днем! Освети своими лучами лицо Осириса Ани, правдивого голосом; ибо он поет тебе хвалебные гимны на заре и провожает тебя на закат словами поклонения. Да выйдет душа Ани с тобой на небо, да отплывет он в ладье Матет. Да войдет он в гавань в ладье Сектет, и да проложит он себе путь среди никогда не отдыхающих звезд на небесах.

Осирис Ани, пребывая в мире и торжестве, поклоняется своему владыке, владыке вечности, говоря: „Хвала тебе, о Херу-хути (Хармахис), ты, бог Хепера, самосотворенный! Когда ты восходишь на горизонте и проливаешь свои лучи на земли Севера и Юга, ты прекрасен, да, прекрасен, и все боги ликуют, видя тебя, царя неба. Богиня Небт-Уннут утверждена на твоей голове, и ее уреи Юга и Севера на твоем челе; она занимает свое место перед тобой. Бог Тот утвержден на носу твоей ладьи, чтобы совершенно истребить всех твоих врагов. Те, кто в Туате (подземном мире), выходят тебе навстречу и низко склоняются в поклонении, приближаясь к тебе,

чтобы узреть твой прекрасный образ. И я пришел пред тебя, чтобы быть с тобой и видеть твой Диск каждый день. Да не буду я заключен [в гробнице], да не буду я отвращен вспять, да обновятся члены моего тела, когда я узрю твою красоту, как [обновляются члены] всех твоих любимцев, ибо я из тех, кто поклонялся тебе на земле. Да приду я в страну вечности, да приду я в землю вековечную, ибо вот, о владыка мой, ты сам предназначил мне это.

Хвала тебе, о восходящий на своем горизонте как Ра, ты покоишься на Маат[16]. Ты проходишь по небу, и всякое лицо следит за тобой и твоим путем, ибо ты был сокрыт от их взора. Ты являешь себя на заре и на закате день за днем. Ладья Сектет, в которой твое Величество, выходит с мощью; лучи твои на [всех] лицах; твоих красных и желтых лучей нельзя познать, и твоих светлых лучей не счесть. Нужно увидеть земли богов и восточные земли Пунта[17], прежде чем можно будет измерить то, что сокрыто [в тебе][18].

[16] То есть на неизменном и непреложном законе.

[17] То есть восточное и западное побережья Красного моря и северо-восточное побережье Африки.

[18] Смысл этого места мне не вполне ясен.

Один, сам собою ты являешь себя, [когда] возникаешь над Ну. Да продвигаюсь я вперед, как продвигаешься ты; да не перестану я [идти вперед], как не перестает [идти вперед] твое Величество, хотя бы на мгновение; ибо шагами своими ты в одно краткое мгновение проходишь пространства, на прохождение которых [человеку] понадобились бы сотни тысяч, да, миллионы лет; [это] ты совершаешь, а затем опускаешься на покой. Ты кладешь конец часам ночи и ведешь им счет, ты сам; ты завершаешь их в назначенное тобою время, и земля становится светлой. Ты

ставишь себя перед делом рук своих в подобии Ра; ты восходишь на горизонте“.

Осирис, писец Ани, возглашает тебе хвалу, когда ты сияешь, и, когда ты восходишь на заре, он восклицает в радости о твоем рождении, говоря:

„Ты увенчан величием своей красоты; ты лепишь свои члены, продвигаясь вперед, и производишь их на свет без родовых мук в образе Ра, восходя в небесную высь. Дай мне прийти на небо, которое вечно, и на гору, где обитают твои любимцы. Да соединюсь я с теми сияющими существами, святыми и совершенными, что пребывают в подземном мире; и да выйду я с ними узреть твою красоту, когда ты сияешь на закате и уходишь к твоей матери Нут. Ты помещаешь себя на западе, и руки мои поклоняются [тебе], когда ты заходишь как живое существо[19]. Вот, ты вечный творец, и тебе поклоняются [как таковому, когда] ты заходишь на небесах. Я отдал тебе свое сердце без колебания, о ты, могущественнейший из богов“.

[19] То есть «ибо, заходя, ты не умираешь».

Хвалебный гимн тебе, о ты, восходящий подобно золоту и заливающий мир светом в день своего рождения! Мать твоя дает тебе рождение, и тотчас ты даешь свет на пути [твоего] Диска, о ты, великий Свет, сияющий на небесах. Ты даешь поколениям людей процветать благодаря разливу Нила и творишь веселье во всех землях, во всех городах и во всех храмах. Ты славен своим блеском и укрепляешь свое КА (то есть Двойника) божественными яствами, о ты, могучий победами, ты, Сила Сил, укрепляющий свой престол против злых демонов, — ты, славный Величеством в ладье Сектет и всемогущий в ладье Атет[20]!»

[20] Соответственно вечерняя и утренняя ладьи Солнца.

Эту подборку уместно завершить коротким гимном[21], который, хотя и относится к более позднему времени, передает в сжатом виде все существенное, что есть в более длинных гимнах XVIII династии (около 1700–1400 гг. до н. э.).

[21] Из папируса Нехта (Брит. муз., № 10471).

«Хвала тебе, о ты, славное Существо, [облеченное всею властью]! О Тем-Хармахис[22], когда ты восходишь на горизонте неба, крик радости несется к тебе из уст всех народов. О ты, прекрасное Существо, ты обновляешь себя в свое время в образе Диска внутри твоей матери Хатхор[23]; оттого повсюду всякое сердце исполняется радости при твоем восходе вовеки. Области Севера и Юга приходят к тебе с поклонением и шлют приветственные клики при твоем восходе на горизонте неба; ты озаряешь обе земли лучами бирюзового света. Привет тебе, Ра, ты, что есть Ра-Хармахис, божественный младенец, наследник вечности, самопорожденный и саморожденный, царь земли, князь подземного мира, правитель областей Аукерт (то есть подземного мира)! Ты вышел из воды, ты произошел от бога Ну, который лелеет тебя и устрояет твои члены.

[22] Соответственно вечернее и утреннее солнце.

[23] Подобно Нут, богиня неба, но преимущественно той его части, где восходит солнце.

Привет тебе, бог жизни, владыка любви; все люди живут, когда ты сияешь; ты увенчан царем богов. Богиня Нут воздает тебе поклонение, и богиня Маат обнимает тебя во всякое время. Те, кто в свите твоей, поют тебе с радостью и склоняют челом до земли, встречая тебя, владыка неба, владыка земли, царь Права и Истины, владыка вечности, князь вековечности, государь всех богов, бог жизни, творец вечности, создатель неба, на котором ты прочно утвержден. Сонм богов ликует при твоем восходе, земля радуется,

видя твои лучи; народы, давно умершие, выходят с криками радости, чтобы видеть твою красоту каждый день. Ты выходишь каждый день над небом и землей, и каждый день тебя укрепляет мать твоя Нут. Ты проходишь по высотам неба, сердце твое полно радости; бездна неба довольна этим. Змей-демон пал, руки его отсечены, и нож рассек его суставы. Ра живет в Маат прекрасной. Ладья Сектет приближается и входит в гавань; Юг и Север, Запад и Восток обращаются, чтобы славить тебя, о ты, первосущество земли, возникшее само собою. Исида и Нефтида приветствуют тебя, они поют тебе радостные песни при твоем восходе в ладье, они охраняют тебя своими руками. Души Востока следуют за тобой, души Запада славят тебя. Ты правитель всех богов, и ты радуешься сердцем в своем святилище; ибо змей-демон Нак осужден на огонь, и сердце твое будет радостно вовеки».

Из соображений, изложенных на предыдущих страницах, из выдержек из религиозных текстов разных эпох и из приведенных гимнов читатель может сам судить о взглядах, которых древний египтянин держался относительно Всемогущего Бога и Его видимого прообраза и символа — Ра, бога Солнца. Египтологи расходятся в толковании отдельных мест, но согласны в общих фактах. Разбирая эти факты, необходимо со всей ясностью понимать, что религиозные представления доисторического египтянина сильно отличались от представлений просвещенного жреца Мемфиса во II династию или почитателей Тема, или Атума, бога заходящего солнца, в IV династию.

Составители религиозных текстов всех эпох сохраняли множество верований древнейшей, первобытной поры, о которых хорошо знали, что это порождения воображения их далеких предков, — сохраняли не потому, что сами верили в них или думали, что миряне, которым они служили, их примут, но из

благоговения перед унаследованными преданиями. Последователи ни одной великой религии в мире так и не освободились вполне от всех старых поверий, которые во всех поколениях получали в наследство от предков; и что верно для народов прошлого, то в известной мере верно и для народов наших дней. На Востоке чем древнее мысли, верования и предания, тем священнее они становятся; но это не помешало тамошним людям выработать высокие нравственные и духовные понятия и продолжать верить в них, и к таким понятиям следует причислить Единого, Самопорожденного и Самосущего Бога, Которому поклонялись египтяне.

ГЛАВА II

ОСИРИС, БОГ ВОСКРЕСЕНИЯ

✦

Египтяне всех эпох, какие нам известны, верили, что Осирис был божественного происхождения, что он претерпел смерть и растерзание от сил зла, что после великой борьбы с этими силами он восстал вновь, стал отныне царем подземного мира и судьей мертвых и что, поскольку он победил смерть, праведные тоже могут победить смерть. Они вознесли Осириса на небесах так высоко, что он сравнялся с богом Солнца Ра, а в иных случаях и превзошел его, и приписали ему свойства, которые подобают Богу. Как бы далеко в прошлое мы ни заглядывали, мы всюду видим, что эти представления об Осирисе предполагаются известными читателю религиозных текстов и принятыми им; и в древнейшей погребальной книге Осирис стоит среди других богов точно так же, как в самых поздних списках «Книги мертвых». Первые сочинители древних иероглифических погребальных текстов и позднейшие их редакторы были настолько уверены, что история Осириса известна всем и каждому, что никто из них, насколько мы знаем, не счел нужным записать связное повествование о жизни и страданиях этого бога на земле; а если кто и записал, то до нас оно не дошло. Уже при V династии Осирис и боги его круга, или сонма, занимают особое, исключительное место в сочинениях, написанных на благо умерших, а каменные и иные памятники еще

более ранних времен упоминают обряды, совершение которых предполагало, что история Осириса в главном верна в том виде, в каком ее донесли до нас позднейшие писатели. Связная же история Осириса у нас есть, и хотя написана она не по-египетски, в ней столько египетского по происхождению, что можно не сомневаться: автор черпал сведения из египетских источников. Я говорю о сочинении «Об Исиде и Осирисе» греческого писателя Плутарха, жившего около середины I века нашей эры. К сожалению, Плутарх отождествляет в нем некоторых египетских богов с богами греков и добавляет немало сведений, которые либо порождены его собственным воображением, либо возникли из неверных известий. В переводе[1] Сквайра этот рассказ звучит так:

[1] «Книга Плутарха об Исиде и Осирисе, по-гречески и по-английски». Издание С. Сквайра, Кембридж, 1744.

> «Рея[2], — рассказывают они, — тайно сочеталась с Сатурном[3], но это открыло Солнце[4], и оно тотчас наложило на нее проклятие: „да не разрешится она от бремени ни в какой месяц и ни в какой год“. Однако Меркурий, также влюбленный в эту богиню, в награду за милости, которые он от нее получил, играет с Луной в кости и выигрывает у нее семидесятую долю каждого из ее светлых дней; эти доли, составившие в сумме пять дней, он затем соединил вместе и прибавил к тремстам шестидесяти дням, из которых прежде состоял год. Потому египтяне и доныне называют эти дни эпактой, то есть добавочными, и празднуют их как дни рождения своих богов. В первый из них, говорят они, родился Осирис, и едва он вступил в мир, раздался голос: „Родился владыка всей земли“. Впрочем, некоторые передают это происшествие иначе: будто некто по имени Памил, черпая воду в храме Юпитера в Фивах, услышал голос, повелевший ему во всеуслышание возвестить, что „родился добрый и великий царь Осирис“; за это Сатурн поручил

ему воспитание младенца, и в память о том впоследствии учредили праздник Памилии, весьма схожий с греческими фаллофориями, или приапеями. Во второй из этих дней родился Аруэрис[5], которого одни называют Аполлоном, а другие именуют старшим Гором. В третий явился на свет Тифон[6], рожденный и не в должный срок, и не должным путем: он пробился наружу сквозь рану, которую сам проделал в боку матери. Исида родилась в четвертый из этих дней в болотах Египта, а Нефтида — в последний; ее одни называют Телевтой и Афродитой, а другие — Никой. Что же до отцов этих детей, то первых двух, говорят, зачало Солнце, Исиду — Меркурий, Тифона и Нефтиду — Сатурн. Поэтому третий из добавочных дней, почитавшийся днем рождения Тифона, цари считали несчастливым: они не вершили в этот день никаких дел и даже не позволяли себе подкрепиться пищей до самого вечера. Добавляют еще, что Тифон взял в жены Нефтиду, а Исида и Осирис, питая друг к другу взаимную склонность, полюбили друг друга еще во чреве матери, прежде чем родились, и что от этого союза произошел Аруэрис, которого египтяне также называют старшим Гором, а греки — Аполлоном.

[2] То есть Нут.

[3] То есть Себ.

[4] То есть Ра.

[5] То есть Херу-ур, «Гор Старший».

[6] То есть Сет.

Став царем Египта, Осирис принялся просвещать своих соотечественников, отвращая их от прежней скудной и дикой жизни: он научил их возделывать землю и улучшать ее плоды, дал им свод законов, по которым им следовало жить, и наставил их в почитании и служении, какие подобает воздавать богам. С тем же добрым намерением он обошел затем и весь остальной мир,

повсюду склоняя людей принять его порядки, — не принуждая их силой оружия, но убеждая уступить силе его доводов, которые он излагал им самым приятным образом, в гимнах и песнях под звуки музыкальных инструментов. Из этого последнего обстоятельства греки и заключают, что он был одним и тем же лицом с их Дионисом, или Вакхом. Пока Осирис находился вдали от своего царства, Тифон не имел случая затеять в государстве никаких перемен, потому что Исида правила чрезвычайно бдительно и всегда была настороже. Но после возвращения Осириса Тифон, склонив сперва к заговору семьдесят два других человека, а вместе с ними и некую эфиопскую царицу по имени Асо, оказавшуюся тогда в Египте, придумал хитрость, чтобы исполнить свой низкий замысел. Тайно сняв мерку с тела Осириса, он велел изготовить ларь точно такой же величины, прекраснейший, какой только можно вообразить, и украшенный всеми ухищрениями искусства. Этот ларь он принес в пиршественный зал, и когда все присутствующие вдоволь им налюбовались, Тифон словно бы в шутку пообещал отдать его тому из гостей, кому он придется впору. Тогда все гости один за другим стали ложиться в него, но никому он не подошел; последним лег в него Осирис, и в тот же миг заговорщики сбежались, захлопнули крышку, заколотили ее снаружи гвоздями и вдобавок залили расплавленным свинцом. После этого они отнесли ларь к реке и пустили его в море через Танитское устье Нила; потому это устье египтяне и доныне держат в величайшем омерзении и никогда не называют его без должных знаков отвращения. Все это, говорят они, было совершено в семнадцатый[7] день месяца атира, когда солнце стояло в Скорпионе, на двадцать восьмом году царствования Осириса; впрочем, иные уверяют, что ему самому было тогда всего двадцать восемь лет.

[7] В египетском календаре этот день был отмечен как трижды несчастливый.

Первыми о беде, постигшей их царя, узнали паны и сатиры, обитавшие в окрестностях Хеммиса (Панополя); они тотчас разнесли эту весть по народу и тем положили начало выражению «панический страх», которым с тех пор обозначают всякий внезапный испуг или смятение толпы. Что же касается Исиды, то, едва до нее дошла эта весть, она тотчас отрезала одну из прядей своих волос[8] и облеклась в траурные одежды на том самом месте, где ее застало известие; потому место это с тех пор и называется Коптис, то есть город скорби, хотя некоторые полагают, что слово это означает скорее «лишение». После этого она скиталась по всей стране, полная тревоги и смятения, в поисках ларя и расспрашивала о нем каждого встречного, даже детей, которых ей случалось увидеть: не знают ли они, что с ним сталось. А случилось так, что эти дети видели, как сообщники Тифона поступили с телом, и рассказали ей, через какое устье Нила его пустили в море. По этой причине египтяне и считают, что детям присущ некий дар прорицания, и потому весьма внимательно прислушиваются к случайной болтовне, которую дети ведут между собой за игрой (особенно если это происходит в священном месте), извлекая из нее приметы и предзнаменования. Тем временем Исида узнала, что Осирис, обманутый ее сестрой Нефтидой, которая была в него влюблена, по неведению соединился с нею вместо самой Исиды, — это она заключила по венку из донника[9], который он у той оставил. Тогда она поставила себе целью разыскать и ребенка, плод этой незаконной связи (ибо сестра ее, страшась гнева своего мужа Тифона, подкинула младенца, едва он родился), и в конце концов, после многих трудов и хлопот, с помощью собак, которые привели ее к тому месту, где он лежал, нашла его и вырастила; со временем он стал ее неизменным стражем и спутником и потому получил имя Анубис: считается, что он сторожит и охраняет богов, как собаки — людей.

[8] Волосы, отрезанные в знак траура, обычно клали в гробницу умершего.

[9] То есть венку из клевера.

Наконец она получает более точные вести о ларе: что морские волны прибили его к берегу Библа[10] и бережно уложили в ветвях тамарискового куста, который в короткое время разросся в большое и красивое дерево, обступившее ларь со всех сторон и заключившее его в себе так, что его не стало видно; а еще — что царь той страны, изумленный необычайной величиной дерева, срубил его и сделал из той части ствола, где скрывался ларь, столб, подпиравший кровлю его дома. Узнав все это необычайным образом, по известию от демонов, как они говорят, Исида тотчас отправилась в Библ; там она села у источника и не пожелала говорить ни с кем, кроме служанок царицы, случайно там оказавшихся. Их она приветствовала и ласкала как нельзя более нежно, заплетала им волосы и передавала им частицу того удивительно приятного благоухания, которое исходило от ее собственного тела. Это пробудило в царице, их госпоже, сильное желание увидеть чужестранку, наделенную столь чудесной способностью переливать такой благовонный запах из себя в волосы и кожу других людей. Поэтому она призвала ее ко двору и, познакомившись с ней ближе, сделала ее кормилицей одного из своих сыновей. Царя, правившего тогда в Библе, звали Мелькарт, а его царицу — Астарта, или, по словам других, Саосис, хотя иные называют ее Неманун, что соответствует греческому имени Афинаида.

[10] Не сирийский Библ (Джебейль), а папирусовые болота Дельты.

Исида кормила ребенка, давая ему сосать вместо груди свой палец; кроме того, каждую ночь она клала его в огонь, чтобы выжечь в нем смертную часть, а сама, обратившись в ласточку, кружила вокруг столба и оплакивала свою горькую участь. Так продолжалось некоторое время, пока царица, подглядывавшая за ней, не увидела, что ребенок весь объят пламенем, и не закричала,

тем самым лишив его бессмертия, которое иначе было бы ему даровано. Тогда богиня открыла, кто она такая, и попросила отдать ей столб, подпиравший кровлю; получив его, она сняла его, без труда рассекла, вынула то, что ей было нужно, обернула оставшуюся часть ствола тонким полотном, полила ее благовонным маслом и вновь вручила царю и царице (этот кусок дерева и поныне хранится в храме Исиды, и жители Библа ему поклоняются). Сделав это, она бросилась на ларь и подняла над ним такой громкий и страшный плач, что младший из царских сыновей, услышав его, умер от страха. Старшего же она взяла с собой и вместе с ларем отплыла в Египет; а так как близилось утро и река Федр повеяла резким и холодным ветром, она во гневе иссушила ее течение.

Едва прибыв в пустынное место, где она надеялась остаться одна, Исида тотчас открыла ларь, приникла лицом к лицу своего мертвого супруга, обняла его тело и горько заплакала. Но, заметив, что мальчик тихонько подкрался к ней сзади и узнал причину ее горя, она внезапно обернулась и во гневе бросила на него такой грозный и суровый взгляд, что он тут же умер от испуга. Другие, впрочем, говорят, что смерть его случилась не так, но, как было упомянуто выше, он упал в море и впоследствии удостоился величайших почестей ради богини: ибо Манерос[11], которого египтяне так часто призывают на своих пирах, не кто иной, как этот самый мальчик. Этому рассказу опять-таки противоречат те, кто утверждает, что настоящее имя ребенка было Палестин, или Пелусий, и что город, носящий это имя, построила богиня в память о нем; они добавляют еще, что упомянутого Манероса египтяне чтят на своих празднествах потому, что он первым изобрел музыку. Третьи же уверяют, что Манерос вовсе не имя какого-либо определенного лица, а лишь обычная форма учтивого приветствия, которой египтяне обмениваются друг с другом на самых торжественных своих праздниках и пирах, и что разумеют

они под ним не более чем пожелание, чтобы начатое ими дело оказалось для них удачным и счастливым, — ибо таков истинный смысл этого слова. Точно так же, говорят они, человеческий скелет, который во время этих увеселений обносят в ящике и показывают всем гостям, вовсе не призван, как думают некоторые, напоминать о несчастьях Осириса; скорее он должен напомнить пирующим об их смертности и тем побудить их без стеснения пользоваться и наслаждаться благами, которые перед ними поставлены, ибо вскоре им самим предстоит стать такими же, как то, что они видят; в этом-то и состоит истинная причина, по которой его вносят на пиры. Но продолжим наше повествование.

---

[11] Сын первого египетского царя, умерший в ранней юности; см. Геродот, кн. II, 79.

Исида, собираясь навестить своего сына Гора, которого воспитывали в Буто, оставила тем временем ларь в отдаленном и безлюдном месте. Однако Тифон, охотясь однажды ночью при свете луны, случайно на него натолкнулся и, узнав заключенное в нем тело, разорвал его на несколько частей, всего на четырнадцать, и разбросал их по разным краям страны. Узнав об этом, Исида вновь пускается на поиски рассеянных частей тела своего супруга, пользуясь лодкой из тростника папируса, чтобы легче пробираться по низменным и болотистым местам страны; по этой причине, говорят, крокодил никогда не трогает людей, плывущих в таких лодках: то ли он страшится гнева богини, то ли чтит такую лодку за то, что она некогда несла ее. Этому же обстоятельству следует приписать и то, что в Египте показывают так много различных гробниц Осириса: нам говорят, что всякий раз, найдя какой-нибудь из разбросанных членов своего супруга, Исида хоронила его на том же месте. Есть, однако, и такие, кто опровергает этот рассказ и утверждает, что множеством гробниц мы обязаны скорее предусмотрительности царицы, которая

вместо настоящего тела, как это выдавалось, подарила этим городам лишь изображение своего супруга; и сделала она это не только затем, чтобы почести, которые таким образом станут воздавать его памяти, распространились шире, но и для того, чтобы обмануть злобные поиски Тифона: если бы тот одолел Гора в войне, которую им предстояло вести между собой, то, сбитый с толку множеством гробниц, он отчаялся бы найти истинную. Нам рассказывают также, что, несмотря на все поиски, Исиде так и не удалось отыскать детородный член Осириса: брошенный в Нил тотчас, как его отделили от остального тела, он был съеден лепидотом, фагром и оксиринхом — рыбами, которых египтяне по этой причине особенно сторонятся более всех прочих. Чтобы хоть как-то возместить эту утрату, Исида освятила фаллос, сделанный ему в подобие, и учредила в память о нем торжественный праздник, который египтяне соблюдают и по сей день.

После этого Осирис, вернувшись из иного мира, явился своему сыну Гору, ободрил его к битве и вместе с тем обучил его владению оружием. Затем он спросил его, „какой поступок, по его мнению, самый славный, какой только может совершить человек?“ — на что Гор ответил: „отомстить за обиды, причиненные отцу и матери“. Тогда он спросил его, „какое животное, по его мнению, всего полезнее воину?“ — и, получив ответ „конь“, удивился, так что спросил дальше, „почему он предпочитает коня льву?“ — „Потому, — добавил Гор, — что хотя лев и полезнее тому, кто нуждается в помощи, зато конь[12] пригоднее для того, чтобы настигнуть бегущего врага и сразить его“. Эти ответы весьма обрадовали Осириса, ибо показали ему, что сын его достаточно готов к встрече с врагом. Рассказывают нам также, что среди множества тех, кто постоянно перебегал из стана Тифона, была его наложница Туэрида, и что змея, преследовавшую ее, когда она переходила к Гору, убили его воины; память об этом событии, говорят они, до сих пор хранится в

обычае бросать на их собраниях посреди толпы веревку и затем рубить ее на куски. Потом между ними произошла битва, длившаяся много дней; но победа в конце концов склонилась на сторону Гора, а сам Тифон был взят в плен. Однако Исида, которой его отдали под стражу, не только не предала его смерти, но даже развязала его путы и отпустила на свободу. Этот поступок матери так разгневал Гора, что он поднял на нее руку и сорвал с ее головы знак царской власти; вместо него Гермес возложил ей на голову шлем в виде бычьей головы. После этого Тифон всенародно обвинил Гора в незаконном рождении, но с помощью Гермеса (Тота) законность его происхождения была полностью подтверждена судом самих богов. Затем между ними произошли еще две битвы, и в обеих Тифон потерпел поражение. Говорят, кроме того, что Исида сочеталась с Осирисом после его смерти и вследствие этого родила Гарпократа, появившегося на свет раньше срока и хромого на нижние конечности».

---

[12] Коня в Египте, по-видимому, не знали до XVIII династии; следовательно, эта часть изложения истории Осириса у Плутарха должна быть позднее 1500 г. до н. э.

Если рассмотреть этот рассказ в свете того, что дала дешифровка иероглифов, окажется, что значительная его часть подтверждается египетскими текстами. Например: Осирис был сыном Себа и Нут; эпакта известна в календарях как «пять добавочных дней года»; пять богов — Осирис, Гор, Сет, Исида и Нефтида — родились в те самые дни, которые называет Плутарх; семнадцатый день месяца атира (хатхор) отмечен в календарях как трижды несчастливый; скитания и горести Исиды описаны в текстах, и там же встречаются «плачи», которые она будто бы произносила; списки святилищ Осириса сохранились в нескольких надписях; о том, как Гор отомстил за отца, часто говорится в папирусах и других документах; борьба Сета с Гором

подробно описана в одном папирусе Британского музея (№ 10184); гимн в папирусе Хунефера рассказывает обо всем, что совершил для Осириса Тот; а о том, что Осирис зачал Гора уже после смерти, упоминается в гимне Осирису, относящемся ко времени XVIII династии, в следующем отрывке:

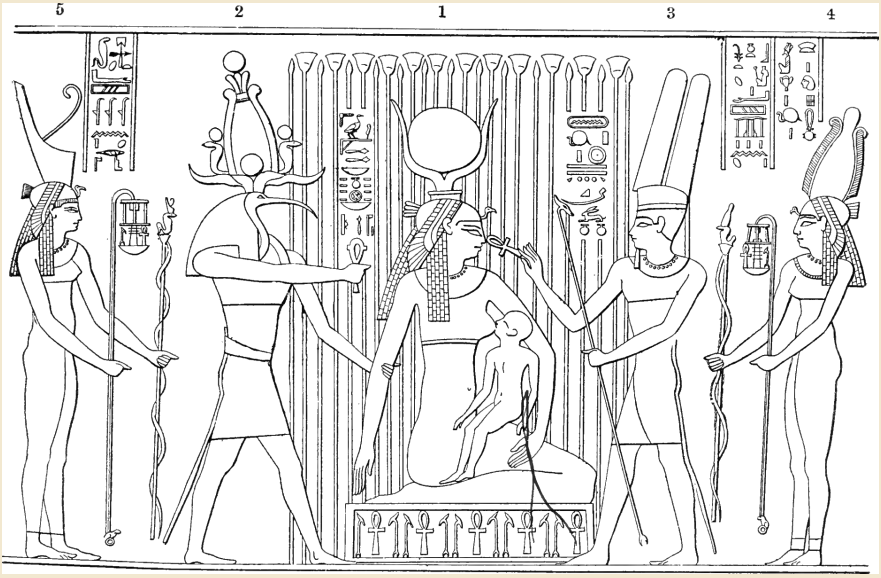
> «Сестра твоя простерла над тобой свою защитную силу, она рассеяла тех, кто был ей врагом, она отогнала злую участь, она произнесла могучие слова силы, она сделала искусным свой язык, и слова ее не знали неудачи. Славная Исида была совершенна в повелении и в речи, и она отомстила за брата своего. Она искала его без устали, она обходила землю кругом и кругом, издавая крики боли, и не отдыхала (*или* не опускалась), пока не нашла его. Она осенила его своими перьями, она сотворила воздух (*или* ветер) своими крыльями и издавала крики при погребении брата своего. Она подняла распростертое тело того, чье сердце остановилось, она взяла от него его сущность, она зачала и родила дитя, она вскормила его втайне, и никто не знал места того; и рука дитяти окрепла в великом доме Себа. Сонм богов ликует и радуется приходу Гора, сына Осирисова, и тверд сердцем и победоносен сын Исиды, наследник Осириса»[13].

[13] Этот замечательный гимн первым обнародовал Шаба, издавший его перевод с примечаниями в «Археологическом обозрении», Париж, 1857, т. XIV, с. 65 и сл.

Какой вид принимали подробности истории Осириса при ранних династиях, сказать невозможно, и мы не знаем, был ли Осирис богом воскресения уже для египтян додинастической, доисторической поры, или эта *роль* была приписана ему после того, как в Египте начал царствовать Мена. Есть, однако, веские основания полагать, что в самые ранние династические времена он был богом и судьей тех, кто с его помощью восстал из мертвых: ведь уже при IV династии, около 3800 г. до н. э., царь Мен-кау-Ра

(Микерин у греков) отождествляется с ним, и на его гробу он не только именуется «Осирис, царь Юга и Севера, Мен-кау-Ра, живущий вечно», но ему приписывается и родословие Осириса, и он объявляется «рожденным небом, отпрыском Нут, плотью и костью Себа». Очевидно, что жрецы Гелиополя «редактировали» религиозные тексты, которые переписывались и множились в их коллегии, сообразно собственным взглядам; но в те ранние времена, когда они приступили к своей работе, почитание Осириса было так широко распространено, а вера в него как в бога воскресения так глубоко укоренилась в сердцах египтян, что даже в гелиопольской системе богословия Осирису и его кругу, или сонму, богов пришлось отвести весьма видное место. Он воплощал для людей мысль о существе, которое было одновременно и богом, и человеком, и во все века был для египтян образом того, кто, пострадав и умерев как человек, мог сочувствовать им в их собственных болезнях и смерти. Представление о его человеческой природе утоляло также их жажду и тоску по общению с существом, которое, хотя и было отчасти божественным, имело с ними много общего. Изначально они смотрели на Осириса как на человека, который жил на земле так же, как жили они, ел и пил, претерпел жестокую смерть, с помощью некоторых богов восторжествовал над смертью и достиг вечной жизни. Но что сделал Осирис, то могли сделать и они; и что боги сделали для Осириса, то они должны были сделать и для них; и как боги совершили его воскресение, так они должны были совершить и их воскресение; и как они сделали его владыкой подземного мира, так они должны были ввести и их в его царство и дать им жить там столько, сколько живет сам бог. Осириса в некоторых его обликах отождествляли с Нилом, с Ра и с несколькими другими известными египтянам «богами», но к

людям в долине Нила он обращался прежде всего как бог воскресения и вечной жизни; и тысячи лет мужчины и женщины умирали в вере, что раз все, что было сделано для Осириса, будет символически сделано и для них, то и они, подобно ему, восстанут вновь и унаследуют жизнь вечную. Как бы далеко мы ни прослеживали религиозные представления в Египте, мы никогда не доходим до времени, о котором можно было бы сказать, что тогда не существовало веры в воскресение, ибо повсюду предполагается, что Осирис восстал из мертвых. Сомневающиеся, должно быть, существовали, и они, вероятно, спрашивали своих жрецов о том же, о чем коринфяне спрашивали святого Павла: «Как воскреснут мертвые? и в каком теле придут?» Но вера в воскресение, вне всякого сомнения, была принята господствующими сословиями Египта. Обряды, которые египтяне совершали, чтобы помочь умершему выдержать испытание Суда и одолеть своих врагов в ином мире, будут описаны в другом месте, как и тот облик, в котором мертвые восставали; поэтому вернемся к богословской истории Осириса.



1. Исида кормит грудью своего младенца Гора в папирусовых зарослях.
2. Тот подает Исиде знак магической защиты.
3. Амон-Ра подает Исиде символ «жизни».
4. Богиня Нехебет подносит сыну Осириса годы, а также жизнь, устойчивость, силу и владычество.
5. Богиня Сати подносит сыну Осириса долгие сроки лет, а также жизнь, устойчивость, силу и владычество.

Средоточием и родиной почитания Осириса в Египте при ранних династиях был Абидос, где, по преданию, была погребена голова бога. Со временем это почитание распространилось к северу и к югу, и несколько больших городов притязали на то, что владеют тем или иным членом его тела. Различные события из жизни бога стали предметом торжественных представлений в храме, и мало-помалу исполнение обязательных и необязательных служб, связанных с ними, стало занимать в некоторых храмах бóльшую часть времени жрецов. Изначальные представления о боге забылись, и на их месте выросли новые: из примера человека,

который восстал из мертвых и достиг вечной жизни, он стал причиной воскресения мертвых, и власть даровать смертным вечную жизнь перешла от богов к нему. О будто бы постигшем Осириса растерзании забыли перед тем фактом, что он обитал в подземном мире в совершенном теле и что, был он растерзан или нет, после смерти он стал от Исиды отцом Гора. Уже при XII династии, около 2500 г. до н. э., почитание этого бога сделалось почти всеобщим, а тысячу лет спустя Осирис стал своего рода общенародным богом. Ему приписали свойства великих богов вселенной, и он явился людям не только как бог и судья мертвых, но и как творец мира и всего, что в нем есть. Тот, кто был сыном Ра, сравнялся со своим отцом и занял место рядом с ним на небесах.

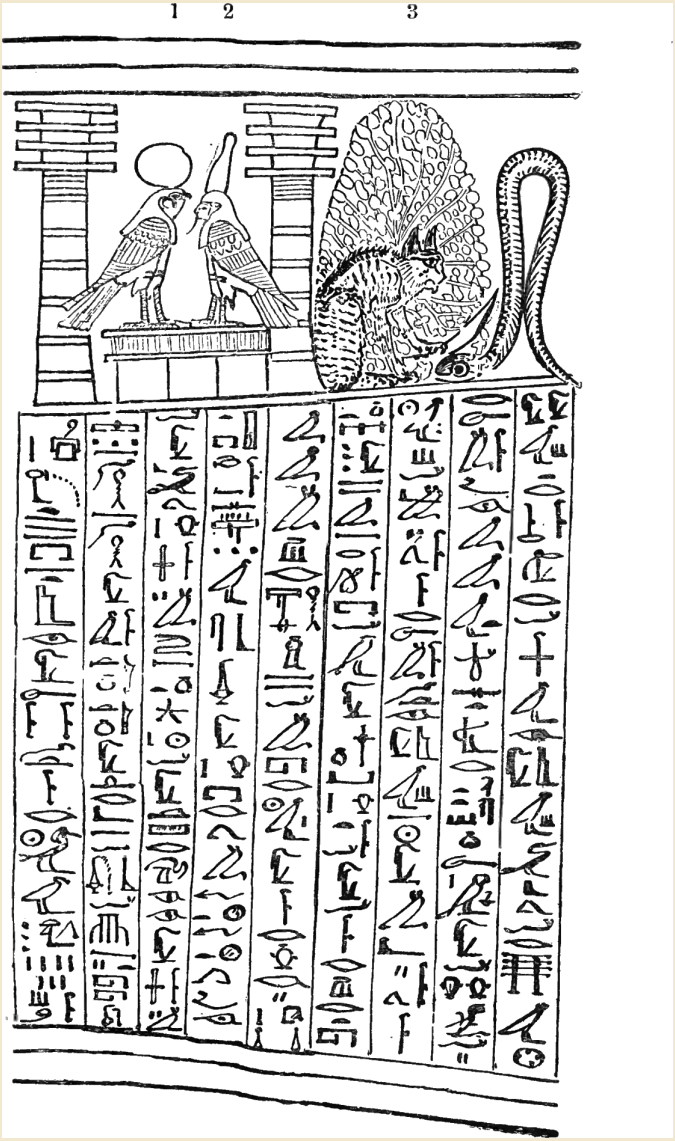
Любопытное доказательство того, что Осириса отождествляли с Ра, мы находим в XVII главе «Книги мертвых». Как известно, эта глава состоит из ряда положений, которые можно было бы назвать почти символом веры, и за каждым из них следует одно или несколько толкований, выражающих одно или несколько совершенно различных мнений; главу сопровождает также ряд виньеток. В 110-й строке сказано: «Я душа, которая обитает в двух *тчафи*[14]. Что же это такое? Это Осирис, когда он входит в Татту (то есть Бусирис) и находит там душу Ра; там один бог обнимает другого, и души рождаются в двух *тчафи*». На виньетке, поясняющей это место, души Ра и Осириса изображены в виде ястребов, которые стоят на пилоне в Татту лицом друг к другу; у первого на голове диск, а у второго, с человеческой головой, — белая корона. Примечательно, что даже при встрече с Ра душа Осириса сохраняет человеческое лицо — знак его родства с человеком.

[14] То есть души Осириса и Ра.

И вот Осирис стал не только равен Ра, но во многих отношениях и более великим богом, чем он. Говорят, что из ноздрей головы Осириса, погребенной в Абидосе, вышел скарабей[15], который был одновременно знаком и образом бога Хепера, вызвавшего к бытию все сущее, и знаком воскресения. Так Осирис стал источником и началом богов, людей и вещей, и о человеческой природе бога забыли. Следующим шагом было приписать ему свойства Бога, и при XVIII и XIX династиях он, по-видимому, оспаривал верховную власть над тремя сонмами богов, то есть над троицей троиц троиц[16], у Амон-Ра, которого к тому времени обычно называли «царем богов». О том, какие представления об Осирисе держались в эту пору, лучше всего можно судить по следующим отрывкам из гимнов того времени:

[15] См. фон Бергман в «Журнале египетского языка», 1880, с. 88 и сл.

[16] Каждый сонм богов включал три троицы, или триады.



Душа Ра (1) встречает душу Осириса (2) в Татту. Кот (то есть Ра) у дерева персеи (3) отсекает голову змею, олицетворявшему ночь.

Слава[1] тебе, о Осирис, Унн-нефер, великий бог в Абту (Абидосе), царь вечности, владыка бесконечности, проходящий в бытии своем миллионы лет. Старший сын чрева Нут, зачатый Себом, Праотцем [богов], владыка венцов Юга и Севера, владыка высокого белого венца; как властитель богов и людей, ты принял посох и бич и сан своих божественных отцов. Да будет довольно сердце твое, обитающее в горе Амент, ибо сын твой Гор утвержден на престоле твоем. Ты увенчан владыкой Татту (Бусириса) и правителем в Абидосе.

[1] См. «Главы о выходе днем» (перевод), с. 11.

Хвала[2] тебе, о Осирис, владыка вечности, Унн-нефер, Херу-хути (Гармахис), многообразный обликами и великий свойствами, ты Птах-Секер-Тем в Анну (Гелиополе), владыка сокровенного места, создатель Хет-ка-Птаха (Мемфиса) и богов [в нем], путеводитель подземного мира, которого прославляют [боги], когда ты заходишь в Нут. Исида обнимает тебя в мире и отгоняет злых духов от входа на твои пути. Ты обращаешь лицо свое к Аментет и заставляешь землю сиять, словно очищенная медь. Мертвые встают, чтобы видеть тебя, они вдыхают воздух и взирают на лицо твое, когда диск восходит на своем небосклоне; сердца их в мире, ибо они созерцают тебя, о ты, который есть вечность и бесконечность.

[2] Там же, с. 34.

В последнем отрывке Осирис отождествлен с великими богами Гелиополя и Мемфиса, где святилища бога Солнца существовали чуть ли не в додинастические времена, а в конце концов и сам провозглашен «вечностью и бесконечностью»; так представления о воскресении и о бессмертии соединяются в одном божественном существе. В следующей литании отождествление с богами продолжается:

1. «Поклон тебе, о ты, кто есть звездные божества в Анну и небесные существа в Хер-аба;[3] ты, бог Унти,[4] славнейший из богов, сокрытых в Анну. О, даруй мне путь, по которому я пройду в мире, ибо я праведен и правдив; я не лгал сознательно и ничего не делал с обманом».

2. «Поклон тебе, о Ан в Антес, Гармахис; ты шагаешь по небу широкими шагами, о Гармахис. О, даруй мне путь» и т. д.[5]

3. «Поклон тебе, о душа вечности, ты, Душа, обитающая в Татту, Унн-нефер, сын Нут; ты владыка Акерт (то есть подземного мира). О, даруй мне путь» и т. д.

4. «Поклон тебе во владычестве твоем над Татту; венец уререт утвержден на голове твоей; ты Единый, творящий силу, которая хранит его самого, и ты обитаешь в мире в Татту. О, даруй мне путь» и т. д.

5. «Поклон тебе, о владыка дерева акации,[6] ладья Секер[7] поставлена на свои сани; ты отражаешь Злодея, творца Зла, и водворяешь Утчат (то есть Око Гора, или Ра) на его место. О, даруй мне путь» и т. д.

6. «Поклон тебе, о могучий в свой час, великий и могучий Владыка, обитающий в Ан-рут-ф,[8] владыка вечности и творец бесконечности, ты владыка Сутен-хенен (то есть Гераклеополя Великого). О, даруй» и т. д.

7. «Поклон тебе, о покоящийся на Праведности и Истине, ты владыка Абидоса, и члены твои соединены с Та-тчесерт (то есть Святой землей, подземным миром); тебе ненавистны обман и коварство. О, даруй» и т. д.

8. «Поклон тебе, о пребывающий в ладье своей, ты выводишь Хапи (то есть Нил) из его истока; свет сияет на теле твоем, и ты обитаешь в Нехене. О, даруй» и т. д.

9. «Поклон тебе, о творец богов, царь Юга и Севера, о Осирис, победоносный, правитель мира в благодатные свои времена; ты владыка небесного мира. О, даруй» и т. д.

[3] Местность близ Мемфиса.

[4] Бог, который шествует перед ладьей бога Аф, держа в каждой руке по звезде.

[5] Эта просьба написана лишь однажды, но ее следует повторять после каждого из девяти разделов литании.

[6] Это дерево стояло в Гелиополе, и возле него сидел Кот, то есть Солнце (см. выше).

[7] Обряд установки ладьи Секер на сани совершался на рассвете.

[8] Место, где ничего не растет, — подземный мир.

И еще: «Ра заходит как Осирис со всеми венцами божественных духов и богов Аментет. Он — единый божественный образ, сокровенный в Туат, святая Душа во главе Аментет, Унн-нефер, чья жизнь длится во веки веков».[9]

[9] См. «Главы о выходе днем», с. 334.

Мы уже говорили о помощи, которую Тот оказал Исиде, когда дал ей слова, вернувшие к жизни ее мертвого супруга; но лучше всего добрые дела, совершенные этим богом ради Осириса, перечислены в гимне из папируса Хунефера,[10] где умершему вложены в уста такие слова:

[10] Там же, с. 343.

Я пришел к тебе, о сын Нут, Осирис, Владыка вечности; я в свите бога Тота и возрадовался всему, что он сделал для тебя. Он принес сладостный воздух ноздрям твоим, жизнь и силу прекрасному лицу твоему и северный ветер, исходящий от Тему, — ноздрям твоим, о владыка Та-тчесерт. Он заставил бога Шу сиять на теле

твоем; он озарил путь твой лучами света; он уничтожил для тебя изъяны и недостатки членов твоих магической силой слов уст своих; он ради тебя примирил Сета и Гора; он уничтожил бурю и ураган; он сделал двух бойцов (то есть Сета и Гора) милостивыми к тебе и две земли — мирными пред тобою; он изгнал гнев, что был в их сердцах, и каждый примирился со своим братом (то есть с тобою).

Сын твой Гор торжествует перед полным собранием богов; ему дана власть над миром, и владычество его простирается до краев земли. Ему присужден престол бога Себа вместе с саном, который создал бог Тему, который утвержден указами, [изданными] в Палате записей, и начертан на железной скрижали по повелению отца твоего Птаха-Танена, когда тот восседал на великом престоле. Он поставил брата своего на то, что держит бог Шу (то есть на небеса), чтобы простирать воды над горами и взращивать то, что растет на холмах, и зерно (?), что пробивается из земли, и он дает приумножение водою и сушею. Боги небесные и боги земные переходят на службу к сыну твоему Гору и следуют за ним в его чертог, [где] выносится указ, что он будет владыкой над ними, и они тотчас исполняют [его волю].

Да возрадуется сердце твое, о владыка богов, да возрадуется сердце твое весьма; Египет и Красная земля в мире и смиренно служат под твоей державной властью. Храмы утверждены на собственных землях, города и номы надежно владеют добром, записанным на их имена, и мы будем приносить тебе божественные приношения, которые должны приносить, и совершать жертвы во имя твое вовеки. Во имя твое звучат славословия, твоему ка совершаются возлияния, и погребальные трапезы [приносят тебе] духи из свиты твоей, и окропляется вода… по обе стороны душ умерших в этой земле. Всякий замысел о тебе, предначертанный повелениями Ра от начала, исполнен. Итак, о сын Нут, ты увенчан, как увенчан Неб-ер-тчер при своем

восходе. Ты жив, ты утвержден, ты обновляешь свою юность, ты истинен и совершенен; отец твой Ра укрепляет члены твои, и сонм богов славословит тебя. Богиня Исида с тобою и никогда не покидает тебя; [ты] не повержен врагами своими. Владыки всех земель восхваляют красоты твои, как восхваляют Ра, когда он восходит в начале каждого дня. Ты восходишь, как превознесенный, на своем штандарте; красоты твои поднимают лицо [человека] и удлиняют [его] шаг. Тебе дана власть отца твоего Себа, и богиня Нут, мать твоя, родившая богов, произвела тебя на свет первенцем пяти богов, создала красоты твои и сотворила члены твои. Ты утвержден царем, белый венец на голове твоей, и ты взял в руки посох и бич; когда ты был еще во чреве и не вышел из него на землю, ты уже был увенчан владыкой двух земель, и венец «атеф» Ра был на челе твоем. Боги приходят к тебе, склоняясь до земли, и страшатся тебя; они отступают и уходят, видя тебя в грозном величии Ра, и победа твоего Величества в сердцах их. Жизнь с тобою, приношения мяса и питья следуют за тобою, и должное тебе приносится пред лицом твоим.

В одном разделе другого, отчасти сходного гимна[11] описаны иные стороны Осириса: после слов «Поклон тебе, о Правитель пребывающих в Аментет» он назван тем, кто «рождает мужчин и женщин во второй раз»,[12] то есть «кто дает смертным родиться вновь». Так как весь этот раздел говорит о том, что Осирис «обновляет себя» и делается «юным, подобно Ра, каждый день», нет сомнения, что под вторым рождением мужчин и женщин писатель разумеет воскресение мертвых, то есть их рождение в новую жизнь. Из этого места видно также, что Осирис стал равен Ра и из бога мертвых превратился в бога живых. Более того, к тому времени, когда были переписаны приведенные выше отрывки, считалось не только, что Осирис занял место, прежде

принадлежавшее Ра, но и что его сын Гор, зачатый после его смерти, в силу своей победы над Сетом признан наследником и преемником Осириса. И Гор не только унаследовал «сан и достоинство» отца своего Осириса, но в своем облике «мстителя за отца» постепенно обрел особое положение посредника и заступника за детей человеческих. Так, в сцене Суда он вводит умершего к Осирису и просит отца, чтобы умершему было дано вкусить те блага, которыми наслаждаются все «правогласные» и оправданные на Суде. Такая просьба, обращенная к Осирису в присутствии Исиды сыном, рожденным при столь удивительных обстоятельствах, непременно, как думал египтянин, должна была быть услышана; и отпрыск отца, зачатый после смерти его тела, был, естественно, лучшим заступником за умершего.

[11] См. «Главы о выходе днем», с. 342.

[12] Эти слова — *мес тмему эм нем*.

Но хотя такие возвышенные представления об Осирисе и о его месте среди богов были в Египте при XVIII династии (около 1600 г. до н. э.) общепринятыми, есть свидетельства, что некоторые опасались, как бы тело, несмотря на все предосторожности, все же не истлело, и считали, что для отвращения этой страшной участи нужно особо воззвать к Осирису. Следующая замечательная молитва впервые была найдена на льняной пелене, в которую была обернута мумия Тутмоса III, но с тех пор этот текст, написанный иероглифами, обнаружен в папирусе Ну;[13] есть он, разумеется, и в позднем папирусе, хранящемся в Турине, который покойный доктор Лепсиус издал еще в 1842 году. Этот текст, ныне известный как CLIV глава «Книги мертвых», озаглавлен «Глава о том, чтобы не дать телу погибнуть». Начинается он так:

[13] Брит. муз., № 10477, лист 18. Я издал этот текст в своих «Главах о выходе днем», с. 398–402.

Поклон тебе, о божественный отец мой Осирис! Я пришел к тебе, чтобы ты набальзамировал, да, набальзамировал эти мои члены, ибо я не хочу погибнуть и прийти к концу, [но хочу быть] подобным божественному отцу моему Хепере, божественному прообразу того, кто никогда не видел тления. Приди же и дай мне власть над моим дыханием, о владыка ветров, возвеличивающий божественных существ, подобных тебе. Утверди же меня и укрепи меня, о владыка погребального ковчега. Даруй мне войти в землю вечности, как было даровано тебе и отцу твоему Тему, о ты, чье тело не видело тления и кто сам никогда не видел тления. Никогда не делал я того, что ты ненавидишь; напротив, я возглашал хвалу вместе с теми, кто любил твое ка. Не дай телу моему обратиться в червей, но избавь меня [от них], как ты избавил самого себя. Молю тебя, не дай мне впасть в гниение, как ты даешь увидеть тление всякому богу, и всякой богине, и всякому животному, и всякому гаду, когда душа покинет их после смерти. Ибо, когда душа уходит, человек видит тление, и кости тела его гниют и становятся сплошной мерзостью, члены распадаются один за другим, кости рассыпаются в косную груду, плоть обращается в зловонную жижу, и он становится братом тлению, которое на него нисходит. И он обращается во множество червей, и становится грудой червей, и приходит ему конец, и он гибнет пред взором бога Шу, как гибнет всякий бог, и всякая богиня, и всякая пернатая птица, и всякая рыба, и всякое ползучее существо, и всякий гад, и всякое животное, и всякая вещь, какая ни есть. Когда черви увидят меня и узнают меня, пусть падут они на чрева свои, и пусть страх предо мною устрашит их; и так да будет со всякой тварью после [моей] смерти, будь то зверь, или птица, или рыба, или червь, или гад. И пусть жизнь восстанет из смерти. Пусть тление, причиняемое каким бы то ни было гадом, не положит

[мне] конца, и пусть не приходят они на меня в различных своих обличьях. Не предавай меня тому убийце, что обитает в своей пыточной палате (?), что умерщвляет члены тела и заставляет их гнить, что несет погибель множеству мертвых тел, а сам остается сокрытым и живет убийством; дай мне жить и исполнять его поручение, и дай мне делать то, что им повелено. Не предавай меня в его пальцы и не дай ему овладеть мною, ибо я под твоим повелением, о владыка богов.

Поклон тебе, о божественный отец мой Осирис, ты пребываешь со своими членами. Ты не истлел, ты не стал червями, ты не умалился, ты не стал тлением, ты не сгнил и ты не обратился в червей.

Затем умерший, отождествляя себя с Хеперой, богом, сотворившим Осириса и его сонм богов, говорит:

Я бог Хепера, и члены мои будут существовать вечно. Я не истлею, я не сгнию, я не разложусь, я не обращусь в червей и не увижу тления под оком бога Шу. Я буду существовать, я буду существовать; я буду жить, я буду жить; я прорасту, я прорасту, я прорасту; я пробужусь в мире. Я не разложусь; внутренности мои не погибнут; я не потерплю вреда; око мое не истлеет; черты лица моего не исчезнут; ухо мое не оглохнет; голова моя не будет отделена от шеи; язык мой не будет вырван; волосы мои не будут острижены; брови мои не будут сбриты, и никакой пагубный вред не постигнет меня. Тело мое будет утверждено, и оно не придет в разрушение и не будет уничтожено на этой земле.

Судя по таким местам, как приведенные выше, можно было бы подумать, что некоторые египтяне ожидали воскресения физического тела, и упоминание разных членов тела как будто делает этот взгляд несомненным. Но тело, нетление и бессмертие которого так настойчиво провозглашаются, — это саху, или

духовное тело, возникшее из физического тела, которое преобразилось благодаря молитвам, прочитанным, и обрядам, совершенным в день похорон или в тот день, когда его положили в гробницу. Любопытно, что в CLIV главе ничего не говорится о еде и питье, и единственное, что умерший называет необходимым для своего существования, — это воздух, который он получает через бога Тему, бога, всегда изображаемого в человеческом облике; здесь этот бог упомянут как ночное Солнце в противоположность Ра — Солнцу дневному, и тем самым ежедневная смерть Солнца сопоставляется со смертью умершего. О том, что голова Бога-человека Осириса хранилась в Абидосе, уже говорилось, и вера в то, что она там хранится, была распространена по всему Египту. Но в приведенном выше тексте умерший говорит: «Голова моя не будет отделена от шеи», — и это, по-видимому, показывает, что он хотел сохранить свое тело целым, хотя Осирис был всемогущ и мог восстановить члены и воссоздать тело, как он сделал это со своими собственными членами и телом, изрубленными Сетом на куски. Важное упоминание о голове Осириса есть и в XLIII главе «Книги мертвых».[14] Она озаглавлена «Глава о том, чтобы не дать отсечь человеку голову в подземном мире» и, должно быть, весьма древняя. В ней умерший говорит: «Я Великий, сын Великого; я Огонь и сын Огня, которому вернули голову его после того, как она была отсечена. Голову Осириса не отняли у него, да не будет отнята голова у умершего. Я соединил себя воедино (или воссоздал себя); я сделал себя целым и совершенным; я обновил свою юность; я Осирис, владыка вечности».

[14] См. «Главы о выходе днем», с. 98.

Из сказанного выше, по-видимому, следует, что, согласно одному из вариантов предания об Осирисе, голову его не только отсекли, но и провели через огонь; и если этот вариант очень древний, — а он вполне может быть таким и, вероятно, таков, — он возвращает нас к доисторическим временам Египта, когда тела мертвых расчленяли и сжигали. Профессор Видеман полагает,[15] что расчленение и разламывание тел умерших было следствием верования, будто для того, чтобы ка, или «двойник», покинул эту землю, тело, которому он принадлежал, должно быть сломано; и в подтверждение он приводит тот факт, что предметы всякого рода разбивали, когда клали их в гробницы. Он прослеживает также переходный обычай в доисторических погребениях Египта, где способы хоронить тело целым и разломанным на части как будто смешиваются: хотя в некоторых из них тело разломано на куски, видно, что его удачно пытались воссоздать, укладывая куски по возможности на свои места. И, быть может, именно на этот обычай намекают разные места «Книги мертвых», где умерший заявляет, что собрал свои члены «и снова сделал свое тело целым»; а уже при V династии к царю Тета обращаются так: «Восстань, о ты, Тета! Ты получил свою голову, ты соединил свои кости,[16] ты собрал свои члены».

[15] См. Ж. де Морган, «Доисторическая этнография», с. 210.

[16] «Сборник трудов», т. V, с. 40 (строка 287).

Итак, история Осириса, бога воскресения, прослежена от древнейших времен до конца владычества жрецов Амона (около 900 г. до н. э.), когда Амон-Ра был уже введен в число богов подземного мира и в иных случаях молились ему вместо Осириса. С этих пор Амон сохранял это высокое положение, и в эпоху Птолемеев в обращении к умершему Керашеру мы читаем: «Лицо

твое сияет пред Ра, душа твоя живет пред Амоном, и тело твое обновляется пред Осирисом». И еще сказано: «Амон близ тебя, чтобы вернуть тебя к жизни… Амон приходит к тебе с дыханием жизни и дает тебе вдыхать воздух в твоем погребальном доме». Но, несмотря на это, Осирис от начала и до конца сохранял и удерживал высшее место в умах египтян как Бог-человек, существо одновременно божественное и человеческое; и никакое чужеземное нашествие, никакие религиозные или политические смуты, никакое влияние, которое могли оказать на египтян иные народы, не заставили их видеть в этом боге что-либо меньшее, чем причину, символ и прообраз воскресения и жизни вечной. Около пяти тысяч лет людей мумифицировали по образу мумии Осириса; и они сходили в могилу с верой, что их тела победят силы смерти, могилы и тления, потому что Осирис победил их; и они твердо надеялись воскреснуть в бессмертном, вечном и духовном теле, потому что Осирис воскрес в преображенном духовном теле и вознесся на небо, где стал царем и судьей мертвых и обрел там жизнь вечную.

Главной причиной живучести культа Осириса в Египте было, вероятно, то, что он обещал своим последователям и воскресение, и вечную жизнь. Даже приняв христианство, египтяне продолжали мумифицировать своих умерших и еще долго смешивали свойства своего Бога и «богов» со свойствами Всемогущего Бога и Христа. Сами по себе египтяне так и не отошли от убеждения, что тело должно быть мумифицировано, если умершему суждено обрести вечную жизнь; христиане же, проповедуя то же учение о воскресении, что и египтяне, пошли дальше и настаивали, что мумифицировать мертвых вовсе не нужно. Святой Антоний Великий умолял своих учеников не бальзамировать его тела и не держать его в доме, но похоронить и

никому не говорить, где оно погребено, чтобы любившие его не пришли, не извлекли его и не мумифицировали, как они имели обыкновение поступать с телами тех, кого почитали святыми. «Уже давно, — говорил он, — я прошу епископов и проповедников увещевать народ не держаться более этого бесполезного обычая»; а о собственном теле он сказал: «При воскресении мертвых я получу его от Спасителя нетленным».[17] Распространение этой мысли нанесло искусству мумификации смертельный удар, и хотя по врожденной приверженности старине и из любви к тому, чтобы подлинные тела дорогих им умерших были рядом, египтяне еще некоторое время сохраняли своих мертвых по-прежнему, мало-помалу причины мумификации забылись, знание этого искусства угасло, погребальные обряды сократились, молитвы стали мертвой буквой, и обычай делать мумии вышел из употребления. Вместе с этим искусством умерли и вера в Осириса, и поклонение ему: из бога мертвых он стал мертвым богом, и по крайней мере для христиан Египта его место занял Христос, «первенец из умерших», Чье воскресение и власть даровать вечную жизнь проповедовались тогда почти по всему известному миру. В Осирисе египтяне-христиане нашли прообраз Христа, а в изображениях и статуях Исиды, кормящей грудью сына своего Гора, увидели прообразы Девы Марии с Младенцем. Нигде больше в мире христианство не находило народа, чей ум был бы так основательно подготовлен к принятию его учения, как ум египтян.

[17] См. Росвейд, «Жития отцов», с. 59; Афанасий, «Житие святого Антония» (Минь, «Патрология», греческая серия, т. 26, стб. 972).

Эту главу уместно закончить несколькими отрывками из «Песен Исиды и Нефтиды», которые пели в храме Амона-Ра в Фивах две жрицы, олицетворявшие двух богинь.[18]

[18] См. мой «Иератический папирус Неси-Амсу» («Археология», т. LII).

Привет тебе, владыка подземного мира, Бык пребывающих в нем, Образ Ра-Гармахиса, Младенец прекрасного облика, приди к нам с миром. Ты отразил свои беды, ты отогнал злую участь; Владыка, приди к нам с миром. О Унн-нефер, владыка пищи, вождь, грозный величием, Боже, глава богов, когда ты наводняешь землю, [все] сущее зарождается. Ты кротче богов. Истечения тела твоего дают жизнь мертвым и живым, о владыка пищи, властитель зеленых трав, могучий владыка, опора жизни, податель приношений богам и погребальных трапез блаженным мертвым. Душа твоя летит вслед за Ра, ты сияешь на рассвете, ты заходишь в сумерки, ты восходишь каждый день; ты будешь восходить по левую руку Атму во веки веков. Ты славный, наместник Ра; сонм богов приходит к тебе, призывая лицо твое, пламя которого достигает врагов твоих. Мы радуемся, когда ты собираешь свои кости и когда ежедневно делаешь целым свое тело. Анубис приходит к тебе, и две сестры (то есть Исида и Нефтида) приходят к тебе. Они добыли для тебя прекрасное, они собирают для тебя члены твои и стараются сложить воедино изувеченные части тела твоего. Отри нечистоты, что на них, нашими волосами и приди к нам, не помня о том, что причинило тебе скорбь. Приди в своем образе «Владыки земли», отложи свой трепет и пребудь в мире с нами, о Владыка. Ты будешь провозглашен наследником мира, и Единым богом, и исполнителем замыслов богов. Все боги призывают тебя; приди же в свой храм и не бойся. О Ра (то есть Осирис), ты возлюблен Исидой и Нефтидой; покойся в своей обители вечно.

ГЛАВА III

«БОГИ» ЕГИПТЯН

✦

На страницах этой книги нам то и дело приходилось упоминать египетских «богов»; теперь пора объяснить, кто они были и что собой представляли. Мы уже показали, как близко единобожная сторона египетской религии подходит к вере нынешних христианских народов, и кое-кого, вероятно, удивило, что народ с такими возвышенными представлениями о Боге мог стать притчей во языцех из-за того, что будто бы поклонялся множеству «богов» в самых разных обличьях. Верно, что египтяне воздавали почести великому числу богов — столь великому, что один лишь список их имен занял бы целый том; но столь же верно и то, что образованные египтяне во все времена никогда не ставили «богов» на одну высоту с Богом и даже не допускали мысли, что в этом их можно понять превратно. В доисторические времена у каждого селения и городка, у каждой округи и области, у каждого большого города был свой особый бог; можно пойти и дальше и сказать, что свой бог был у всякой семьи, имевшей достаток и положение. Богатая семья назначала кого-нибудь ходить за своим богом и служить его нуждам, а бедные семьи складывались, кто сколько мог, в общую казну, чтобы устроить богу жилище и справить ему одеяния и прочее. Но богата ли была семья или бедна, бог составлял неотъемлемую ее часть, и судьба

его, по сути, была накрепко связана с судьбой семьи. Гибель семьи влекла за собой и гибель ее бога, а в пору достатка ему перепадали обильные приношения, новые одеяния, а то и новое святилище. Бог селения был существом более значительным, но и его могли увести в плен вместе с жителями; зато победа его почитателей в набеге или стычке умножала оказываемые ему почести и прибавляла ему славы.

Боги областей и больших городов, разумеется, были выше богов селений и отдельных семей, и в больших домах, посвященных им, то есть в храмах, можно было найти изрядное их число, представленное статуями. Случалось, что свойства одного бога приписывались другому; случалось, что два бога или больше «сливались», соединяясь в одного; случалось, что богов привозили из дальних селений и городов и даже из чужих стран; а порой община или город отрекались от своего бога или богов и перенимали у соседней округи совсем новый их набор. Так число богов постоянно менялось, постоянно менялось и положение каждого из них: безвестный, почти никому не ведомый местный бог благодаря военной победе мог вдруг стать главным богом города, и, напротив, бог, которого в один месяц чтили обильными приношениями и пышными обрядами, в следующий мог впасть в ничтожество и стать, по сути, мертвым богом. Но кроме богов семейных и сельских были еще боги общенародные, боги рек и гор, боги земли и неба, и все вместе они составляли внушительное множество «божественных» существ, чью благосклонность надлежало снискать, а чей гнев — умилостивить. Сверх того, «божественными» считались и многие животные, посвященные богам, и не только любовь, но и страх заставлял египтян все умножать разряды своих богов.

Известные нам по именам боги Египта — далеко не все, кого породило воображение египтян, ибо и здесь, как во многом другом, действует закон выживания наиболее приспособленных. О богах доисторического человека мы не знаем ничего, но более чем вероятно, что некоторые боги, которым поклонялись в династическое время, суть видоизмененные божества египтянина первобытной поры — те, что дольше всех удерживали власть над его умом. Довольно будет одного показательного примера такого бога, а именно Тота, чьим изначальным знаком была песьеголовая обезьяна. В глубокой древности этому животному оказывали большое почтение за его сметливость, ум и хитрость; а простодушный египтянин, слыша, как обезьяны верещат перед самым восходом и закатом солнца, заключил, что они каким-то образом беседуют с солнцем или тесно с ним связаны. Эта мысль прочно засела в его уме, и в династическое время мы видим на виньетке, изображающей восходящее солнце, обезьян, о которых сказано, что это превращенные привратники, отворяющие врата неба: они образуют настоящий сонм богов и вместе с тем составляют одну из самых приметных черт всей сцены. Так представление, родившееся в самые отдаленные времена, переходило из поколения в поколение, пока не застыло в лучших списках «Книги мертвых» — в ту пору, когда Египет стоял в зените своего могущества и славы. Та особая порода песьеголовой обезьяны, что изображается в статуях и на папирусах, славится своей хитростью, и именно слова, которые она подсказала Тоту, а Тот в свою очередь передал Осирису, позволили Осирису стать «правым голосом», то есть торжествующим над своими врагами. Вероятно, именно в этом качестве, то есть как друг умерших, песьеголовая обезьяна и сидит на верху стойки Весов, на которых сердце умершего взвешивают против пера — знака Маат; ведь

самые обычные титулы этого бога — «владыка божественных книг», «владыка божественных слов», то есть тех заклинаний, благодаря которым умершему на том свете повинуются и друг, и недруг. В более поздние времена, когда Тота стали изображать в виде птицы ибиса, его свойства умножились, и он сделался богом письменности, знания, счета и прочего; при сотворении мира он, по-видимому, играл роль, близкую к роли «премудрости», которую так прекрасно описал составитель Книги Притчей (см. Притч. 8:23–31).

Всякий раз и всюду, где египтяне пытались выстроить стройную систему богов, им приходилось считаться со старыми местными богами и находить им место в этой системе. Можно было сделать их членами троиц или групп из девяти богов, которые теперь обычно называют «эннеадами»; но в том или ином виде они непременно должны были в ней появиться. Изыскания последних лет показали, что в Египте, должно быть, существовало несколько больших богословских школ, и жрецы каждой из них всячески превозносили своих богов над прочими. В династическое время, по-видимому, существовали большие жреческие коллегии в Гелиополе, Мемфисе, Абидосе и в одном или нескольких местах Дельты, не говоря уже о малых жреческих школах, которые, вероятно, были разбросаны по обоим берегам Нила от Мемфиса к югу. Из учений и воззрений всех этих школ и коллегий полнее всего сохранились гелиопольские, и, тщательно изучив погребальные тексты, начертанные на памятниках египетских царей V и VI династий, мы можем сказать, что тамошние жрецы думали о многих богах. С первых же шагов мы видим, что великим богом Гелиополя был Тему, или Атму, — заходящее солнце, и ему тамошние жрецы приписали свойства, по праву принадлежащие Ра, солнечному богу дневной поры. По той

или иной причине они создали представление о сонме богов числом девять, который назывался «великим сонмом (*паут*) богов», и во главе этого сонма поставили бога Тему. В XVII главе «Книги мертвых»[1] мы находим следующее место:

[1] См. «Главы о выходе днем», с. 49.

> «Я бог Тему в восходе своем; я Единственный. Я начал быть в Ну. Я Ра, воссиявший в начале».

Затем следует вопрос: «Но кто же это?» И ответ: «Это Ра, когда в начале он воссиял в городе Сутен-хенен (Гераклеополе Великом), увенчанный, как царь, в восходе своем. Столпы бога Шу еще не были сотворены, когда он стоял на лестнице того, кто обитает в Хеменну (Гермополе Великом)». Из этих слов мы узнаем, что Тему и Ра были одним и тем же богом и что он был первым порождением бога Ну — первозданной водной громады, из которой произошли все боги. Далее текст гласит: «Я великий бог Ну, родивший самого себя, давший бытие своим именам, дабы составили они сонм богов. Но кто же это? Это Ра, творец имен своих членов, которые начали быть в образе богов, следующих за Ра». И еще: «Я тот, кого не отразить среди богов. Но кто же это? Это Тем, обитающий в своем диске, или, как говорят иные, это Ра в восходе своем на восточном небосклоне неба». Так мы узнаем далее, что Ну произвел себя сам и что боги — всего лишь имена его членов; но ведь Ра есть Ну, а боги, пребывающие в его свите, то есть следующие за ним, — лишь олицетворения имен его собственных членов. Тот, кого не отразить среди богов, есть либо Тему, либо Ра, и, стало быть, Ну, Тему и Ра — один и тот же бог. Поставив Тему во главе своего сонма богов, жрецы Гелиополя тем самым отвели почетное место и Ра, и Ну: они ловко сумели сделать своего местного бога главой сонма и в то же время дали

более древним богам высокое положение. Так почитателям Ра, которые считали своего бога старейшим из богов, не на что было особенно сетовать, когда в сонм богов ввели Тему, а местное тщеславие Гелиополя было удовлетворено.

Но кроме девяти богов, которые, как считалось, составляли «великий сонм» богов города Гелиополя, существовала вторая группа из девяти богов, называемая «малым сонмом» богов, и еще третья группа из девяти богов, составлявшая наименьший сонм. И хотя можно было бы ожидать, что *паут*, то есть сонм из девяти богов, всегда насчитывает ровно девять, это было не так, и число девять, примененное подобным образом, порой вводит в заблуждение. Сохранилось несколько мест в текстах, где перечислены боги одного *паута*, но всего их оказывается то десять, то одиннадцать. Объясняется это просто, если вспомнить, что египтяне обожествляли различные образы или стороны одного бога, а также различные поры его жизни. Так, заходящее солнце, называемое Тему или Атму, восходящее солнце, называемое Хепера, и полуденное солнце, называемое Ра, были тремя образами одного и того же бога; и если любой из этих трех образов входил в *паут*, то есть сонм из девяти богов, то два других подразумевались вместе с ним, хотя бы тогда в *пауте* оказывалось одиннадцать богов вместо девяти. Точно так же считалось, что в сонм входят и все образы каждого из его богов и богинь, как бы велико ни становилось от этого общее число богов. Поэтому не следует думать, будто три сонма богов ограничивались числом девять, помноженным на три, то есть двадцатью семью, даже если знак «бог» повторен в текстах двадцать семь раз.

Мы уже упоминали о великом множестве богов, известных египтянам, но нетрудно понять, что поклонение и почитание

народа Египта снискали только те из них, кто, как думали, распоряжался судьбой человека здесь и на том свете. Таких было сравнительно немного, и, по сути, можно сказать, что это члены великого сонма богов Гелиополя, то есть боги, принадлежавшие к кругу Осириса. Вкратце их можно описать так.

1. Тему, или Атму, то есть «замыкающий» день, подобно тому как Птах был «отворяющим» день. В сказании о сотворении мира он говорит, что развил себя из себя самого в образе бога Хепера, а в гимнах его называют «творцом богов», «создателем людей» и так далее; он присвоил себе место Ра среди богов Египта. Поклонение ему было, должно быть, весьма древним уже во времена царей V династии, ибо в ту пору его привычный образ — образ человека.

2. Шу был первенцем Тему. По одному сказанию, он произошел прямо от этого бога, по другому — его матерью была богиня Хатхор, а третье сказание делает его сыном Тему от богини Иусаасет. Это он проложил себе путь между богами Себом и Нут и поднял Нут ввысь, чтобы она стала небом; память об этом сохраняют изображения бога, где он представлен поднимающимся от земли с солнечным диском на плечах. Как сила природы он воплощал свет и, стоя на верху лестницы в Гермополе Великом,[2] поднял небо и держал его в течение каждого дня. Чтобы помочь себе в этом труде, он поставил по столпу в каждой из четырех сторон света, и «опоры Шу» суть, таким образом, подпоры неба.

[2] См. выше и главу II.

3. Тефнут была сестрой-близнецом Шу; как сила природы она воплощала влагу или какую-то сторону солнечного жара, а как божество умерших, по-видимому, так или иначе была связана с

тем, чтобы снабжать умершего питьем. Ее брат Шу был правым оком Тему, а она — левым, то есть Шу представлял одну из сторон Солнца, а Тефнут — Луны. Тему, Шу и Тефнут составляли, таким образом, троицу, и в сказании о сотворении мира бог Тему, рассказав, как Шу и Тефнут вышли из него, говорит: «так из одного бога я стал тремя».

4. Себ был сыном бога Шу. Его называют «Эрпа», то есть «наследственным главой» богов, и «отцом богов» — разумеется, Осириса, Исиды, Сета и Нефтиды. Первоначально он был богом земли, но позднее стал и богом умерших, ибо олицетворял землю, в которую кладут умершего. Одно сказание отождествляет его с гусем — птицей, которая в поздние времена была ему посвящена, и его часто называют «Великим Гоготуном», намекая на то, что это он снес первозданное яйцо, из которого произошел мир.

5. Нут была женой Себа и матерью Осириса, Исиды, Сета и Нефтиды. Первоначально она олицетворяла небо и представляла женское начало, действовавшее при сотворении вселенной. По одному древнему воззрению, Себ и Нут пребывали в первозданной водной бездне бок о бок с Шу и Тефнут, а позднее Себ стал землей, а Нут — небом. Считалось, что эти божества соединяются каждый вечер и остаются в объятиях друг друга до утра, когда бог Шу разлучает их и ставит богиню неба на свои четыре столпа до вечера. Нут, естественно, почиталась матерью богов и всего живого, и ее вместе с мужем Себом считали подателями пищи не только живым, но и умершим. Хотя в Египте бытовали разные мнения о том, где именно находится небо блаженных умерших, все школы во все времена помещали его в какой-либо области неба, а обильные упоминания в текстах о небесных телах — солнце, луне и звездах, — с которыми обитает умерший, доказывают, что последнее пристанище душ праведных

находилось не на земле. Богиню Нут изображают то женщиной, вдоль тела которой странствует солнце, то коровой; посвященным ей деревом была сикомора.

6. Осирис был сыном Себа и Нут, мужем Исиды и отцом Гора. История этого бога изложена в другом месте книги так подробно, что здесь довольно упомянуть о нем кратко. Его почитали человеком, хотя и божественного происхождения; он жил и царствовал на этой земле как царь; брат его Сет коварно убил его, а тело его разрубили на четырнадцать частей и разбросали по Египту; после его смерти Исида с помощью заклинаний, данных ей Тотом, сумела вернуть его к жизни, и он зачал сына по имени Гор; когда Гор вырос, он сразился с Сетом, одолел его и так «отомстил за отца своего»; с помощью заклинаний, данных ему Тотом, Осирис восстановил и оживил свое тело и стал образом воскресения и знаком бессмертия; он был также надеждой, судьей и богом умерших, вероятно, еще в додинастические времена. С одной стороны, Осирис был солнечным божеством и первоначально, по-видимому, представлял солнце после заката; но его отождествляют и с луной. Впрочем, уже при XVIII династии он равен Ра, а позднее ему приписали свойства Бога и всех «богов».

7. Исида была женой Осириса и матерью Гора; как богиня природы она занимала место в ладье солнца при сотворении мира, когда, вероятно, воплощала зарю. Оттого что ей удалось оживить тело мужа, произнося заклинания, ее называют «владычицей чар». Ее скитания в поисках тела мужа, скорбь, которую она претерпела, рожая и вскармливая свое дитя в папирусовых зарослях Дельты, и гонения, которые она терпела от врагов мужа, служат предметом бесчисленных намеков в текстах всех времен. У нее много обликов, но сильнее всего воображение

египтян пленял облик «божественной матери»; в этом образе ее представляют тысячи статуй: она сидит и кормит грудью свое дитя Гора, держа его на коленях.

8. Сет был сыном Себа и Нут и мужем Нефтиды. В весьма раннюю пору его считали братом и другом «Гора Старшего», которого греки звали Аруэрисом, и Сет представлял ночь, а Гор — день. Каждый из этих богов оказывал умершим немало дружеских услуг; между прочим, они ставили и держали лестницу, по которой умерший восходил с этой земли на небо, и помогали ему подниматься по ней. Но позднее взгляды египтян на Сета переменились, и вскоре после правления царей по имени «Сети», то есть тех, чьи имена были образованы от имени этого бога, он стал олицетворением всякого зла и всего, что есть в природе страшного и грозного, — пустыни в самом ее безжизненном виде, бури, урагана и прочего. Как сила природы Сет вечно воевал с Гором Старшим, то есть ночь боролась с днем за господство; однако оба бога происходили из одного источника, ибо на одном изображении головы обоих принадлежат одному телу. Когда Гор, сын Исиды, вырос, он сразился с Сетом, убившим Осириса, отца Гора, и одолел его; во многих текстах эти две первоначально различные битвы смешаны, а вместе с ними смешаны и два Гора. Победа Гора над Сетом в первой битве означала лишь поражение ночи перед днем, но поражение Сета во второй, по-видимому, понималось как победа жизни над смертью и добра над злом. Знаком Сета было животное с головой, несколько похожей на верблюжью, но в точности его до сих пор не опознали; изображения этого бога редки, ибо большую часть их египтяне уничтожили, когда переменили свои взгляды на него.

9. Нефтида была сестрой Исиды и спутницей ее во всех скитаниях и бедах; подобно сестре, она занимала место в ладье

Солнца при сотворении мира, когда, вероятно, воплощала сумерки или самое начало ночи. По одному сказанию, она родила Анубиса от Осириса, но в текстах отцом его назван Ра. В погребальных папирусах, на стелах и прочих памятниках она всегда сопровождает Исиду в ее заботах об умерших, и как она помогла Осирису и Исиде одолеть злодейство собственного мужа (Сета), так помогала и умершему одолеть силы смерти и могилы.

Итак, перед нами девять богов божественного сонма Гелиополя; но здесь не упомянут Гор, сын Исиды, сыгравший столь важную роль в истории своего отца Осириса, и ничего не сказано о Тоте; впрочем, в разных местах текстов оба бога включены в сонм, и, может статься, их отсутствие в нем — следствие ошибки писца. Главные черты истории Гора и Тота мы уже изложили, а теперь можно кратко назвать главных богов других сонмов.

Ну был «отцом богов» и прародителем «великого сонма богов»; он был первозданной водной громадой, из которой произошло все сущее.

Птах был самым деятельным из трех великих богов, исполнявших повеления Тота, который облекал в слова волю первозданной творящей Силы; он сотворил себя сам и был образом солнечного бога Ра как «Отворяющего» день. По некоторым упоминаниям в «Книге мертвых» известно, что он «отверзал уста»[3] богам, и именно в этом качестве он стал богом круга Осириса. Его женой-соответствием была богиня Сехет, а третьим членом троицы, которую он возглавлял, был Нефер-Тему.

[3] «Да отверзет мне уста бог Птах»; «да отверзет мне уста бог Шу своим железным орудием, которым он отверзал уста богам» (глава XXIII).

Птах-Сокар — двуединый бог, образованный слиянием с Птахом Сокара — египетского имени воплощения быка Аписа в Мемфисе.

Птах-Сокар-Осирис был триединым богом, который, коротко говоря, олицетворял жизнь, смерть и воскресение.

Хнум был одним из древних мировых богов, помогавших Птаху исполнять повеления Тота, который облекал в слова волю первозданной творящей Силы; о нем говорится как о «создателе того, что есть, творце того, что будет, источнике сотворенного, отце отцов и матери матерей». Это он, по одному сказанию, вылепил человека на гончарном круге.

Хепера был древним первозданным богом и образом вещества, которое таит в себе зародыш жизни, готовой пробиться к новому бытию; потому он представлял мертвое тело, из которого вот-вот восстанет тело духовное. Его изображают человеком с головой жука, и это насекомое стало его знаком потому, что считалось, будто оно само себя зачинает и само себя производит на свет. И доныне некоторые жители Судана толкут высушенного скарабея, то есть жука, и пьют его с водой, веря, что это обеспечит им многочисленное потомство. Имя «Хепера» значит «тот, кто катит», и если вспомнить привычку этого насекомого катить свой шар, полный яиц, то меткость имени становится очевидна. Пока шар с яйцами катится, зародыши созревают и пробиваются к жизни; и так же как солнце катится по небу, излучая свет и тепло, а с ними и жизнь, так и земные твари рождаются и живут его силой.

Ра был, вероятно, старейшим из богов, которым поклонялись в Египте, и имя его восходит к столь отдаленной поре, что значение его неизвестно. Во все времена он был видимым знаком Бога и богом этой земли, которому ежедневно приносили дары и жертвы; время началось, когда Ра при сотворении мира поднялся над небосклоном в образе Солнца, и уже в очень раннюю пору жизнь человека сравнивали с его дневным путем. Считалось, что Ра плывет по небу в двух ладьях: в ладье Атет, или Матет, он плыл

от восхода до полудня, а в ладье Сектет — от полудня до заката. При восходе на него нападал Апоп, могучий «дракон», или змей, образ зла и тьмы, и Ра бился с этим чудищем, пока огненные стрелы, которые он метал в тело Апопа, не опаляли и не испепеляли его; бесов, сопровождавших этого страшного врага, тоже истребляли огнем, а тела их изрубали в куски. Повторение этого рассказа мы находим в сказании о битве Гора и Сета, и в обоих видах он первоначально изображал битву, которая, как думали, ежедневно идет между светом и тьмой. Позднее, однако, когда Осирис занял место Ра, а Гор стал божественной силой, призванной отомстить за жестокое убийство отца и за причиненную ему обиду, к свету и тьме, то есть к Гору и Сету, приложили нравственные понятия правого и неправого, добра и зла, истины и лжи.

Поскольку Ра был «отцом богов», естественно, что каждый бог представлял какую-то сторону его, а он представлял каждого бога. Хорошим тому примером служит «Гимн Ра», прекрасный список которого начертан на стенах наклонного коридора в гробнице Сети I (около 1370 года до н. э.); приводим из него следующее:

11. «Хвала тебе, о Ра, высокая Сила, входящая в обители Аменти; вот, [твое] тело — Тему.

12. Хвала тебе, о Ра, высокая Сила, входящая в сокровенное место Анубиса; вот, [твое] тело — Хепера.

13. Хвала тебе, о Ра, высокая Сила, чей век долговечнее сокровенных образов; вот, [твое] тело — Шу.

14. Хвала тебе, о Ра, высокая Сила… вот, [твое] тело — Тефнут.

15. Хвала тебе, о Ра, высокая Сила, производящая зелень в свое время; вот, [твое] тело — Себ.

16. Хвала тебе, о Ра, высокая Сила, могучий, вершащий суд… вот, [твое] тело — Нут.

17. Хвала тебе, о Ра, высокая Сила, владыка… вот, [твое] тело — Исида.

18. Хвала тебе, о Ра, высокая Сила, чья голова дает свет тому, что пред тобою; вот, [твое] тело — Нефтида.

19. Хвала тебе, о Ра, высокая Сила, источник божественных членов, Единый, дающий бытие рожденному; вот, [твое] тело — Гор.

20. Хвала тебе, о Ра, высокая Сила, обитающая в небесной бездне и озаряющая ее; вот, [твое] тело — Ну».[4]

---

[4] Текст см.: «Анналы музея Гиме. Гробница Сети I» (изд. Лефебюра), Париж, 1886, табл. V.

В следующих за этим строфах Ра отождествляется с множеством богов и божественных лиц, чьи имена встречаются в текстах не так часто, как приведенные выше, и так или иначе ему приписываются свойства всех богов. Ясно, что в то время, когда был написан этот гимн, верх брало многобожие, а не пантеизм, как утверждают иные, и, хотя фиванского бога Амона мало-помалу выдвигали во главу сонмов египетских богов, мы повсюду видим стремление подчеркнуть, что всякий бог, чужеземный или свой, есть лишь сторона или образ Ра.

Упомянутый сейчас бог Амон был первоначально местным богом Фив, чье святилище было основано или перестроено еще при XII династии, около 2500 года до н. э. Этот «сокровенный» бог — а именно таково значение имени Амон — был по сути своей богом юга Египта; но когда фиванские цари одолели своих врагов на севере и стали тем самым хозяевами всей страны, Амон сделался богом первой величины, и цари XVIII, XIX и XX династий щедро одаряли его храмы. Жрецы этого бога называли Амона

«царем богов» и старались заставить весь Египет признать его таковым, но, при всем своем могуществе, понимали, что не добьются этого, если не отождествят его с древнейшими богами страны. Они объявили, что он представляет сокровенную и таинственную силу, которая сотворила вселенную и поддерживает ее, а солнце есть знак этой силы; потому они прибавили к его имени имя Ра, и в этом виде он постепенно присвоил себе свойства и власть Ну, Хнума, Птаха, Хапи и других великих богов. В середине XVIII династии против верховенства Амона поднял восстание Аменхетеп, или Аменофис IV (около 1500 года до н. э.), но оно не удалось. Этот царь так ненавидел бога и его имя, что переменил собственное имя на «Ху-эн-Атен», то есть «сияние солнечного Диска», и велел стереть имя Амона, где только возможно, с храмов и других великих памятников; и во многих местах это действительно было сделано. Каковы были в точности религиозные воззрения царя, сказать невозможно, но несомненно, что он хотел заменить культ Амона культом Атона — образа солнечного бога, которому в глубокой древности поклонялись в Анну (то есть в Оне, или Гелиополе). «Атон» значит буквально «Диск Солнца», и, хотя на таком отдалении во времени трудно понять, в чем состояла разница между поклонением Ра и поклонением «Ра в его Диске», можно не сомневаться, что между ними существовало какое-то тонкое богословское различие. Но каким бы ни было это различие, его оказалось довольно, чтобы Аменофис покинул старую столицу Фивы и удалился в место[5] на некотором расстоянии к северу от этого города, где и совершал служение своему возлюбленному богу Атону. На дошедших до нас изображениях поклонения Атону бог является в виде диска, от которого исходит множество рук с кистями, дарующими жизнь

его почитателям. После смерти Аменофиса культ Атона пришел в упадок, и Амон вновь воцарился в умах египтян.

[5] Это место отмечено развалинами Телль-эль-Амарны.

Недостаток места не позволяет привести здесь полный перечень титулов Амона, и придется удовольствоваться коротким отрывком из папируса царевны Неси-Хенсу,[6] чтобы показать, как чтили этого бога около 1000 года до н. э. В нем к Амону обращаются так:

[6] Иероглифическую передачу иератического текста см.: Масперо, «Записки», т. I, с. 594 и след.

> «Святой бог, владыка всех богов, Амон-Ра, владыка престолов мира, князь Апт (то есть Карнака), святая душа, начавшая быть в начале, великий бог, живущий правдой и истиной, первая эннеада, родившая две другие эннеады,[7] существо, в котором пребывает всякий бог, Единый из Единого, творец того, что начало быть, когда земля приняла образ в начале, чьи рождения сокрыты, чьи образы многочисленны и чей рост непознаваем. Святой Образ, возлюбленный, и грозный, и могучий… владыка пространства, Могучий в образе Хепера, начавший быть через Хепера, владыка образа Хепера; когда он начал быть, не было ничего, кроме него. Он светил над землей от первоначальных времен, он — Диск, князь света и сияния… Когда этот святой бог изваял себя, небеса и земля были сотворены его сердцем (или умом)… Он — Диск Луны, чья красота наполняет небеса и землю, неутомимый и благодетельный царь, чья воля прорастает от восхода до заката, из чьих божественных очей выходят мужчины и женщины, из чьих уст выходят боги и [кем] сотворены и приготовлены пища, и мясо, и питье, и [кем] сотворено все сущее. Он владыка времени и проходит вечность; он древний, обновляющий свою юность… Он Существо, которое нельзя познать, и он сокровеннее всех богов…

Он дает долгую жизнь и умножает годы тех, к кому благоволит, он милостивый защитник того, кого положил себе на сердце, и он творец вечности и бесконечности. Он царь Севера и Юга, Амон-Ра, царь богов, владыка неба, и земли, и вод, и гор, с чьим началом бытия начала свое бытие земля, Могучий, царственнее всех богов первого сонма».

[7] То есть великий, малый и наименьший сонмы богов; в каждом сонме (*naym*) было девять богов.

Заметим, что в приведенном отрывке Амон назван «Единым из Единого», или «Единым Единым», — титул, который толковали так, будто он вовсе не имеет отношения к единству Бога в нынешнем понимании; но если эти слова не выражают мысли о единстве, то что же они значат? Сказано также, что он «без второго», и потому нет ни малейшего сомнения, что, объявляя своего бога Единым и не имеющим второго, египтяне имели в виду ровно то же, что евреи и арабы, когда объявляли своего Бога Единым.[8] Такой Бог был Существом совершенно иным, нежели олицетворения сил природы и те существа, которых за неимением лучшего слова называют «богами».

[8] См. Втор. 6:4 и Коран, сура 112.

Но помимо Ра, в очень древние времена существовал бог по имени Гор, чьим знаком был ястреб, — по-видимому, первое живое существо, которому стали поклоняться египтяне; Гор был солнечным богом, как и Ра, и в поздние времена его смешивали с Гором, сыном Исиды. Главные образы Гора, упоминаемые в текстах, таковы: 1) Херу-ур (Аруэрис), 2) Херу-мерти, 3) Херу-нуб, 4) Херу-хент-хат, 5) Херу-хент-ан-маа, 6) Херу-хути, 7) Херу-сам-тауи, 8) Херу-хекенну, 9) Херу-Бехутет. С одним из образов Гора изначально были связаны четыре бога сторон света, или «четыре

духа Гора», которые держали небо на его четырех углах; их звали Хапи, Туамутеф, Амсет и Кебхсеннуф, и они представляли соответственно север, восток, юг и запад. Внутренности умерших бальзамировали и складывали в четыре сосуда, и каждый из них находился под охраной одного из этих четырех богов. Другие важные боги умерших таковы: 1) Анубис, сын Ра или Осириса, который начальствовал над обителью умерших и вместе с Ап-уатом делил власть над «погребальной горой»; знак каждого из этих богов — шакал. 2) Ху и Са, дети Тему, или Ра, которые появляются в ладье солнца при сотворении мира, а позднее — в сцене Суда. 3) Богиня Маат, которая вместе с Тотом, Птахом и Хнумом участвовала в деле творения; ее имя значит «прямое», а отсюда — правильное, верное, истина, подлинное, неподдельное, честное, праведное, справедливое, твердое, неизменное и тому подобное. 4) Богиня Хет-Херт (Хатхор), то есть «дом Гора», — та часть неба, где солнце восходило и заходило. Ей была посвящена сикомора, и умерший молит ее напитать его небесной пищей из этого дерева. 5) Богиня Мех-урт, представлявшая ту часть неба, по которой солнце совершает свой дневной путь; именно здесь, по воззрению, которого держались по крайней мере в одну из эпох, совершался суд над умершим. 6) Нейт, мать Себека, которая также была богиней восточной части неба. 7) Сехет и Баст, изображаемые с головами львицы и кошки; первая была знаком губительной, опаляющей силы солнца, вторая — его мягкого тепла. 8) Серк, один из образов Исиды. 9) Та-урт (Туэрис), родительница богов. 10) Уатчет, один из образов Хатхор; она владычествовала над северным небом, так же как Нехебет была владычицей южного неба. 11) Нехеб-ка, богиня, владевшая чародейской силой и отчасти сходная по своим свойствам с Исидой. 12) Себак, один из образов солнечного бога, которого в

поздние времена смешивали с Себаком, или Себеком, другом Сета. 13) Амсу (или Мин, или Хем), олицетворение порождающих и плодотворящих сил природы. 14) Беб, или Баба, «первородный сын Осириса». 15) Хапи, бог Нила, с которым отождествлялось большинство великих богов.

Имена существ, которых в то или иное время называли в Египте «богами», так многочисленны, что один лишь их перечень занял бы десятки страниц и в книге такого рода был бы неуместен. Поэтому мы отсылаем читателя к «Египетской мифологии» Ланцоне, где многие из них перечислены и описаны.

ГЛАВА IV

СУД НАД УМЕРШИМИ

✦

Вера в то, что дела, совершенные человеком в теле, после его смерти будут разобраны и взвешены божественными силами, восходит к самой ранней поре египетской цивилизации, и во всех поколениях она оставалась по существу одной и той же. Мы не знаем, где именно, по представлениям египтян, вершился последний Суд и попадала ли душа в судилище сразу после смерти тела или лишь тогда, когда бальзамирование было окончено и тело положено в гробницу; но совершенно несомненно, что вера в Суд укоренилась в египтянах так же глубоко, как и вера в бессмертие. Мысли о всеобщем Суде, когда все, кто когда-либо жил на свете, получат воздаяние за дела, совершенные в теле, у них, по-видимому, не было; напротив, все имеющиеся свидетельства говорят о том, что каждую душу судили отдельно и она либо допускалась в царство Осириса и блаженных, либо тут же уничтожалась. Некоторые места в текстах как будто наводят на мысль, что существовало особое место для усопших, где могли обитать души, осужденные на Суде; но нужно помнить, что эту область населяли враги Ра, бога Солнца, и невозможно представить себе, чтобы божественные силы, вершившие Суд, позволили душам нечестивых жить после того, как те были осуждены, и становиться врагами чистых и блаженных. С другой

стороны, если придавать какое-то значение тому, что думали об этом копты, и считать, что их взгляды передают древние верования, унаследованные ими от египтян по преданию, то придется признать, что в египетском загробном мире была некая область, где души нечестивых несли кару неопределенно долгое время. Коптские жития святых и мучеников полны намеков на страдания осужденных, но не всегда можно сказать, порождены ли эти описания воображением египтянина-христианина или пристрастными мнениями писца. Если принять во внимание, что коптский ад был немногим больше, чем видоизмененная форма древнеегипетского Аменти, или Аментет, трудно поверить, что заимствовано было только имя египетского загробного мира, а представления и верования, которые связывали с ним древние египтяне, не были при этом усвоены. Иные христианские писатели с величайшей дотошностью распределяют нечестивых в аду по разрядам, как видно из следующего отрывка из жития Писентия[1], епископа Кефтского, жившего в VII веке нашей эры. Святой муж укрылся в гробнице, где были сложены друг на друга многие мумии, и, прочитав список имен погребенных там людей, отдал его ученику, чтобы тот положил его на место. Затем он обратился к ученику и наставлял его усердно творить дело Божие, и предупредил, что каждый человек станет таким же, как эти мумии, что лежали перед ними. «Одни, — сказал он, — у кого было много грехов, находятся ныне в Аменти, другие — во тьме кромешной, иные — в ямах и рвах, наполненных огнем, а иные — в огненной реке: этим последним никто не даровал покоя. А другие пребывают в месте упокоения ради добрых дел своих». Когда ученик ушел, святой муж заговорил с одной из мумий. Человек этот был родом из города Эрмент, или Армант, а отца и мать его звали Агриколай и Евстафия. Он поклонялся Посейдону и

никогда не слыхал, что Христос пришел в мир. «Горе, горе мне, — сказал он, — что я родился на свет! Почему чрево матери моей не стало мне гробом? Когда настал мой час умирать, первыми обступили меня ангелы-космократоры и поведали мне все грехи, которые я совершил, и сказали мне: „Пусть придет сюда тот, кто может спасти тебя от мук, в которые ты будешь ввергнут“. И были в руках у них железные ножи и острые рожны, подобные острым копьям, и они вонзали их мне в бока и скрежетали на меня зубами. Когда немного погодя открылись мои глаза, я увидел смерть, реющую в воздухе во множестве своих обличий, и в тот же миг явились безжалостные ангелы, исторгли мою несчастную душу из тела и, привязав ее в образе черного коня, повели меня в Аменти. Горе всякому грешнику, подобному мне, что родился на свет! О господин мой и отче, тогда я был предан в руки множества мучителей, не знающих жалости, и у каждого был свой облик. О, сколько диких зверей видел я на пути! О, сколько было там сил, что предавали меня казни! И случилось так, что, когда меня ввергли во тьму кромешную, я увидел огромный ров глубиной более двухсот локтей, и был он полон гадов; у каждого гада было семь голов, а тело каждого было подобно телу скорпиона. В этом месте жил и Великий Червь, один вид которого приводил в ужас всякого, кто на него взглянет. Во рту у него были зубы, подобные железным кольям, и один из мучителей схватил меня и бросил этому Червю, который никогда не переставал есть; и тотчас все [прочие] звери собрались возле него, и когда он наполнил свою пасть [моей плотью], все звери, что были вокруг меня, наполнили свои». На вопрос святого мужа, знал ли он хоть какой-нибудь отдых или время без страданий, мумия ответила: «Да, отче, тем, кто в мучениях, оказывают милость каждую субботу и каждое воскресенье. Как только воскресенье проходит, нас ввергают в

муки, которые мы заслужили, чтобы мы забыли годы, прожитые нами в мире; а как только мы забудем скорбь этой муки, нас ввергают в другую, еще более тяжкую».

[1] Изд. Амелино, Париж, 1887, с. 144 и сл.

По этому описанию мук, которые, как полагали, терпят нечестивые, нетрудно увидеть, что у писателя перед глазами были некоторые из тех изображений, которые хорошо знакомы нам теперь благодаря раскопкам гробниц, ведшимся в Египте в последние годы; нетрудно увидеть и то, что он, как и многие другие коптские писатели, не понял их смысла. Тьма кромешная, то есть самое черное место во всем загробном мире, огненная река, огненные ямы, змей и скорпион и тому подобное — все это имеет свои соответствия, вернее, свои подлинники в сценах, сопровождающих тексты, которые описывают путь Солнца через загробный мир в часы ночи. Раз неверно поняв общий смысл таких сцен, легко было превратить врагов Ра, бога Солнца, в души осужденных, а сожжение этих врагов — которые были, в сущности, лишь олицетворенными силами природы — счесть заслуженной карой тех, кто творил зло на земле. Насколько копты бессознательно воспроизводили взгляды, которых держались их предки в течение тысячелетий, сказать нельзя; но, даже сделав на эту возможность самую широкую скидку, мы все еще должны объяснить множество верований и взглядов, которые, по-видимому, были собственным порождением воображения египтян-христиан.

Выше уже говорилось, что мысль о Суде над умершими в Египте чрезвычайно древняя; она настолько стара, что бесполезно пытаться установить время, когда она впервые возникла. В самых ранних известных нам религиозных текстах

есть признаки того, что египтяне ожидали Суда, но эти признаки недостаточно определенны, чтобы на них можно было строить доказательства; и весьма сомнительно, чтобы Суд мыслился тогда столь же строгим и доскональным, как в более позднюю пору. Еще в царствование Мен-кау-Ра, Микерина греков, около 3600 г. до н. э., царский сын, или царевич, Херутатаф нашел на железной плите, написанный рукою бога Тота, религиозный текст, который впоследствии стал главой 30Б «Книги мертвых»[2]. Каково было первоначальное назначение этого сочинения, сказать нельзя, но едва ли можно сомневаться, что оно должно было помочь умершему на Суде; если перевести его заглавие дословно, оно должно было не дать сердцу умершего «отпасть от него в загробном мире». В первой его части умерший, заклиная свое сердце, говорит: «Да не восстанет ничто против меня на Суде; да не будет мне противодействия пред владыками-князьями; да не будет разлуки тебя со мною пред лицом того, кто хранит Весы!.. Да не заставят имя мое смердеть служители судилища Осириса (по-египетски *Шенит*), которые творят условия жизни людей! Да будет [Суд] благоприятен мне, да будет слушание благоприятно мне, и да возрадуется сердце мое при взвешивании слов. Да не будет сказано ложное против меня пред Великим Богом, Владыкой Аментет».

[2] См. «Главы о выходе днем», перевод, с. 80.

И хотя папирус, на котором найдены это заявление и эта молитва, был написан примерно через две тысячи лет после царствования Мен-кау-Ра, нет сомнения, что они списаны с текстов, которые и сами были списаны в гораздо более раннюю пору, и что рассказ о находке текста, начертанного на железной плите, современен самому открытию его Херутатафом. Нет нужды разбирать здесь,

означает ли слово «нашел» (по-египетски *кем*) подлинное открытие или нет; но ясно, что те, кто заказывал переписку папируса, не видели ничего нелепого или неподобающего в том, чтобы относить этот текст ко времени Мен-кау-Ра. Другой текст, также ставший впоследствии главой «Книги мертвых» под заглавием «Глава о том, чтобы не дать сердцу умершего быть отторгнутым от него в загробном мире», был начертан на гробе XI династии, около 2500 г. до н. э., и в нем мы находим такое прошение: «Да не восстанет ничто против меня на Суде пред владыками разбирательства (дословно — „владыками вещей“); да не скажут обо мне и о том, что я сделал: „Он творил дела, противные тому, что весьма право и истинно“; да не будет ничего против меня пред Великим Богом, Владыкой Аментет»[3]. Из этих мест мы вправе заключить, что еще до конца IV династии уже сложилось представление о том, что человека «взвешивают на Весах»; что религиозные школы Египта поручили одному из богов наблюдать за Весами, когда разбирались дела; что это взвешивание на Весах происходило в присутствии существ, называемых Шенит, которые, как верили, управляли поступками и делами людей; что, по общему мнению, враги умершего могли представить на Суде неблагоприятные для него свидетельства; что взвешивание происходило в присутствии Великого Бога, Владыки Аментет; и что сердце умершего могло изменить ему либо телесно, либо нравственно. Умерший обращается к своему сердцу, называя его своей «матерью», а затем отождествляет его со своим *ка*, или двойником, связывая упоминание о *ка* с именем бога Хнума. Эти обстоятельства чрезвычайно важны, ибо доказывают, что умерший считал свое сердце источником своей жизни и существа, а упоминание бога Хнума относит время создания текста к поре, современной самым началам религиозной

мысли в Египте. Именно бог Хнум помогал Тоту исполнять повеления Бога при сотворении мира, и одно очень любопытное изваяние на Филэ изображает Хнума за тем, как он лепит человека на гончарном круге. Умерший, называя имя Хнума, по-видимому, призывает его на помощь на Суде как творца человека и как того, кто в каком-то отношении отвечает за то, как человек прожил свою жизнь на земле.

---

[3] «Главы о выходе днем», с. 78.

В главе 30А «страж Весов» не упоминается вовсе, и умерший говорит: «Да не восстанет ничто против меня на Суде пред владыками вещей!» «Владыки вещей» — это могут быть либо «владыки творения», то есть великие космические боги, либо «владыки дел [судилища]», то есть разбирательства. В этой главе умерший обращается не к Хнуму, а к «богам, что обитают в божественных облаках и возвышены своими скипетрами», то есть к четырем богам сторон света, по имени Местха, Хапи, Туамутеф и Кебхсеннуф, которые ведали также главными внутренними органами человеческого тела. Здесь опять умерший как будто стремится переложить на этих богов некую долю ответственности за дела, совершенные им при жизни, поскольку они ведали органами, которые были первыми движителями его поступков. Во всяком случае, он видит в них заступников, ибо умоляет их «молвить доброе слово Ра» за него и даровать ему успех пред богиней Нехебка. Здесь ищут благосклонности Ра, бога Солнца, видимого знака всемогущего и вечного Бога, а также благосклонности богини-змеи, свойства которой еще не определены в точности, но которая весьма причастна к судьбам умерших. Владыка Аментет — Осирис — не упоминается вовсе.

Прежде чем перейти к тому, как изображен Суд в лучших образцах иллюстрированных папирусов, необходимо упомянуть любопытную виньетку в папирусах Небсени[4] и Амен-неба[5]. В обоих этих папирусах мы видим фигуру самого умершего, которого взвешивают на Весах против его собственного сердца в присутствии бога Осириса. Вероятно, некогда в Древнем Египте бытовало поверье, что тело можно взвесить против сердца, дабы узнать, следовало ли первое велениям второго; но как бы то ни было, совершенно несомненно, что этот замечательный вариант виньетки к главе 30Б имел какой-то особый смысл, и, поскольку он встречается в двух папирусах эпохи XVIII династии, мы вправе предположить, что он отражает верование гораздо более древней поры. Суд, изображенный здесь, во всяком случае должен отличаться от того, который составляет столь поразительную сцену в более поздних иллюстрированных папирусах XVIII и последующих династий.

[4] Британский музей, № 9900.

[5] Британский музей, № 9964.

Итак, мы доказали, что мысль о Суде над умершими была принята в религиозных писаниях уже при IV династии, около 3600 г. до н. э.; но чтобы найти ее в виде изображения, нам придется ждать почти две тысячи лет. Некоторые сцены, встречающиеся в «Книге мертвых» как виньетки к отдельным текстам или главам, например Поля Хетеп, или Елисейские поля, чрезвычайно древни и встречаются на саркофагах XI и XII династий; но самое раннее известное изображение сцены Суда не старше XVIII династии. В древнейших фиванских папирусах «Книги мертвых» сцены Суда нет, и раз ее нет в таких авторитетных документах, как папирус Небсени и папирус Ну[6], следует считать, что у этого пропуска была

какая-то причина. В больших иллюстрированных папирусах, где сцена Суда дана полностью, можно заметить, что она стоит в начале сочинения и что ей предшествуют гимны и виньетка. Так, в папирусе Ани[7] мы находим гимн Ра, за ним — виньетку, изображающую восход Солнца, и гимн Осирису; в папирусе Хунефера[8] гимны иные, но порядок тот же. Мы вправе поэтому заключить, что гимны вместе со сценой Суда составляли вводный раздел «Книги мертвых», и возможно, что это указывает на существование верования — по крайней мере в пору наивысшего могущества жрецов Амона, с 1700 по 800 г. до н. э., — что Суд над умершим за дела, совершенные в теле, предшествовал его допуску в царство Осириса. Поскольку гимны, сопровождающие сцену Суда, являются прекрасными образцами благочестивых сочинений высокого рода, мы приводим здесь в переводе несколько отрывков из некоторых из них.

[6] Британский музей, № 10477.

[7] Британский музей, № 10470.

[8] Британский музей, № 9901.

Гимн Ра[9]

> «Хвала тебе, о ты, что восходишь в Ну[10] и при явлении своем озаряешь мир светом; весь сонм богов воспевает тебе хвалу, когда ты выходишь. Божественные богини Мерти[11], служащие тебе, лелеют тебя как Царя Севера и Юга, о прекрасное и возлюбленное Дитя. Когда ты восходишь, живут мужчины и женщины. Народы радуются тебе, и Души Анну[12] (Гелиополя) поют тебе песни радости. Души города Пе[13] и Души города Нехен[14] превозносят тебя, обезьяны зари поклоняются тебе, и все звери и скот единодушно хвалят тебя. Богиня Себа низвергает врагов твоих, и потому ты ликуешь в своей ладье; гребцы твои довольны этим.

Ты достиг ладьи Атет[15], и сердце твое исполняется радости. О владыка богов, когда ты сотворил их, они воскликнули от радости. Лазурная богиня Нут окружает тебя со всех сторон, и бог Ну заливает тебя своими лучами света. О, пролей свой свет на меня и дай мне узреть твои красоты, и когда ты выйдешь над землею, я воспою хвалы твоему прекрасному лику. Ты восходишь на небосклоне, и диску твоему поклоняются, когда он покоится на горе, чтобы дать жизнь миру».

«Ты восходишь, ты восходишь и выходишь из бога Ну. Ты обновляешь свою юность и встаешь на то место, где был вчера. О божественное Дитя, что сотворило само себя, я не в силах [описать] тебя. Ты пришел со своими восходами и сделал небо и землю сияющими от твоих лучей чистого изумрудного света. Земля Пунт[16] утверждена, [дабы давать] благовония, которые ты вдыхаешь своими ноздрями. Ты восходишь, о дивное Существо, на небесах, и две богини-змеи, Мерти, утверждены на челе твоем. Ты даешь законы, о владыка мира и всех, кто населяет его; все боги поклоняются тебе».

36. «Привет тебе, Ари-ем-аб-ф, выходящий из Тебти, — я не возвышал своей речи.

37. «Привет тебе, Ахи, выходящий из Ну, — я не изрекал проклятий Богу.

38. «Привет тебе, Уач-рехит [выходящий из своего святилища (?)], — я не вел себя дерзко.

39. «Привет тебе, Нехеб-неферт, выходящий из своего храма, — я не делал различий[1].

40. «Привет тебе, Нехеб-кау, выходящий из пещеры твоей, — я не умножал своего богатства ничем, кроме того, что составляет мое собственное достояние.

41. «Привет тебе, Чесер-теп, выходящий из святилища твоего, — я не изрекал проклятий тому, что принадлежит Богу и находится при мне.

42. «Привет тебе, Ан-а-ф (то есть Приносящий свою руку), [выходящий из Аукерт], — я не презирал бога города».

[9] См. «Главы о выходе днем», с. 7.

[10] Олицетворенное небо.

[11] Дословно — Два Ока, то есть Исида и Нефтида.

[12] То есть Ра, Шу и Тефнут.

[13] Часть города Буто (Пер-Уатчит). Душами Пе были Гор, Местха и Хапи.

[14] То есть Гор, Туамутеф и Кебхсеннуф.

[15] То есть ладьи, в которой Солнце плывет до полудня.

[16] То есть земли по обе стороны Красного моря и Северо-Восточной Африки.

Гимн Осирису[17]

«Слава тебе, о Осирис Унн-нефер, великий бог в Абидосе, царь вечности и владыка бесконечности, бог, что проходит в своем бытии миллионы лет. Ты старший сын из чрева Нут, ты рожден от Себа, Предка богов, ты владыка Венцов Севера и Юга и высокой белой короны. Как Князь богов и людей, ты принял посох, и бич, и сан своих божественных отцов. Да будет довольно сердце твое, что в горе Амент[18], ибо сын твой Гор утвержден на престоле твоем. Ты венчан владыкой Татту (Мендеса) и правителем в Абту (Абидосе). Через тебя мир зеленеет торжествуя пред мощью Неб-ер-чера[19]. Ты ведешь за собою то, что есть, и то, чего еще нет, в имени твоем „Тахер-ста-неф“; ты влечешь по земле в имени твоем „Секер“; ты безмерно могуч и страшен в имени твоем „Осирис“; ты пребываешь во веки веков в имени твоем „Унн-нефер“».

«Хвала тебе, о Царь царей, Владыка владык, Князь князей! Из чрева Нут ты правил миром и загробным миром. Тело твое из светлого и блистающего металла, голова твоя лазурно-синяя, и сияние бирюзы окружает тебя. О бог Ан, что существуешь миллионы лет, что проникаешь телом своим все сущее, что прекрасен ликом в Земле Святости (то есть в загробном мире), даруй мне славу на небе, силу на земле и торжество в загробном мире. Даруй мне плыть вниз по реке к Татту, как живая душа, и вверх по реке к Абту, как феникс; и даруй мне входить и выходить из пилонов земель загробного мира без помехи и препятствия. Да будут даны мне хлебы в доме прохлады, и приношения пищи и питья в Анну (Гелиополе), и надел навеки и навеки на Поле Тростников[20], с пшеницей и ячменем на нем».

[17] См. «Главы о выходе днем», с. 11.

[18] То есть в загробном мире.

[19] Имя Осириса.

[20] Часть «Полей Мира», или Елисейских полей.

В длинном и важном гимне из папируса Хунефера[21] есть следующее прошение, вложенное в уста умершего:

«Даруй мне следовать в свите твоего Величества, как я следовал на земле. Да будет призвана душа моя [пред лицо твое], и да обретется она рядом с владыками права и истины. Я пришел в Город Бога, в край, что существовал в изначальное время, с [моей] душой, и с [моим] двойником, и с [моим] светлым обликом, чтобы обитать в этой земле. Бог ее — владыка права и истины, он владыка пищи богов *чефау*, и он пресвят. Земля его притягивает к себе всякую землю; Юг приплывает к ней вниз по реке, и Север, ведомый туда ветрами, приходит ежедневно справлять в ней праздник по повелению Бога ее, который есть Владыка мира в ней.

И не говорит ли он: „Счастье ее — моя забота“? Бог, что обитает в ней, творит право и истину; тому, кто творит их, он дает старость, а тому, кто следует им, — сан и почет, пока не достигнет он наконец счастливых похорон и погребения в Святой Земле» (то есть в загробном мире).

[21] См. «Главы о выходе днем», с. 343–346.

Произнеся эти слова молитвы и поклонения Ра, символу Всемогущего Бога, и его сыну Осирису, умерший затем «выходит в Чертог Двух Истин (Маати), дабы быть отделенным от всякого греха, который он совершил, и узреть лики богов»[22]. С древнейших времен Маати были двумя богинями — Исидой и Нефтидой, и называли их так потому, что они олицетворяли понятия прямоты, честности, праведности, должного, истины и тому подобного; слово *маат* первоначально означало мерную трость, или мерило. Полагали, что они либо сидят в Чертоге Маат за пределами святилища Осириса, либо стоят рядом с этим богом в святилище; пример первого положения можно видеть в папирусе Ани (табл. 31), второго — в папирусе Хунефера (табл. 4). По первоначальному представлению, в Чертоге Маат, или Маати, пребывали сорок два бога, что видно из следующего места во Введении к главе CXXV «Книги мертвых». Умерший говорит Осирису:

[22] Эти слова взяты из заглавия главы CXXV «Книги мертвых».

«Хвала тебе, о великий Бог, Владыка двух богинь Маат! Я пришел к тебе, о мой Владыка, и я привел себя сюда, чтобы узреть твои красоты. Я знаю тебя, и я знаю имя твое, и я знаю имена сорока двух богов, что живут с тобою в этом Чертоге Маати, что живут как стражи грешников и питаются их кровью в тот день, когда исчисляются (или принимаются в расчет) нравы (или жизни)

людей в присутствии бога Унн-нефера. Воистину, „Бог Рехти-Мерти (то есть сестер-близнецов двух очей), Владыка города Маати“ — вот имя твое. Воистину, я пришел к тебе, и я принес тебе Маат, и я истребил нечестие».

Затем умерший перечисляет грехи, или проступки, которых он не совершал, и заключает словами: «Я чист; я чист; я чист; я чист. Чистота моя — чистота великого Бенну, что в городе Сутен-хенен (Гераклеополе), ибо вот, я — ноздри Бога дыхания, что дает жизнь всему человечеству в тот день, когда Око Ра наполняется в Анну (Гелиополе) в конце второго месяца времени года Перт[23]. Я видел Око Ра, когда оно было полным в Анну[24]; да не постигнет же меня зло ни в этой земле, ни в этом Чертоге Маати, ибо я, именно я, знаю имена богов, что пребывают в нем».

[23] То есть в последний день шестого месяца египетского года, называемого у коптов Мехир.

[24] Здесь, по-видимому, разумеется летнее или зимнее солнцестояние.

Поскольку богов, живущих в Чертоге Маат вместе с Осирисом, сорок два, можно было бы ожидать, что в обращениях умершего к ним будет названо сорок два греха, или проступка; но это не так, ибо грехи, перечисленные во Введении, никогда не достигают этого числа. Однако в больших иллюстрированных папирусах XVIII и XIX династий мы видим, что, хотя во Введении названо множество грехов, которых умерший, по его словам, не совершал, писцы и художники прибавили еще ряд отрицательных заявлений, числом сорок два, и расположили их в виде таблицы. Это явная попытка сравнять число названных грехов с числом богов Чертога Маат; и похоже, что они предпочли составить совершенно новый вид этого раздела сто двадцать пятой главы, чем как-либо дополнять или переделывать прежний раздел. Итак,

художники изобразили Чертог Маат с широко распахнутыми дверями, карниз которого составлен из уреев и перьев — знаков Маат. Над серединой карниза сидит божество с простертыми руками: правая простерта над Оком Гора, левая — над прудом. В конце Чертога сидят богини Маат, то есть Исида и Нефтида; там же умерший, поклоняющийся Осирису, восседающему на престоле, Весы, на одной чаше которых сердце умершего, а на другой — перо, знак Маат, и Тот, рисующий большое перо. В этом Чертоге сидят сорок два бога, и, проходя мимо каждого из них, умерший обращается к нему по имени и вместе с тем заявляет, что не совершал такого-то греха. Сличение разных папирусов показывает, что писцы часто ошибались, записывая этот список богов и список грехов, и в итоге умерший произносит перед одним богом то признание, которое, строго говоря, относится к другому. Поскольку, назвав имя каждого бога, умерший всякий раз говорит: «Я не совершал» такого-то греха, весь ряд этих обращений получил название «Отрицательной исповеди». Основные понятия религии и нравственности, лежащие в основе этой Исповеди, чрезвычайно древни, и из нее мы можем довольно ясно уяснить, в чем древний египтянин видел свой долг перед Богом и перед ближним.

Объяснить, почему здесь обращаются лишь к сорока двум богам, невозможно, равно как невозможно сказать, почему было принято именно это число. Иные полагали, что каждый из сорока двух богов представлял один из номов Египта, и это мнение во многом подкрепляется тем, что в большинстве списков номов их число — сорок два; но, опять-таки, списки между собой не сходятся. Расходятся и классические авторы: у одних из них номов насчитывается тридцать шесть, у других перечислено сорок шесть. Впрочем, эти расхождения легко объяснить, ибо

центральная власть в любое время могла прибавить номы или убавить их число по соображениям податным или иным, и мы, вероятно, не ошибемся, предположив, что в то время, когда Отрицательной исповеди был придан тот табличный вид, в котором мы встречаем ее при XVIII династии, номов было сорок два. Это мнение подкрепляется и тем, что в самой ранней форме Исповеди, составляющей Введение к главе CXXV, названо меньше сорока грехов. Попутно отметим, что сорок два бога подчинены Осирису и занимают в Чертоге Суда лишь второстепенное положение, ибо будущую участь умершего решает исход взвешивания его сердца на Весах. Прежде чем перейти к описанию Чертога Суда, где установлены Весы, необходимо привести перевод Отрицательной исповеди, которую, надо полагать, умерший произносит перед тем, как его сердце будут взвешивать на Весах; перевод сделан по папирусу Ну[25].

[25] Британский музей, № 10477.

1. «Привет тебе, Усех-немтет (то есть Широкий шагом), выходящий из Анну (Гелиополя), — я не творил беззакония.

2. «Привет тебе, Хепт-сешет (то есть Объятый пламенем), выходящий из Хер-аба[26], — я не грабил с насилием.

3. «Привет тебе, Фенти (то есть Нос), выходящий из Хеменну (Гермополя), — я не чинил насилия ни над кем.

4. «Привет тебе, Ам-хаибиту (то есть Пожиратель теней), выходящий из Керерет (то есть из пещеры, где берет начало Нил), — я не крал.

5. «Привет тебе, Неха-хра (то есть Смердящий лик), выходящий из Рестау, — я не убил ни мужчины, ни женщины.

6. «Привет тебе, Ререти (то есть Двойной бог-лев), выходящий с небес, — я не уменьшал меры зерна.

7. «Привет тебе, Маата-ф-ем-сешет (то есть Огненноокий), выходящий из Сехема (Летополя), — я не поступал лукаво.

8. «Привет тебе, Неба (то есть Пламя), выходящий и отступающий, — я не похищал того, что принадлежит Богу.

9. «Привет тебе, Сет-кесу (то есть Сокрушитель костей), выходящий из Сутен-хенена (Гераклеополя), — я не говорил лжи.

10. «Привет тебе, Хеми (то есть Низвергатель), выходящий из Шетаит (то есть из сокровенного места), — я не отнимал имущества силой.

11. «Привет тебе, Уатч-несерт (то есть Мощный пламенем), выходящий из Хет-ка-Птах (Мемфиса), — я не произносил гнусных (или злых) слов.

12. «Привет тебе, Хра-ф-ха-ф (то есть Тот, чей лик обращен назад), выходящий из пещеры и бездны, — я не отнимал пищи силой.

13. «Привет тебе, Керти (то есть Двойной исток Нила), выходящий из загробного мира, — я не поступал лукаво.

14. «Привет тебе, Та-рет (то есть Огненноногий), выходящий из тьмы, — я не ел своего сердца (то есть не выходил из себя и не гневался).

15. «Привет тебе, Хетч-абеху (то есть Сверкающие зубы), выходящий из Та-ше (то есть из Файюма), — я не вторгался ни в чью [землю].

16. «Привет тебе, Ам-сенеф (то есть Пожиратель крови), выходящий из дома плахи, — я не закалывал животных, которые суть достояние Бога.

17. «Привет тебе, Ам-бесек (то есть Пожиратель внутренностей), выходящий из Мабет, — я не опустошал вспаханных земель.

18. «Привет тебе, Неб-Маат (то есть Владыка Маат), выходящий из города двух Маати, — я не выведывал чужих дел, чтобы сеять

раздор.

19. «Привет тебе, Тенеми (то есть Отступающий), выходящий из Баст (то есть Бубастиса), — я не приводил в движение уст своих против кого-либо.

20. «Привет тебе, Анти, выходящий из Анну (Гелиополя), — я не предавался гневу без должной причины.

21. «Привет тебе, Тутутеф, выходящий из нома Ати, — я не прелюбодействовал и не мужеложствовал.

22. «Привет тебе, Уамемти, выходящий из дома заклания, — я не осквернял себя.

23. «Привет тебе, Маа-ант-ф (то есть Видящий то, что приносят ему), выходящий из дома бога Амсу, — я не ложился с женою мужа.

24. «Привет тебе, Хер-серу, выходящий из Нехату, — я не наводил ни на кого страха.

25. «Привет тебе, Неб-Сехем, выходящий из Озера Кауи, — я не давал речи своей разгораться гневом[27].

26. «Привет тебе, Сешет-херу (то есть Устроитель речи), выходящий из Урит, — я не затыкал ушей своих от слов права и истины.

27. «Привет тебе, Нехен (то есть Младенец), выходящий из Озера Хекат, — я не заставлял другого плакать.

28. «Привет тебе, Кенемти, выходящий из Кенемет, — я не изрекал хулы.

29. «Привет тебе, Ан-хетеп-ф (то есть Приносящий свое приношение), выходящий из Сау, — я не поступал насильственно.

30. «Привет тебе, Сер-херу (то есть Распорядитель речи), выходящий из Унси, — я не торопил своего сердца[28].

31. «Привет тебе, Неб-храу (то есть Владыка ликов), выходящий из Нечефет, — я не пронзал (?) своей кожи (?) и не мстил богу.

32. «Привет тебе, Серехи, выходящий из Утент, — я не умножал своей речи сверх того, что подобает сказать.

33. «Привет тебе, Неб-абуи (то есть Владыка рогов), выходящий из Саути, — я не творил обмана [и не] взирал на зло.

34. «Привет тебе, Нефер-Тем, выходящий из Птах-хет-ка (Мемфиса), — я никогда не изрекал проклятий царю.

35. «Привет тебе, Тем-сеп, выходящий из Татту, — я не мутил текучей воды.

[26] Город близ Мемфиса.

[27] Дословно: «Я не был горяч устами».

[28] То есть не действовал необдуманно.

[1] То есть не был повинен в лицеприятии.

Даже беглый разбор этой «Исповеди» показывает, что нравственный закон египтян был весьма обширен: трудно было бы найти поступок, который в то время, когда «Исповедь» составлялась, считался бы грехом и не подпадал бы под ту или иную ее статью. Переводы слов, обозначающих некоторые грехи, не всегда определенны и точны, потому что мы не знаем, какую именно мысль вкладывал в них составитель этого замечательного памятника. Умерший заявляет, что он не хулил Бога и не презирал бога своего города, не проклинал царя, не совершал ни кражи какого бы то ни было рода, ни убийства, ни прелюбодеяния, ни мужеложства, ни преступлений против бога рождения; он не был ни властолюбив, ни надменен, ни жесток, ни гневлив, ни поспешен в делах, ни лицемерен, ни лицеприятен, ни богохулен, ни лукав, ни алчен, ни обманщик, не был глух к благочестивым словам, не был соучастником дурных дел, не был ни горд, ни заносчив; он никого не устрашал, не обманывал на

торгу, не загрязнял общего водотока и не разорял возделанной земли общины. Такова вкратце исповедь, которую произносит умерший; следующее же действие в сцене Суда — взвешивание сердца умершего на весах. Поскольку ни один из древнейших папирусов «Книги мертвых» не дает нам изображения этой сцены, приходится обращаться к лучшим из иллюстрированных папирусов второй половины XVIII и XIX династии. Подробности сцены Суда в разных папирусах сильно разнятся, но главные ее части сохраняются всегда. Ниже следует описание Суда над Ани в том виде, в каком он представлен в его чудесном папирусе, хранящемся в Британском музее.

В подземном мире, в той его части, что зовется Чертогом Маати, установлены Весы, на которых предстоит взвесить сердце умершего. Коромысло подвешено на кольце к выступу на стойке весов; выступ этот сделан в виде пера — символа Маат, то есть того, что право и истинно. Язычок весов прикреплен к коромыслу, и когда коромысло стоит совершенно ровно, язычок располагается так же отвесно, как стойка; если же какой-либо конец коромысла склоняется вниз, язычок уже не может оставаться в отвесном положении. Следует ясно понимать, что от сердца, лежавшего на одной чаше, вовсе не ожидали, будто оно перевесит груз на другой чаше и заставит ту взлететь вверх: от умершего спрашивалось и требовалось лишь одно — чтобы сердце его в точности уравновесило символ закона. Стойку весов иногда венчала человеческая голова с пером Маат, иногда — голова шакала, животного, посвященного Анубису, а иногда — голова ибиса, птицы, посвященной Тоту; в папирусе Ани на верху стойки сидит песьеголовая обезьяна, спутница Тота. В некоторых папирусах (например, в папирусах Ани[2] и Хунефера[3]), помимо Осириса, царя подземного мира и судии мертвых, свидетелями

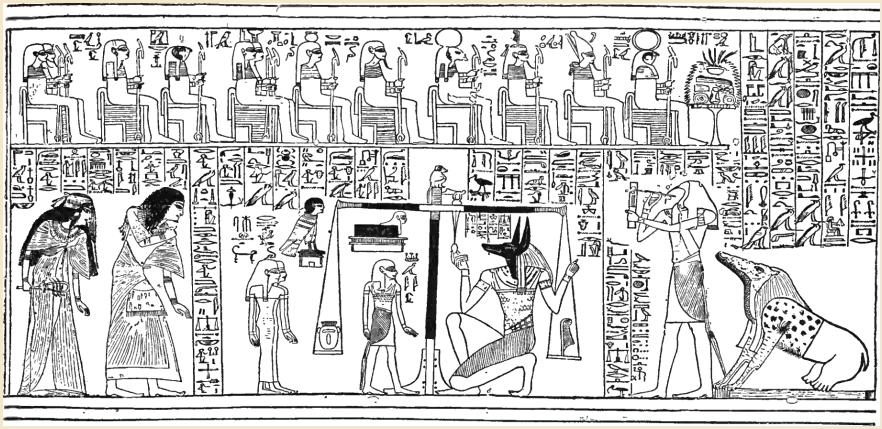
Суда выступают боги его круга, или сонма. В папирусе жрицы Анхаи[4], хранящемся в Британском музее, свидетелями являются великий и малый сонмы богов, но художник был так небрежен, что вместо девяти богов в каждой группе написал в одной шесть, а в другой пять. В Туринском папирусе[5] мы видим всех сорока двух богов, которым умерший читал «Отрицательную исповедь», восседающими в чертоге суда.

[2] Около 1500 г. до н. э.

[3] Около 1370 г. до н. э.

[4] Около 1000 г. до н. э.

[5] Написан в эпоху Птолемеев.



Взвешивание сердца писца Ани на Весах в присутствии богов.

При взвешивании сердца Ани присутствуют следующие боги:

1. Ра-Хармахис, с головою сокола, бог Солнца на заре и в полдень.

2. Тему, бог вечернего Солнца, великий бог Гелиополя. Его всегда изображают в человеческом облике и с лицом человека, а

это доказывает, что уже в очень раннюю пору он прошел через все образы, в которых представляют богов, и пришел к образу человека. На голове у него венцы Юга и Севера.

3. Шу, с головою человека, сын Ра и Хатхор, олицетворение солнечного света.

4. Тефнут, с головою львицы, сестра-близнец Шу, олицетворение влаги.

5. Себ, с головою человека, сын Шу, олицетворение земли.

6. Нут, с головою женщины, женское соответствие богов Ну и Себа; она была олицетворением первозданной воды, а позднее — неба.

7. Исида, с головою женщины, сестра и жена Осириса, мать Гора.

8. Нефтида, с головою женщины, сестра и жена Осириса, мать Анубиса.

9. Гор, «великий бог», с головою сокола; его почитание было, вероятно, самым древним в Египте.

10. Хатхор, с головою женщины, олицетворение той части неба, где Солнце восходило и заходило.

11. Ху, с головою человека, и

12. Са, также с головою человека; эти боги присутствуют в ладье Ра в сценах, изображающих сотворение мира.

По одну сторону весов преклонил колени бог Анубис, с головою шакала; правой рукой он держит грузик язычка весов, а позади него стоит Тот, писец богов, с головою ибиса, держа в руках тростинку, чтобы записать итог взвешивания. Возле него сидит трехобразное чудовище Аммит, «Пожирательница мертвых», которая ждет, чтобы пожрать сердце Ани, если оно окажется легким. В папирусе Неб-кет в Париже это чудовище лежит у озера огня, по углам которого сидят песьеголовые обезьяны; это озеро

видно и в главе CXXVI «Книги мертвых». Боги, восседающие перед столом с приношениями, а также Анубис, Тот и Аммит — это те, кто ведет, так сказать, дело против Ани. По другую сторону весов стоят Ани и его жена Туту, почтительно склонив головы; они изображены в человеческом облике, в одеждах и украшениях, подобных тем, что они носили на земле. Здесь же присутствует его душа в образе сокола с головою человека, стоящего на пилоне, а также прямоугольный предмет с человеческой головой, покоящийся на пилоне; в нем не раз видели изображение умершего в зародышевом состоянии. В папирусе Анхаи таких предметов два, по одному с каждой стороны весов; они обозначены как Шаи и Рененет — два слова, которые переводятся соответственно как «Судьба» и «Удача». Весьма вероятно — поскольку имя этого предмета читается Месхенет, а божество Месхенет иногда представляет собою и Шаи, и Рененет, — что художник хотел изобразить этим предметом оба божества сразу, хотя мы и видим бога Шаи стоящим под ним, у самой стойки весов. Возле души стоят две богини, называемые Месхенет и Рененет; первая из них — вероятно, одна из четырех богинь, помогавших при воскресении Осириса, а вторая — олицетворение Удачи, которое уже вошло в упомянутый выше предмет Месхенет, олицетворение Судьбы.

Читатель помнит, что Месхенет вместе с Исидой, Нефтидой, Хекет и Хнумом пришла в дом госпожи Рут-Теттет, которой предстояло родить троих детей. Когда эти божества, приняв облик женщин, пришли туда, они нашли там стоящего Ра-усера. И когда они сыграли перед ним музыку, он сказал им: «Госпожи, здесь женщина мучается родами»; а они отвечали: «Дай нам увидеть ее, ибо мы умеем принимать роды». Тогда Ра-усер ввел их в дом, и богини затворились с госпожою Рут-Теттет. Исида стала перед

нею, Нефтида — позади нее, а Хекет ускорила рождение детей; и как только рождался каждый младенец, Месхенет подходила к нему и говорила: «Царь, который будет владычествовать над всею землею», а бог Хнум даровал здоровье его членам[6]. Из этих пяти богов — Исиды, Нефтиды, Месхенет, Хекет и Хнума — первые три присутствуют на Суде над Ани; Хнум упоминается в обращении Ани к своему сердцу (см. ниже), и только Хекет не представлена.

[6] См. Эрман, «Папирус Весткар», Берлин, 1890, иероглифическая транскрипция, табл. 9 и 10.

Когда вот-вот начнется взвешивание его сердца, Ани говорит:

> «Сердце мое, мать моя! Сердце мое, мать моя! Сердце мое, через которое я получил бытие! Да не восстанет ничто против меня на Суде; да не будет мне противодействия пред владыками-князьями; да не разлучишься ты со мною пред тем, кто хранит Весы! Ты — мой ка, обитатель тела моего, бог Хнум, который связывает и укрепляет члены мои. Да выйдешь ты в обитель блаженства, куда мы идем. Да не сделают имени моего зловонным князья судилища Осириса, которые устроят обстоятельства жизни людей».

Некоторые папирусы прибавляют:

> «Да будет это благоугодно нам, и да будет благоугодно нам выслушивание, и да будет радость сердца у нас при взвешивании слов. Да не будет сказано ложное против меня пред Великим Богом, Владыкой Аментет! Воистину, как велик будешь ты, когда восстанешь торжествующим!»

Анубис осмотрел язычок весов, обезьяна показала своему товарищу Тоту, что коромысло стоит совершенно ровно и что, следовательно, сердце уравновешивает перо — символ Маат (то есть права, истины, закона и прочего), не перевешивая его и не

уступая ему в весе; тогда Тот записывает итог и обращается к богам с такою речью:

> «Слушайте этот приговор. Сердце Осириса поистине взвешено, и душа его стояла свидетелем за него; по испытании на Великих Весах оно найдено истинным. Не найдено в нем никакого нечестия; он не расточал приношений в храмах; он не причинял вреда делами своими; и он не распространял худой молвы, пока пребывал на земле».

В ответ на это донесение сонм богов, называемый «великим сонмом богов», отвечает:

> «То, что исходит из уст твоих, о Тот, обитающий в Хеменну (Гермополе), подтверждено. Осирис, писец Ани, торжествующий, свят и праведен. Он не грешил и не творил зла против нас. Пожирательнице Аммит не будет дано одолеть его; и да будут дарованы ему мясные приношения и вход пред лицо бога Осириса, а также надел навеки в Поле Мира, как последователям Гора»[7].

[7] Это особый разряд мифологических существ, или полубогов, которые уже при V династии, по верованиям египтян, читали молитвы за умершего и помогали Гору и Сету совершать погребальные обряды. См. мой «Папирус Ани», с. CXXV.

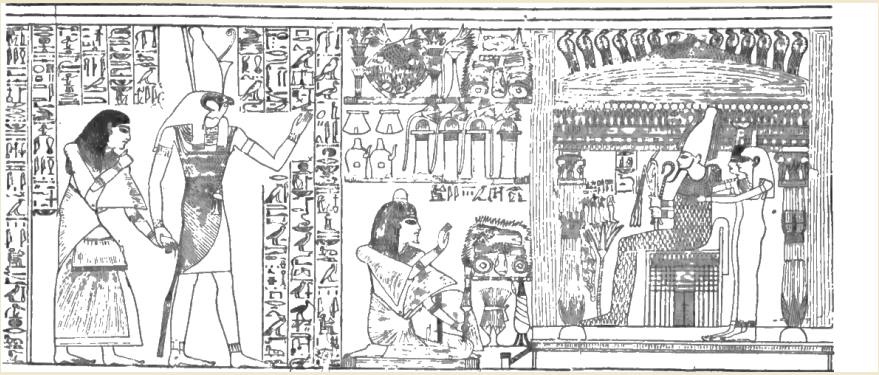
Здесь мы сразу замечаем, что умерший отождествлен с Осирисом, богом и судией мертвых, и что боги даровали ему собственное имя этого бога; причина тому такова. Близкие умершего совершали над ним все те обряды и церемонии, которые Исида и Нефтида совершили над Осирисом, и предполагалось, что вследствие этого с умершим произойдет все то же, что произошло во благо Осириса, и что умерший, по сути, станет подобием Осириса. Повсюду в текстах «Книги мертвых», от 3400 г. до н. э. и до римской эпохи, умерший отождествляется с Осирисом. Другое, на что следует обратить внимание, — это слова *маа херу*,

прилагаемые к умершему; за неимением лучшего слова я передал их как «торжествующий». В действительности эти слова означают «правый голосом», или «верный словом», и указывают на то, что человек, к которому они относятся, приобрел силу владеть своим голосом так, что, когда он обращается к незримым существам, они оказывают ему все услуги, которых он приобрел право требовать. Хорошо известно, что в древности маги и чародеи имели обыкновение обращаться к духам или демонам особым тоном голоса и что все магические заклинания читались подобным же образом; неверный звук или тон голоса повлек бы за собою самые гибельные последствия для говорящего, а может быть, и смерть. Умершему предстояло пробираться через множество областей подземного мира и проходить через многие ряды чертогов, двери которых охраняли существа, готовые, если к ним обратиться неподобающим образом, встретить новоприбывшего враждебно; ему нужно было также найти место в ладье и заручиться помощью богов и сил тех мест, по которым он желал странствовать, если он хотел благополучно достигнуть того места, где желал быть. «Книга мертвых» снабжала его всеми текстами и формулами, которые ему следовало прочесть, чтобы этого добиться; но если содержавшиеся в них слова не были произнесены надлежащим образом и сказаны надлежащим тоном голоса, они не оказывали никакого действия на силы подземного мира. Выражение *маа херу* лишь очень редко прилагается к живым, а обычно — к мертвым, и в самом деле, именно мертвым более всего нужна была та сила, на которую указывали эти слова. В случае Ани боги, приняв благоприятное донесение Тота об итоге взвешивания сердца Ани, называют его *маа херу*, а это равносильно тому, чтобы даровать ему власть одолевать всякое противодействие, какого бы рода оно ни было и где бы он с ним

ни встретился. Отныне всякая дверь отворится по его приказу, всякий бог поспешит повиноваться, едва Ани произнесет его имя, а те, чья обязанность — доставлять небесную пищу блаженным, будут доставлять ее и ему, как только будет отдано распоряжение. Прежде чем перейти к другим предметам, любопытно отметить, что в сцене Суда выражение *маа херу* не прилагает к Ани ни он сам, ни Тот, писец богов, ни Гор, когда вводит его к Осирису; лишь боги могут сделать человека *маа херу*, и тем самым он избавляется также от Пожирательницы.

Когда Суд окончен, Гор, сын Исиды, принявший все свойства своего отца Осириса, берет Ани своей правой рукой за левую руку и подводит его к святилищу, в котором восседает бог Осирис. На боге белый венец с перьями, а в руках он держит скипетр, посох и бич, или цеп, знаменующие власть и владычество. Трон его — гробница, на боку которой видны нарисованные запертые на засов двери и карниз из уреев. На затылке у него висит *менат*, символ радости и счастья; по правую руку от него стоит Нефтида, по левую — Исида. Перед ним на цветке лотоса стоят четыре сына Гора — Места, Хапи, Туамутеф и Кебхсеннуф, которые ведали внутренностями умерших и охраняли их; тут же рядом висит бычья шкура, с которой, по-видимому, были связаны магические представления. Верх святилища, где сидит бог, увенчан уреями с дисками на головах, и так же украшен карниз. В некоторых папирусах бог изображен стоящим в святилище, иногда вместе с богинями Исидой и Нефтидой, иногда без них. В папирусе Хунефера мы находим весьма любопытный вариант этой части сцены: трон Осириса стоит на воде или в воде. Это напоминает нам место из главы CXXVI «Книги мертвых», где бог Тот говорит умершему: «Кто тот, чья кровля — огонь, чьи стены — живые уреи, а пол дома — поток текучей воды? Кто он, говорю я?»

Умерший отвечает: «Это Осирис», — и бог говорит: «Подойди же, ибо поистине ты будешь упомянут [пред ним]».



Гор, сын Исиды, вводит писца Ани пред лицо Осириса, бога и судии мертвых; перед святилищем бога Ани преклоняет колени в поклонении и подносит дары.

Введя Ани, Гор обратился к Осирису со словами:

> «Я пришел к тебе, о Унн-нефер, и привел к тебе Осириса Ани. Сердце его найдено праведным, и оно вышло с Весов; оно не согрешило ни против какого бога и ни против какой богини. Тот взвесил его согласно велению, которое изрек ему сонм богов, и оно весьма истинно и право. Даруй ему хлебы и пиво; и пусть войдет он пред лицо твое; и да будет он подобен последователям Гора навеки!»

После этого обращения Ани, преклонив колени у столов с приношениями — плодами, цветами и прочим, что он принес Осирису, — говорит:

> «О Владыка Аментет, я пред лицом твоим. Нет во мне греха, я не лгал заведомо и ничего не творил с лживым сердцем. Даруй мне быть подобным тем избранникам, что окружают тебя, и быть Осирисом, весьма отмеченным милостью прекрасного бога и

возлюбленным Владыкою мира, — [мне,] царскому писцу Маат, любящему его, Ани, торжествующему пред Осирисом»[8].

[8] Или «правому голосом в отношении Осириса», то есть Ани обращается со своим прошением, и Осирис должен выслушать его и ответить, потому что тот произнес верные слова верным образом и верным тоном голоса.

Так мы подходим к концу сцены взвешивания сердца.

Человеку, благополучно прошедшему через это испытание, предстоит теперь встретиться с богами подземного мира, и «Книга мертвых» дает ему слова, которые «сердце праведное и безгрешное» должно им сказать. Один из самых полных и верных текстов «речи умершего, когда он выходит правым голосом из Чертога богинь Маати», находится в папирусе Ну; в нем умерший говорит:

«Поклон вам, о боги, обитающие в Чертоге богинь Маати! Я, именно я, знаю вас и знаю ваши имена. Да не паду я под ваши ножи заклания, и не доносите о моем нечестии богу, в чьей свите вы пребываете; и да не придет на меня через вас злая участь. О, объявите меня правым голосом пред Неб-ер-чером, ибо я творил то, что право и истинно, в Та-мера (то есть в Египте). Я не хулил Бога, а потому да не придет на меня злая участь через Царя, пребывающего во дне своем.

Поклон вам, о боги, обитающие в Чертоге богинь Маати, вы, в телах которых нет зла, которые живете правом и истиной и питаетесь правом и истиной пред лицом бога Гора, пребывающего в своем божественном Диске! Избавьте меня от бога Бабы[9], который питается внутренностями могучих в день великого счета. О, дайте мне прийти к вам, ибо я не совершал проступков, я не грешил, я не творил зла, я не лжесвидетельствовал; а потому да не сотворится со мною ничего [худого]. Я живу правом и истиной, и я питаюсь правом и истиной. Я исполнял заповеди людей [так

же, как и] то, чем довольны боги; я умиротворил Бога [по отношению к себе, исполняя] то, что есть его воля. Я давал хлеб голодному, и воду жаждущему, и одежду нагому, и ладью [потерпевшему крушение] корабельщику. Я приносил святые жертвы богам и погребальные трапезы блаженным умершим. Будьте же моими избавителями, будьте же моими защитниками и не обвиняйте меня пред лицом [Осириса]. Я чист устами и чист руками; а потому пусть скажут мне те, кто увидит меня: „Приди с миром, приди с миром“. Я слышал могучее слово, которое духовные тела изрекли Коту[10] в доме Хапт-ре. Я свидетельствовал пред Хра-ф-ха-фом, и он вынес [свое] решение. Я видел то, что осеняет своими ветвями дерево персея в Ре-стау. Я тот, кто возносил молитвы богам и знает их лица. Я пришел и выступил вперед, чтобы возгласить право и истину и поставить Весы на то, что держит их, в области Аукерт.

Привет тебе, вознесенный на своем древке (то есть Осирис), владыка венца „Атефу“, чье имя возглашено как „Владыка ветров“! Избавь меня от твоих божественных вестников, которые творят страшные дела, и вызывают к бытию бедствия, и не имеют покровов на лицах своих, ибо я творил то, что право и истинно, для Владыки права и истины. Я очистил себя и грудь свою возлияниями, а заднюю часть свою — тем, что делает чистым, и внутренности мои были [омыты] в Озере Права и Истины. Нет ни одного члена моего, которому недоставало бы права и истины. Я очистился в Озере Юга и отдыхал в Городе Севера, что в Поле Кузнечиков, где божественные корабельщики Ра омываются во второй час ночи и в третий час дня; и сердца богов довольны, когда они пройдут через него, будь то ночью, будь то днем. И я желал бы, чтобы мне сказали: „Подойди“, и „Кто ты?“, и „Как имя твое?“. Вот слова, которые я желал бы услышать от богов. [Тогда я ответил бы:] „Имя мое — Снабженный цветами и Обитатель своей маслины“. Тогда пусть тотчас скажут мне: „Проходи“, — и я прошел

бы к городу, что к северу от Маслины. „Что же ты увидишь там?“ [скажут они. И я скажу:] „Голень и Бедро“. „Что ты скажешь им?“ [скажут они.] „Дайте мне увидеть ликование в земле Фенху“ [отвечу я]. „Что дадут они тебе?“ [скажут они]. „Огненное пламя и хрустальную табличку“ [отвечу я]. „Что ты сделаешь с ними?“ [скажут они]. „Похороню их у борозды Маат как Вещи для ночи“ [отвечу я]. „Что найдешь ты у борозды Маат?“ [скажут они]. „Скипетр из кремня, именуемый Дающим воздух“ [отвечу я]. „Что ты сделаешь с огненным пламенем и хрустальной табличкой, после того как похоронишь их?“ [скажут они]. „Я прочту над ними слова в борозде. Я погашу огонь, разобью табличку и сделаю водоем“ [отвечу я]. Тогда пусть скажут мне боги: „Приди и войди в дверь этого Чертога богинь Маати, ибо ты знаешь нас“».

[9] Первородный сын Осириса.

[10] То есть Ра как убийца змея тьмы, которому он отсекает голову ножом (см. выше). Обычное чтение: «которое Осел изрек Коту»; Осел — это Осирис, а Кот — Ра.

За этими примечательными молитвами следует разговор между каждой частью Чертога Маати и умершим; он гласит так:

Засовы дверей. «Мы не дадим тебе войти через нас, если ты не назовешь наших имен».

Умерший. «„Язык места Права и Истины“ — ваше имя».

Правый косяк. «Я не дам тебе войти мимо меня, если ты не назовешь моего имени».

Умерший. «„Чаша весов поднимающего право и истину“ — твое имя».

Левый косяк. «Я не дам тебе войти мимо меня, если ты не назовешь моего имени».

Умерший. «„Чаша весов вина“ — твое имя».

Порог. «Я не дам тебе переступить через меня, если ты не назовешь моего имени».

Умерший. «„Бык бога Себа“ — твое имя».

Щеколда. «Я не отворюсь тебе, если ты не назовешь моего имени».

Умерший. «„Голенная кость матери его“ — твое имя».

Гнездо засова. «Я не отворюсь тебе, если ты не назовешь моего имени».

Умерший. «„Живое Око Себека, владыки Бахау“ — твое имя».

Привратник. «Я не отворю тебе, если ты не назовешь моего имени».

Умерший. «„Локоть бога Шу, когда он становится на защиту Осириса“ — твое имя».

Боковые косяки. «Мы не дадим тебе пройти мимо нас, если ты не назовешь наших имен».

Умерший. «„Дети богинь-уреев“ — ваше имя».

«Ты знаешь нас; проходи же мимо нас» [говорят они].

Пол. «Я не дам тебе ступить на меня, ибо я безмолвен и свят и ибо я не знаю имен твоих ног, которыми ты хотел бы ступать по мне; итак, назови их мне».

Умерший. «„Путник бога Хаса“ — имя моей правой ноги, а „Посох богини Хатхор“ — имя моей левой ноги».

«Ты знаешь меня; проходи же по мне» [говорит он].

Страж дверей. «Я не приму твоего имени, если ты не назовешь моего имени».

Умерший. «„Различающий сердца и испытующий утробы“ — твое имя».

Страж дверей. «Кто тот бог, что пребывает в своем часе? Назови его имя».

Умерший. «„Маау-Тауи“ — его имя».

Страж дверей. «А кто такой Маау-Тауи?»

Умерший. «Это Тот».

Тот. «Приди! Но зачем ты пришел?»

Умерший. «Я пришел и стремлюсь вперед, чтобы имя мое было упомянуто».

Тот. «В каком ты состоянии?»

Умерший. «Я очищен от худого и защищен от гибельных дел тех, кто живет в своих днях; и я не из их числа».

Тот. «Теперь я упомяну имя твое [пред богом]. Но кто тот, чья кровля — огонь, чьи стены — живые уреи, а пол дома — поток воды? Кто он, говорю я?»

Умерший. «Это Осирис».

Тот. «Подойди же; поистине, имя твое будет упомянуто пред ним. Хлебы твои [придут] от Ока Ра, и пиво твое [придет] от Ока Ра, и погребальные трапезы твои на земле [придут] от Ока Ра».

Этими словами заканчивается глава CXXV. Мы видели, как умерший прошел через испытание Суда и как писцы снабдили его гимнами и молитвами, а также словами исповеди, чтобы облегчить ему путь через грозный Чертог богинь Маати. К сожалению, ответ, который, как можно предположить, бог Осирис дал своему сыну Гору относительно умершего, не записан; но нет сомнения, что египтянин считал этот ответ благоприятным для себя и полагал, что ему будет дозволено войти в любую часть подземного мира и вкусить все те радости, которыми наслаждались блаженные под властью Ра и Осириса.

ГЛАВА V

ВОСКРЕСЕНИЕ И БЕССМЕРТИЕ

✦

Когда читаешь письменность древних египтян, одно из первых, что бросается в глаза, — как часто в ней говорится о загробной жизни или о том, что к ней относится. Сочинители различных религиозных и иных трудов, принадлежащих всем эпохам египетской истории и дошедших до нас, повсюду молчаливо исходят из того, что все, кто однажды жил в этом мире, «обновили» свою жизнь в мире, лежащем за гробом, что они живут там и поныне и будут жить, доколе не прекратится время. Вера египтян в существование Всемогущего Бога стара, так стара, что начала ее приходится искать в додинастических временах; но вера в загробную жизнь много старше, и начала ее должны быть по меньшей мере так же древни, как древнейшие человеческие останки, найденные в Египте. Пытаться измерить годами давность той поры, когда эти останки были преданы земле, бесполезно, ибо никакая дата, которую им можно было бы приписать, скорее всего, не окажется верной даже приблизительно: они с тем же успехом могут относиться к 12 000 году до н. э., как и к 8000 году. В одном, однако, мы можем быть совершенно уверены, а именно в том, что на древнейших человеческих останках, найденных в Египте, видны следы битума; а это доказывает, что египтяне в самом начале своего пребывания

в долине Нила уже пытались сохранять своих умерших посредством бальзамирования[1]. Если они, как думают многие, были пришельцами, проложившими себе путь через Аравию, Красное море и восточную пустыню Нила, то могли принести с собой и саму мысль, и обычай сохранять умерших; а могли и перенять в измененном виде какой-нибудь обряд, бытовавший у коренных жителей, которых они застали, придя в Египет. Так или иначе, несомненно, что они старались сохранить умерших с помощью веществ, останавливающих тление, и до известной степени эта попытка им удалась.

[1] См.: Ж. де Морган, «Доисторическая этнография», Париж, 1897, с. 139.

О существовании доисторических обитателей Египта мы узнали в последние годы благодаря ряду удачных раскопок, которые провели в Верхнем Египте по обоим берегам Нила несколько европейских и местных исследователей; и одним из самых поразительных итогов стало открытие трех различных родов погребений, несомненно принадлежащих трем различным эпохам, — в этом можно убедиться, рассмотрев разнообразные предметы, найденные в ранних могилах Накады и других доисторических мест того же возраста и того же типа. В древнейших могилах скелет лежит на левом боку с согнутыми конечностями: колени подтянуты к груди, а кисти рук положены перед лицом. Обычно голова обращена к югу, но никакого неизменного правила относительно ее «ориентации», по-видимому, не соблюдали. Прежде чем опустить тело в землю, его либо заворачивали в шкуру газели, либо клали на подстилку из рыхлой травы; во что именно обертывали тело, зависело, вероятно, от общественного положения умершего. В погребениях этого рода нет ни следов бальзамирования, ни следов сожжения

или отделения плоти от костей. В могилах следующей по древности поры тела оказываются целиком или частично очищенными от плоти; в первом случае все кости брошены в могилу вперемешку, во втором кости кистей рук и ступней сложены вместе, а остальной скелет разбросан в диком беспорядке. Могилы этой поры обращены либо на север, либо на юг, и у тел, лежащих в них, голова обычно отделена от туловища; иногда видно, что тела «разнимали по суставам», чтобы они занимали меньше места. Порой тела лежат на спине, а руки и ноги сложены поверх них; в таком случае они покрыты глиняной оболочкой. В некоторых могилах ясно видно, что тело было сожжено. И вот во всех родах гробниц, относящихся к доисторической поре Египта, мы находим приношения в сосудах и кувшинах разного вида — а это вне всякого сомнения доказывает, что люди, устраивавшие эти могилы, верили: их умершие друзья и родные снова будут жить в каком-то месте, о местонахождении которого они, вероятно, имели весьма смутное понятие, и жизнью, по всей видимости, не так уж непохожей на ту, какой они жили на земле. Кремневые орудия, ножи, скребки и тому подобное указывают, что, по их мысли, умершие будут охотиться и добивать сраженную добычу, а также биться с врагами; а сланцевые предметы, найденные в могилах, в которых г-н де Морган видит амулеты, показывают, что уже в те ранние дни человек верил, будто может оградить себя талисманами от власти сверхъестественных и невидимых врагов. Тот, кто будет охотиться и сражаться в ином мире, должен жить снова; а если он будет жить снова, то либо в прежнем своем теле, либо в новом; если же в прежнем, то оно должно быть оживлено. Но раз уж новая жизнь была однажды вымышлена, и, вероятно, в новом теле, то вторая смерть, как надеялся доисторический египтянин, лежала уже за

пределами возможного. Здесь, стало быть, и берут начало великие идеи воскресения и бессмертия.

Есть все основания думать, что доисторический египтянин рассчитывал есть, и пить, и жить в удовольствиях в той области, где, как он воображал, находится его небо; и почти нет сомнения, что тело, в котором он будет там жить, представлялось ему не слишком отличным от того тела, какое было у него на земле. На этой ступени его представления о сверхъестественном и о загробной жизни были, должно быть, такими же, как у любого человека того же племени, стоящего на той же ступени цивилизации; но во всех отношениях он разительно отличался от египтянина, жившего, скажем, во времена Мены, первого исторического царя Египта, чье правление для удобства относят к 4400 году до н. э. Промежуток между тем временем, когда доисторические египтяне устраивали описанные выше могилы, и царствованием Мены должен был быть весьма значительным, и мы вправе полагать, что он составляет несколько тысяч лет; но какова бы ни была его длина, этого срока, как мы видим, не хватило, чтобы стереть ранние представления, передававшиеся из поколения в поколение, и даже чтобы видоизменить некоторые верования, которые, как мы теперь знаем, почти в неизменном виде дожили до самой поздней поры египетской истории. В текстах, которые редактировали жрецы Гелиополя, мы находим указания на такое положение вещей — если говорить об общественном укладе, — какое могло существовать лишь среди людей, еще стоявших на первобытной ступени. А по более поздним сочинениям, где приводятся выдержки из ранних текстов, содержащих подобные указания, мы видим, что места с предосудительными намеками либо вовсе опущены, либо изменены. Мы знаем наверное, что образованные люди

гелиопольской жреческой коллегии никак не могли предаваться тем излишествам, какими будто бы наслаждаются умершие цари, для которых они составляли погребальные тексты; и упоминание о том безымянном надругательстве, которому египтянин первобытной поры подвергал побежденного врага, могло остаться в этих текстах лишь благодаря благоговению самих жрецов перед написанным словом.

Попутно нужно заметить, что религиозные представления людей, которых хоронили, не отсекая членов, не снимая плоти с тела и не сжигая, должны были отличаться от представлений тех, кто проделывал все это с умершими. Первых клали в могилу в положении младенца в утробе, и, быть может, мы вправе видеть в этом обычае знак надежды, что, как дитя из этого положения рождается на свет, так и умерший родится к жизни в мире за гробом; а присутствие амулетов, назначение которых состояло в защите тела, как будто указывает, что эти люди ожидали восстания самого тела. Вторые же, увеча тела и сжигая умерших, по-видимому, показывают, что у них не было надежды снова жить в своих природных телах; а насколько близко они подошли к понятию о воскресении тела духовного, мы, вероятно, никогда не узнаем. Дойдя до IV династии, мы видим, что обычай увечить или сжигать тело не только не распространен, но что каждый текст исходит из того, что тело надлежит хоронить целым; это говорит о том, что от обычая увечья или сожжения отказались, хотя он, должно быть, держался довольно долгое время. Этому-то отказу мы, вероятно, и обязаны такими местами, как: «О плоть Пепи, не сгнивай, не истлевай, не смерди»; «Пепи выходит со своею плотью»; «кости твои не будут сокрушены, и плоть твоя не погибнет»[2] и т. д.; и они знаменуют возврат к взглядам и обычаям древнейших людей, какие нам известны в Египте.

[2] См. «Сборник трудов», т. V, с. 55, 185 (строки 169, 347, 353).

За время, прошедшее между эпохой доисторических погребений и IV династией, египтянин выработал определенные учения о составных частях своего собственного существа, и нам нужно вкратце рассмотреть их, прежде чем мы сможем описать, в каком виде, по его вере, восставали умершие. Физическое тело человека называлось *хат* — словом, обозначающим нечто такое, чему присуще тление; именно оно погребалось в гробнице после бальзамирования, и уберечь его от всякого рода разрушения было целью всех амулетов, магических обрядов, молитв и формул с древнейших времен до самых поздних. Даже бог Осирис обладал таким телом, и различные его члены хранились как святыни в нескольких святилищах Египта. С телом каким-то примечательным образом было связано *ка*, или «двойник», человека; его можно определить как отвлеченную индивидуальность, или личность, наделенную всеми присущими человеку свойствами, и оно обладало совершенно независимым существованием. Оно могло по своей воле переходить с места на место на земле, могло входить на небо и беседовать с богами. Приношения, которые во все времена совершались в гробницах, предназначались для питания ка, и считалось, что оно способно есть, пить и наслаждаться благоуханием курений. В древнейшие времена определенная часть гробницы отводилась для ка, и религиозный устав той эпохи предписывал, чтобы особый разряд жрецов в назначенные сроки совершал обряды и читал молитвы на благо ка в молельне ка; этих людей называли «жрецами ка». В ту пору, когда строились пирамиды, твердо верили, что умерший в некоем образе может очиститься, и сесть, и есть хлеб вместе со своим ка «непрестанно и вовеки»; а ка, которому не доставало пищи в виде приношений хлеба, лепешек, цветов, плодов, вина,

пива и тому подобного, грозила серьезная опасность умереть с голоду.

Душа называлась *ба*, и представления египтян о ней довольно трудно согласовать между собой; значение этого слова, по-видимому, близко к «возвышенный», «благородный», «могучий». Ба обитала в ка и, кажется, могла по своей воле становиться то телесной, то бестелесной; у нее были и вещество, и форма, и ее часто изображают на папирусах и памятниках в виде ястреба с человеческой головой; по природе же и веществу своему она, как говорится в текстах, эфирна. Она могла покидать гробницу и подниматься на небо, где, как верили, наслаждалась вечным бытием во славе; однако она могла навещать — и навещала — тело в гробнице, и из некоторых текстов явствует, что она могла вновь оживлять его и беседовать с ним. Подобно сердцу, *аб*, она в некоторых отношениях была средоточием жизни в человеке. Души блаженных умерших обитали на небе с богами и вовеки вкушали все небесные радости.

Духовный разум, или дух, человека назывался *ху*; он, по-видимому, принимал вид сияющего, светоносного, неосязаемого образа тела; ху составляли разряд небесных существ, живших с богами, но каково было их назначение, неясно. Ху, подобно ка, могло оказаться заточенным в гробнице, и, чтобы предотвратить такую беду, составлялись и в должное время читались особые формулы. Кроме ху, на небо уходила еще одна очень важная часть существа человека, а именно его *сехем*. Буквально это слово означает «иметь власть над чем-либо», а в ранних текстах — то, что позволяет иметь власть над чем-либо, то есть «силу». Сехем человека был, по-видимому, его олицетворенной жизненной силой, или крепостью, и египтяне верили, что при известных условиях он мог последовать — и следовал — за своим

обладателем с земли на небо. Еще одной частью человека была *хаибит*, или «тень», о которой часто упоминают в связи с душой и которая в поздние времена всегда мыслилась находящейся близ нее. Наконец, можно упомянуть *рен*, или «имя», человека как одну из важнейших его составных частей. Египтяне, как и все восточные народы, придавали величайшее значение сохранению имени, и тот, кто добивался, чтобы имя человека было изглажено, считался погубившим и самого человека. Подобно ка, имя составляло часть самой сокровенной сущности человека, и нетрудно понять, почему ему стали придавать такую важность: безымянное существо нельзя было представить богам, и, поскольку ни одна сотворенная вещь не существует без имени, человек, лишенный имени, оказывался перед божественными силами в худшем положении, чем самый ничтожный неодушевленный предмет. Увековечить имя отца было долгом доброго сына, а содержать гробницы умерших в исправности, чтобы всякий мог прочесть имена погребенных в них, считалось делом весьма похвальным. С другой стороны, если умерший знал имена божественных существ, будь то друзья или враги, и мог их произнести, он тотчас получал над ними власть и мог заставить их исполнять свою волю.

Мы видели, что существо человека состояло из тела, двойника, души, сердца, духовного разума, или духа, силы, тени и имени. Эти восемь частей можно свести к трем, если оставить в стороне двойника, сердце, силу, тень и имя как представления, порожденные египтянином в ту пору, когда он медленно поднимался по ступеням цивилизации, и как особое достояние его племени; тогда мы можем сказать, что человек состоял из тела, души и духа. Но все ли три восставали и жили в мире за гробом? Египетские тексты отвечают на этот вопрос определенно: душа и

дух праведного уходили из тела и жили на небе с блаженными и с богами; физическое же тело не восставало и, как верили, никогда не покидало гробницы. Были в Египте, без сомнения, простые люди, которые верили в воскресение тленного тела и воображали, что новая жизнь будет в конце концов чем-то весьма похожим на продолжение той, какой они жили в этом мире; но египтянин, следовавший учению своих священных писаний, знал, что такие верования несогласны со взглядами жрецов и образованных людей вообще. Уже при V династии, около 3400 года до н. э., определенно сказано:

«Душа — небу, тело — земле»[3];

а три тысячи лет спустя египетский писатель утверждал то же самое, только другими словами, когда написал[4]:

«Небо владеет душою твоей, а земля — телом твоим».

[3] «Сборник трудов», т. IV, с. 71 (строка 582).

[4] Оррак, «Плач Исиды», Париж, 1866, с. 6.

Египтянин, среди прочего, надеялся плыть по небу в ладье Ра, но хорошо знал, что в смертном теле сделать этого не сможет; он твердо верил, что будет жить миллионы лет, но, имея перед глазами опыт рода человеческого, знал, что и это невозможно, если тело, в котором ему предстоит жить, будет тем самым, в котором он жил на земле. Поначалу он думал, что его физическое тело может, подобно солнцу, «обновляться ежедневно» и что его новая жизнь будет похожа на жизнь солнца — того образа бога Солнца Ра, с которым он стремился себя отождествить. Позднее, однако, опыт научил его, что и самое искусно набальзамированное тело порой погибает — то от сырости, то от

сухой гнили, то от тления в том или ином виде, — и что одного бальзамирования недостаточно, чтобы обеспечить воскресение или достижение загробной жизни; короче говоря, он понял, что никакими человеческими средствами нельзя сделать нетленным то, что тленно по природе, ибо даже животные, в которых воплощались сами боги, болели и умирали в свой срок. Трудно сказать, почему египтяне продолжали бальзамировать умерших, если есть веские основания полагать, что они не ожидали воскресения физического тела. Быть может, они считали сохранение тела необходимым для благополучия ка, или «двойника», и для того, чтобы из него развилось новое тело; возможно и то, что обычай держался просто в силу крайней приверженности к старине. Но какова бы ни была причина, египтянин никогда не переставал принимать все возможные меры, чтобы сохранить мертвое тело в целости, а помощи в своей беде искал из другого источника.

Читатель помнит, что Исида, найдя мертвое тело своего мужа Осириса, тотчас принялась его оберегать. Она прогнала врагов и обратила в ничто беду, постигшую его. Чтобы достичь этого, «она укрепила речь свою всей силою уст своих, она была совершенна языком и не запиналась в речи своей», и произнесла ряд слов, или формул, которыми снабдил ее Тот; так ей удалось «пробудить бездействие Неподвижного Сердцем» и исполнить в отношении него свое желание. Ее вопли, внушенные любовью и горем, не подействовали бы на мертвое тело, если бы их не сопровождали слова Тота, которые она произносила с дерзновением (*ху*), с разумением (*акер*) и без ошибки в произношении (*ан-ух*). Египтянин древности держал это в памяти и решил добиваться воскресения своих друзей и родных теми же средствами, какими пользовалась Исида, то есть формулами Тота; с этой целью

каждому умершему давали ряд текстов, написанных на его гробе или на папирусах и амулетах, которые должны были действовать так же, как слова Тота, произнесенные Исидой. Но и на родных умершего лежала в этом деле своя обязанность: позаботиться о чтении определенных молитв и о совершении над мертвым телом ряда символических обрядов, прежде чем оно будет окончательно положено на покой в гробнице. Надлежало принести жертву, и умерший, его друзья и родные присутствовали при ней, и каждый обряд сопровождался положенными ему молитвами; когда все было сделано и сказано согласно установлениям жрецов, тело относили на его место в погребальную камеру. Слова же Тота и молитвы жрецов заставляли тело превратиться в *саху*, то есть в нетленное, духовное тело, которое тотчас выходило из гробницы и направлялось на небо, где и пребывало с богами. Когда в «Книге мертвых» умерший говорит: «Я есмь, я есмь; я живу, я живу; я прорастаю, я прорастаю»[5], и еще: «Я прорастаю, как растения»[6], — он не хочет сказать, что его физическое тело пускает ростки другого тела, подобного прежнему; он говорит о теле духовном, которое «не имеет изъяна и, подобно Ра, вовеки не умалится». В саху переходила душа, жившая в теле человека на земле, и похоже, что новое, нетленное тело служило душе жилищем на небе так же, как физическое тело было ее земным обиталищем. Отсюда понятно, почему египтяне продолжали бальзамировать умерших: они делали это не в убеждении, что их физические тела восстанут, а потому, что желали, чтобы из них «проросло», или «произросло», духовное тело и чтобы оно по возможности — по крайней мере, так кажется — имело облик физического тела. Так, по учению египтян, восставали мертвые, и в таком теле приходили они.

[5] См. главу CLIV.

[6] См. главу LXXXVIII, 3.

Из сказанного выше видно, что нет никаких оснований сомневаться в древности египетской веры в воскресение мертвых и в бессмертие, и общие свидетельства, почерпнутые как из археологии, так и из религиозных текстов, подкрепляют этот взгляд. Но так же стара, как эта вера вообще, и особая вера в духовное тело (*сах*, или *саху*): ведь мы находим ее в текстах V династии слитой воедино с представлениями, принадлежащими доисторическому египтянину на его первобытной ступени. Одна примечательная выдержка это докажет. В погребальных главах, начертанных на стенах покоев и переходов внутри пирамиды царя Унаса, правившего в конце V династии, около 3300 года до н. э., есть место, где умерший царь устрашает все силы неба и земли, потому что он «восходит как душа (*ба*) в образе бога, который живет отцами своими и питается матерями своими. Унас — владыка мудрости, и мать его не знает имени его. Он стал могуч, подобно богу Тему, отцу, родившему его, а после того как Тему родил его, он стал сильнее отца своего». Царь уподоблен Быку, и он питается всяким богом, в каком бы образе тот ни являлся; «он взвешивал слова с богом, чье имя сокрыто», и он пожирает людей и живет богами. Далее сказано, что умерший царь выходит охотиться на богов на их лугах и, поймав их арканами, велит их заколоть. Затем их варят в пылающих котлах: самых великих — к его утренней трапезе, меньших — к вечерней, а самых малых — к полуночной; старые же боги и богини идут на топливо под его котлы. Так, поглотив магические силы и духов богов, он становится Великой Силой из Сил среди богов и величайшим из богов, являющихся в зримых образах. «Все, что находил он на пути своем, он поглотил, и сила его больше силы любого духовного тела (*саху*) на горизонте; он первенец всех первенцев, и… он унес

сердца богов… Он съел мудрость всякого бога, и срок бытия его вечен, и жизнь его продлится во всю вечность… ибо души и духи богов в нем».

Совершенно ясно, что в этом месте мы имеем намек на обычай первобытных племен всех народов и эпох поедать части тел доблестных врагов, побежденных ими на войне, чтобы усвоить их доблесть и силу; тот же обычай в иных местах соблюдали и в отношении животных. Что до богов, то умерший здесь жаждет единственного особого их свойства, а именно вечной жизни; и, поглотив их души и духов, он, как сказано, обретает все, что ставит его выше всякого иного духовного тела по силе и долголетию. «Магические силы» (*хека*), которые царь, как говорится, тоже «съел», — это слова и формулы, произнесение которых им, в каких бы обстоятельствах он ни оказался, заставит всякое существо, дружественное или враждебное, исполнять его волю. Но и помимо всякого вопроса об избиении богов египтяне говорили об этом самом царе: «Вот, ты ушел не как мертвый, но как живой, чтобы воссесть на престол Осириса»[7]; а в папирусе, написанном почти двумя тысячами лет позже, сам умерший говорит: «Душа моя — Бог, душа моя — вечность»[8], — явное доказательство того, что представления о бытии Бога и о вечности совпадали. Стоит привести еще один пример, хотя бы для того, чтобы показать, как старались сочинители религиозных текстов внушить читателям мысль о бессмертии души. Согласно главе CLXXV «Книги мертвых», умерший оказывается в месте, где нет ни воды, ни воздуха и где «глубина неизмерима, черно, как в чернейшую ночь, и люди блуждают там беспомощно. Там человеку не жить в покое сердца, и не утолить там желаний любви. Но, — говорит умерший богу Тоту, — да будет мне дано состояние духов вместо воды, и воздуха, и утоления желаний

любви, и да будет мне дан покой сердца вместо лепешек и пива. Бог Тему повелел, чтобы я увидел лик твой и чтобы не страдал я от того, что причиняло боль тебе. Да передаст тебе [о Осирис] всякий бог свой престол на миллионы лет! Престол твой перешел к сыну твоему Гору, и бог Тему повелел, чтобы путь его пролегал среди святых князей. Воистину, он будет править на престоле твоем и будет наследником престола Обитающего в Озере Двух Огней. Воистину, повелено, чтобы во мне он увидел подобие свое[9] и чтобы лицо мое смотрело на лицо владыки Тема». Произнеся эти слова, умерший спрашивает Тота: «Сколько мне еще жить?» — и бог отвечает: «Повелено, чтобы ты жил миллионы миллионов лет, жизнью в миллионы лет». Чтобы придать словам больше выразительности и силы, бог говорит, повторяясь, так что даже самый неграмотный человек не упустит их смысла. Немного дальше в той же главе умерший говорит: «О отец мой Осирис, ты сделал для меня то, что отец твой Ра сделал для тебя. Так пребуду я на земле прочно, я удержу за собой место мое; наследник мой будет крепок; гробница моя и друзья мои, что на земле, будут процветать; враги мои будут преданы истреблению и оковам богини Серк. Я сын твой, и Ра — отец мой; и для меня также ты сотворишь жизнь, и силу, и здравие!» Любопытно отметить, что умерший сначала отождествляет Осириса с Ра, а затем отождествляет себя с Осирисом; тем самым он отождествляет себя с Ра.

[7] «Сборник трудов», т. V, с. 167 (строка 65).

[8] Папирус Ани, табл. 28, строка 15 (глава LXXXIV).

[9] То есть: я буду подобен Гору, сыну Осириса.

Говоря о воскресении и бессмертии, нужно упомянуть и о частых указаниях в религиозных текстах всех эпох на пищу и питье,

которыми жили существа, пребывавшие, как верили, в мире за гробом. В доисторические дни было вполне естественно, что друзья умершего клали пищу в его могилу, ибо думали, что она понадобится ему в пути в иной мир; этот обычай к тому же предполагал, что у умершего будет тело, подобное тому, какое он оставил в этом мире, и что оно будет нуждаться в пище и питье. При V династии египтяне верили, что блаженные умершие питаются небесной пищей и не терпят ни голода, ни жажды: они ели то, что ели боги, пили то, что пили боги, были тем, чем были боги, и в подобных делах становились их подобием. В другом месте мы читаем, что они облачены в белый лен и обуты в белые сандалии и что они идут к великому озеру посреди Поля Мира, на котором восседают великие боги, и боги дают им вкусить от пищи (или древа) жизни, от которой вкушают сами, чтобы и они жили. Несомненно, однако, что о пище умерших держались и иных взглядов, ибо уже при V династии сложилось представление об области, называемой Сехет-Аару, или Сехет-Аанру, куда надеялась попасть душа или по крайней мере какая-то часть благочестивого египтянина. Где находилось Сехет-Аару, мы сказать не можем, и тексты не дают нам никакой нити к его местоположению; некоторые ученые думают, что оно лежало далеко к востоку от Египта, но гораздо вероятнее, что оно соответствует какой-то области Дельты, в северной или северо-восточной ее части. К счастью, у нас есть изображение его в папирусе Небсени[10], вероятно древнейшее из сохранившихся на папирусе, и по нему мы можем видеть, что Сехет-Аару, то есть «Поле Тростника», олицетворяло некую очень плодородную землю, где можно было легко и успешно вести земледелие. Каналов и водотоков там изобилие, и в одной части, как нам говорят, обитали духи блаженных; изображение, вероятно, представляет освященный

преданием «Рай», или «Елисейские поля», и общие черты этой счастливой страны — это черты большой, хорошо ухоженной и полной всякого добра усадьбы, лежащей неподалеку от Нила или одного из главных его рукавов. В папирусе Небсени в частях Сехет-Аару изображено следующее:

[10] Британский музей, № 9900; этот документ относится к XVIII династии.

1. Небсени, писец и художник храма Птаха, с опущенными вдоль тела руками, входит на Елисейские поля.

2. Небсени возносит курения «великому сонму богов».

3. Небсени сидит в лодке и гребет; над лодкой три знака, означающие «город».

4. Небсени обращается к бородатой фигуре в облике мумии.

5. Три пруда, или озера, по имени Урти, Хетеп и Кеткет.

6. Небсени жнет в Сехет-хетепет.

7. Небсени держит птицу Бенну, сидящую на подставке; перед ним три *кау* и три *ху*.

8. Небсени сидит и нюхает цветок; надпись гласит: «Тысячи всяких благих и чистых вещей ка Небсени».

9. Жертвенный стол.

10. Четыре пруда, или озера, по имени Небт-тауи, Уаха, Ха (?) и Хетеп.

11. Небсени пашет на быках у потока длиной в тысячу [мер], ширину которого нельзя исчислить; в нем нет ни рыб, ни червей.

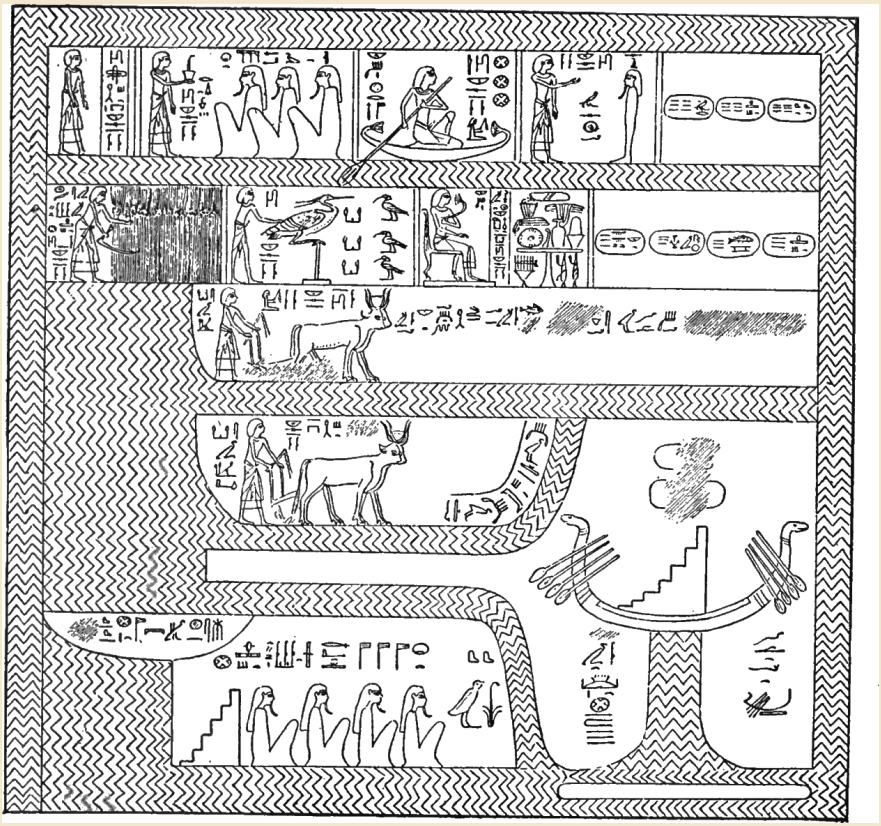
12. Небсени пашет на быках на острове, «длина которого — длина неба».

13. Участок в форме чаши, в котором написано: «Место рождения (?) бога города Кенкентет Небт».

14. Остров, на котором четыре бога и лестница; надпись гласит: «Великий сонм богов, что в Сехет-хетеп».

15. Ладья Чететфет с восемью веслами — четырьмя на носу и четырьмя на корме, — стоящая в конце канала; в ней лестница. Место, где она стоит, называется «Владение Нет».

16. Два пруда, имена которых неразборчивы.



Елисейские поля египтян по папирусу Небсени (XVIII династия).

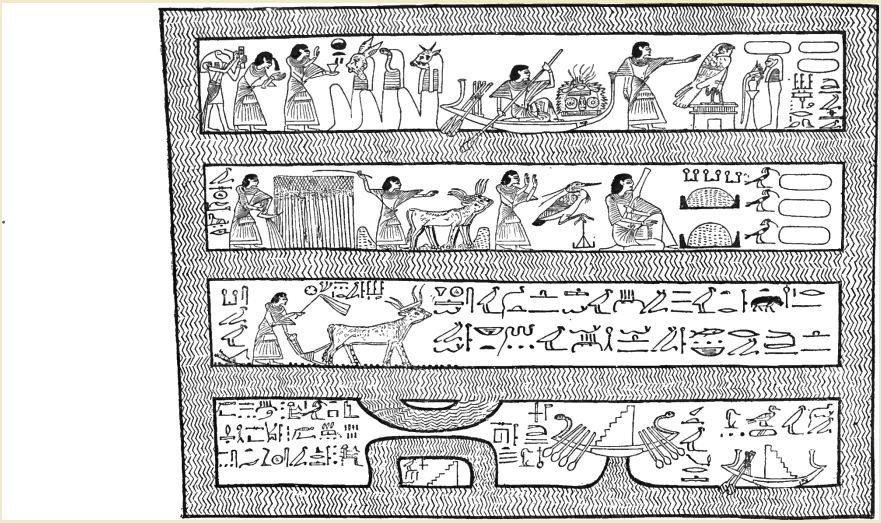
Та же сцена в папирусе Ани[1] дает несколько любопытных разночтений; описать ее можно так:

[1] Британский музей, № 10470, табл. 35.

1. Ани совершает приношение перед богом с головой зайца, богом с головой змеи и богом с головой быка; позади него стоят его жена Туту и Тот, держащий свою тростинку и палетку. Ани гребет в ладье. Ани обращается к ястребу, перед которым стоят стол с приношениями, статуя, три овала и надпись: «Пребывать в мире на Поле и иметь воздух для ноздрей».

2. Ани жнет хлеб; Ани гонит быков, которые вытаптывают зерно; Ани обращается к птице Бенну (или поклоняется ей), сидящей на подставке; Ани сидит, держа скипетр *херп*; куча красного и куча белого зерна; три *кау* и три *ху*, что, возможно, следует читать как «пища духов»; и три пруда.

3. Ани пашет поле у потока, в котором нет ни рыб, ни змей, ни червей какого бы то ни было рода.



Елисейские поля египтян по папирусу Ани (XVIII династия).

4. Место рождения «бога города»; остров, на котором стоит лестница; область, именуемая «местом духов», — духов ростом в

семь локтей; пшеница там высотой в три локтя, и жнут ее *саху*, то есть духовные тела; область Ашет, в которой обитает бог Унн-нефер (то есть одна из форм Осириса); ладья с восемью веслами, стоящая в конце канала, и ладья, плывущая по каналу. Первая ладья зовется Бехуту-чесер, а вторая — Чефау.

До сих пор мы видели, что на небе и в мире за гробом умерший встречал лишь божественные существа, да двойников, души, духов и духовные тела блаженных; но нигде не говорилось о том, что умершие могут узнавать друг друга или продолжать дружбу и родственные узы, связывавшие их на земле. В Сехет-Аару, однако, дело обстоит иначе: есть основания полагать, что там родство признавали и ему радовались. Так, в главе LII «Книги мертвых», которая была составлена из опасения, что умерший, лишенный в загробном мире подобающей пищи, будет вынужден есть нечистоты[2], и ради того, чтобы отвратить столь страшную участь, умерший говорит:

[2] Это представление — пережиток доисторических времен, когда думали, что если погребальные трапезы не оставлять через определенные промежутки времени там, где *ка*, или «двойник», умершего мог бы до них добраться, то ему придется скитаться и подбирать в пути все, что удастся найти съедобного.

> «То, что мне мерзость, то, что мне мерзость, да не съем я. То, что мне мерзость, то, что мне мерзость, — это нечистоты; да не буду я принужден есть их вместо погребальных хлебов, которые приносят *кау* (то есть „двойникам“). Да не коснутся они тела моего, да не буду я принужден держать их в руках моих, и да не буду я вынужден ступать по ним в сандалиях моих».

Тогда некое существо или существа — вероятно, боги — спрашивают его: «Чем же будешь ты жить пред лицом богов?» И он отвечает:

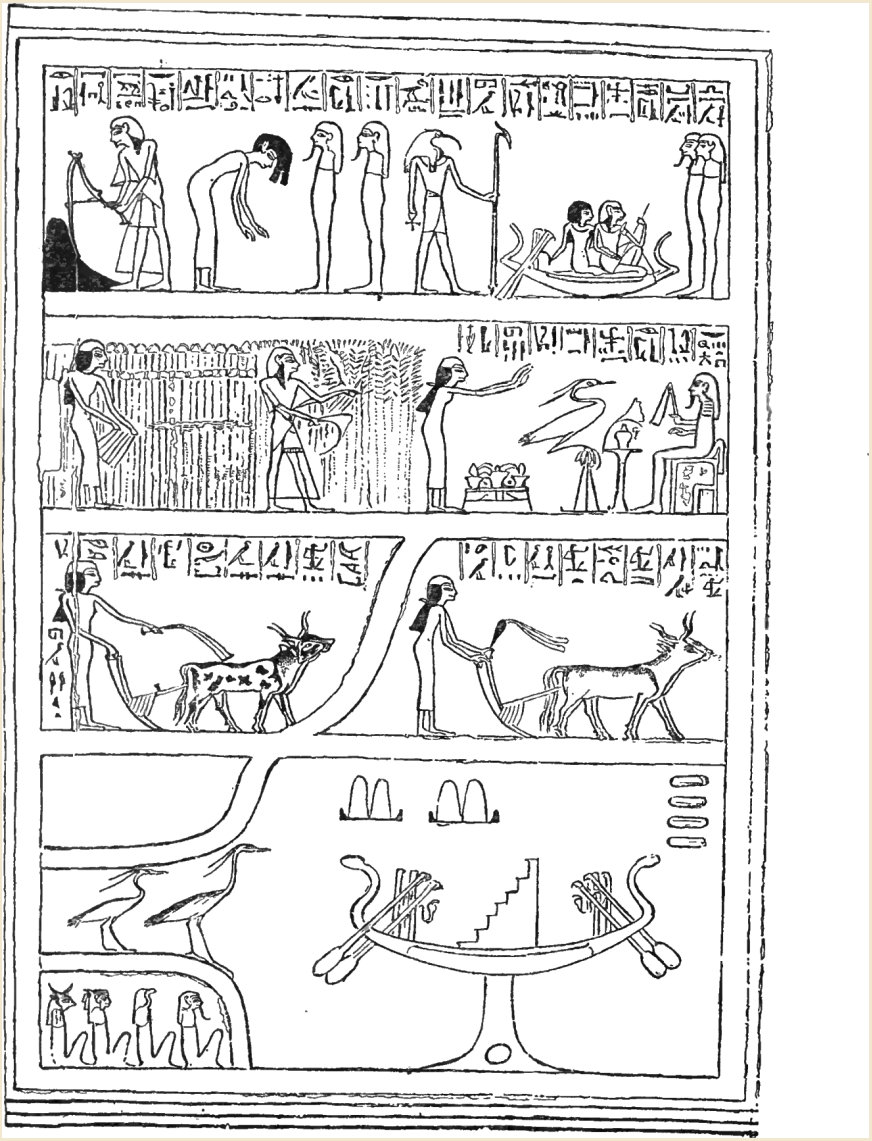
«Пусть придет ко мне пища из места пищи, и дай мне жить семью хлебами, которые будут принесены в пищу пред Гором, и хлебом, который приносят пред Тотом. И когда боги скажут мне: „Какую пищу желаешь ты получать?“ — я отвечу: „Дайте мне есть пищу мою под сикоморой владычицы моей, богини Хатхор, и да проходят дни мои среди божественных существ, опустившихся на нее. Дайте мне власть устраивать собственные поля мои в Татту (Бусирисе) и собственные посевы мои в Анну. Дайте мне жить хлебом из белого зерна, и пусть пиво мое варят из красного зерна, и да будут даны мне образы отца моего и матери моей стражами у двери моей и для устроения дома моего. Да буду я здрав и крепок, да будет у меня простор, чтобы двигаться, и да смогу я сидеть, где пожелаю“».

Эта глава очень важна: она показывает, что умерший желал, чтобы его усадьба и ее поля располагались в Татту, то есть близ столицы Бусиритского, или IX, нома Нижнего Египта — области неподалеку от города Семеннуд (Себеннит), лежащей немного южнее тридцать первой параллели. Именно здесь было воссоединено расчлененное тело Осириса, и именно здесь каждый год совершался торжественный обряд установления хребта Осириса. Изначальное Сехет-Аару, очевидно, помещали здесь, и потому мы вправе полагать, что плодородные поля этой части Дельты послужили прообразом египетских Елисейских полей. Вместе с тем умерший желал собирать урожай и на полях вокруг Гелиополя, где стояло величайшее и древнейшее святилище бога Солнца. Белое зерно, из которого он хотел печь свой хлеб, — это обыкновенная дурра, а красное — красная разновидность того же растения, которая встречается реже белой. Стражами у двери своего владения умерший просит дать ему «образы (или лица) отца своего и матери своей»; так мы видим, что египтянин желал

продолжать семейную жизнь, начатую им на земле. Само собой разумеется, он не стал бы просить об этом, если бы думал, что в ином мире у него не будет надежды узнать своих родителей. Любопытное тому доказательство дает изображение Сехет-Аару, или Елисейских полей, в папирусе Анхаи[3], жрицы Амона, жившей, вероятно, около 1000 г. до н. э. Здесь мы видим, как умершая входит в самую верхнюю часть этой области и обращается к двум божественным лицам; над одним из них написаны слова «ее мать», а за ними — имя Нефериту. Следующая фигура — вероятно, ее отец; и потому мы можем быть уверены, что египтяне верили, что встретят своих родных в ином мире, будут узнавать их и будут узнаны ими.

[3] Британский музей, № 10472.

К изображению Елисейских полей прилагается длинный текст, который составляет главу CX «Книги мертвых». Поскольку он сообщает множество сведений о том, как представляли себе эту область в древние времена, и проливает столько света на ту полуматериальную жизнь, которую благочестивые египтяне в определенную пору своей истории надеялись вести, мы приводим здесь его перевод. Он озаглавлен так: «Главы Сехет-хетепет и главы о выходе днем; о входе в загробный мир и о выходе из него; о приходе в Сехет-Аару; о пребывании в Сехет-хетепет, великой земле, владычице ветров; об обретении там власти; о том, чтобы стать там духом (*ху*); о том, чтобы жать там, есть там, пить там, любить там и делать все так, как делает человек на земле». Умерший говорит:



Елисейские поля. По папирусу Анхаи (XXII династия). Вверху — Анхаи склоняется перед отцом и матерью.

«Сет схватил Гора, который смотрел двумя очами[4] на строение (?) вокруг Сехет-хетеп, но я освободил Гора [и отнял его у] Сета, и Сет открыл путь двух очей, [что] на небе. Сет бросил (?) свою влагу ветрам на душу, у которой есть свой день и которая обитает в городе Мерт, и он избавил нутро тела Гора от богов Акерт.

Узри меня ныне, ибо я веду эту могучую ладью по Озеру Хетеп, и я с силою увел ее из чертога Шу; владение звезд его молодеет и обновляет силу, какая была у него в древности. Я привел ладью в озера его, чтобы выйти мне к городам его, и я приплыл в их божественный город Хетеп. И вот это потому, что я, я сам, в мире с его временами, и с его направлением, и с его владениями, и с сонмом богов, которые суть его первенцы. Он примиряет Гора и Сета с теми, кто стережет живущих, которых он сотворил в прекрасном облике, и он приносит мир; он примиряет Гора и Сета с теми, кто стережет их. Он срезает волосы с Гора и Сета, он отгоняет бурю от беспомощных и отводит вред от духов (*ху*). Дай мне владычество на этом поле, ибо я знаю его, и я плавал по озерам его, чтобы прийти к городам его. Уста мои тверды[5], и я снаряжен, чтобы противостоять духам (*ху*), а потому не будет у них власти надо мною. Да буду я вознагражден полями твоими, о бог Хетеп; но твори то, что тебе угодно, о владыка ветров. Да стану я там духом, да буду я там есть, да буду я там пить, да буду я там пахать, да буду я там жать, да буду я там сражаться, да буду я там любить, да будут там слова мои могущественны; да не буду я там никогда в рабстве, но да буду я там облечен властью. Ты укрепил уста (или дверь) и гортань (?) Хетепа; Кетет-бу имя ему. Он утвержден на столпах[6] Шу и связан с отрадами Ра. Он — разделитель лет, он сокрыт устами, уста его безмолвны, то, что он изрекает, — тайна; он наполняет вечность и владеет вечным бытием как Хетеп, владыка Хетеп.

Бог Гор делает себя сильным, подобно Ястребу, который в тысячу локтей длиною и в две тысячи [локтей шириною] в жизни; при

нем его снаряжение, и он странствует и приходит туда, где желает быть престол сердца его, — в Пруды [Хетепа] и в города их. Он был рожден в родильном покое бога города, ему приносят приношения бога города, он совершает то, что подобает совершать там, и творит его соединение, и делает все, что принадлежит родильному покою божественного города. Когда он заходит в жизни, подобно хрусталю, он совершает там все, и дела, которые он творит, подобны делам, что творятся в Озере Двойного Огня, где нет никого, кто радовался бы, и где всякое зло. Бог Хетеп входит, и выходит, и отступает назад [на] том Поле, которое собирает всякие вещи для родильного покоя бога города. Когда он заходит в жизни, подобно хрусталю, он совершает там всякие дела, подобные делам, что творятся в Озере Двойного Огня, где нет никого, кто радовался бы, и где всякое зло.

Дай мне жить с богом Хетепом, одетым и не ограбленным владыками севера, и пусть владыка божественных вещей приносит мне пищу. Пусть он дает мне идти вперед, и дай мне выходить, и пусть он приносит мне туда мою силу; дай мне принять ее, и пусть снаряжение мое будет от бога Хетепа. Дай мне овладеть великим и могучим словом, которое в теле моем в этом месте, где я пребываю, ибо им я буду помнить и им буду забывать. Дай мне идти вперед путем моим, и дай мне пахать. Я в мире с богом города, и я знаю воды, и города, и номы, и озера, что в Сехет-хетеп. Я существую там, я силен там, я стал там духом (*ху*), я ем там, я сею там семена, я собираю там урожай, я пашу там, я люблю там, и я в мире там с богом Хетепом. Вот, я рассыпаю там семена, я плаваю по озерам его и иду к городам его, о божественный Хетеп. Вот, уста мои снабжены [зубами моими, что подобны] рогам; даруй же мне изобилие пищи, которой живут „двойники“ (*кау*) и духи (*ху*). Я прошел суд, который Шу творит над тем, кто знает его, а потому дай мне выйти к городам [Хетепа], и дай мне плавать по озерам его, и дай мне ходить по Сехет-хетеп.

Вот, Ра на небе, и вот, бог Хетеп — двойное приношение его. Я пришел в землю [Хетепа], я препоясал чресла мои и вышел, чтобы даны были мне дары, которые будут мне даны, и я радуюсь, и я овладел силою моею, которую бог Хетеп весьма приумножил для меня».

[4] То есть Оком Ра и Оком Гора.

[5] То есть я умею с силою произносить слова власти, которыми обладаю.

[6] То есть на четырех столпах, которые стоят по одному у каждой из четырех сторон света и поддерживают небо.

«О Унен-эм-хетеп[7], я вошел в тебя, и душа моя следует за мною, и божественная пища моя в руках моих. О Владычица двух земель[8], утверждающая слово мое, которым я помню и забываю, дай мне жить невредимым, без всякого вреда, [причиненного] мне. О даруй мне, о даруй мне радость сердца; дай мне пребывать в мире, скрепи жилы мои и мышцы мои и дай мне принимать воздух».

«О Унен-эм-хетеп, о Владычица ветров, я вошел в тебя и показал[9] [там] голову мою. Ра спит, но я бодрствую, и богиня Хаст стоит у врат неба ночью. Препятствия были поставлены предо мною, но я собрал то, что излил Ра. Я в городе моем».

«О Нут-урт[10], я вошел в тебя и исчислил жатву мою, и я иду вперед к Уаху[11]. Я Бык, облеченный в бирюзу, владыка Поля Быка, владыка божественной речи богини Септет (Сотис) в ее часы. О Уах, я вошел в тебя, я съел хлеб мой, я овладел отборными кусками мяса быков и пернатой птицы, и птицы Шу даны мне; я следую за богами и божественными „двойниками“ (*кау*)».

«О Чефет[12], я вошел в тебя. Я облекаюсь в одежды, и я оградил себя одеянием *са* Ра; и вот он на небе, и обитающие там следуют за ним, и я также следую за Ра на небе. О Унен-эм-хетеп, владычица двух земель, я вошел в тебя и погрузился в озера Чесерт; узри меня ныне, ибо всякая нечистота отошла от меня. Великий Бог растет

там, и вот я нашел [там пищу]; я ловил силками пернатую птицу и питаюсь лучшей из нее».

«О Кенкентет[13], я вошел в тебя, и я видел Осириса [отца моего], и я взирал на мать мою, и я любил. Я поймал червей и змей [что там] и избавил себя. Я знаю имя бога, который напротив богини Чесерт, у которого прямые волосы и который снабжен рогами; он жнет, а я и пашу, и жну».

«О Хаст[14], я вошел в тебя и отогнал тех, кто хотел бы прийти к бирюзовому [небу]; и я следовал за ветрами сонма богов. Великий Бог дал мне голову мою, а тот, кто приладил мне голову, — Могучий с бирюзовыми очами, то есть Ари-ен-аб-ф (то есть Тот, кто делает, что ему угодно)».

«О Усерт[15], я пришел к тебе, к дому, куда приносят мне божественную пищу».

«О Смам[16], я пришел к тебе. Сердце мое бодрствует, и я снабжен белой короной. Меня ведут в небесные области, и я даю цвести земному; и радость сердца Быку, и небесным существам, и сонму богов. Я бог, который есть Бык, владыка богов, когда он выходит из бирюзового [неба]».

«О божественный ном пшеницы и ячменя, я пришел к тебе, я выступил к тебе, и я поднял то, что следует за мною, — лучшее из возлияний сонма богов. Я привязал ладью мою в небесных озерах, я поднял шест, к которому причаливают, я произнес голосом моим предписанные слова и воздал хвалы богам, обитающим в Сехет-хетеп».

---

[7] Имя первой большой части Сехет-Аару.

---

[8] Озеро во второй части Сехет-Аару.

---

[9] Дословно — «открыл».

---

[10] Имя озера в первой части Сехет-Аару.

[11] Имя озера во второй части Сехет-Аару.

[12] Имя области в третьей части Сехет-Аару.

[13] Имя озера в первой части Сехет-Аару.

[14] Имя озера в третьей части Сехет-Аару.

[15] Имя озера в третьей части Сехет-Аару.

[16] Имя озера в третьей части Сехет-Аару.

Однако человека, который благополучно прошел Суд и достиг царства богов, ожидают и иные радости, кроме описанных выше. Ибо в ответ на длинную молитву из папируса Ани, приведенную выше, бог Ра обещает умершему следующее:

> «Ты выйдешь на небо, ты пройдешь по небесному своду, ты соединишься со звездными божествами. Хвалы будут возноситься тебе в ладье твоей, тебя будут воспевать в ладье Атет, ты узришь Ра в его святилище, ты будешь заходить вместе с его Диском день за днем, ты увидишь рыбу *ант*[17], когда она рождается в бирюзовых водах, и увидишь рыбу *абту*[17] в ее час. И будет так, что Злой падет, когда расставит сеть, чтобы погубить тебя, и суставы шеи и спины его будут изрублены. Ра [плывет] при попутном ветре, и ладья Сектет движется и приходит в гавань. Гребцы Ра ликуют, и сердце Небт-анх (то есть Исиды) радуется, ибо враг Ра повержен на землю. Ты узришь Гора на месте кормчего ладьи, и Тот и Маат будут стоять по обе стороны от него. Все боги возрадуются, когда увидят Ра, грядущего с миром, чтобы оживить сердца сияющих, и Осирис Ани, оправданный, писец божественного потомства владык Фив, будет вместе с ними».

[17] Имя мифической рыбы, плывшей у носа ладьи Ра.

Но, не довольствуясь тем, чтобы каждый день плыть в ладье Ра как одно из многих блаженных существ, умерший надеялся

превратить каждый из своих членов в бога, а когда это свершится — стать самим Ра. Так, в главе XLII «Книги мертвых»[18] умерший говорит:

[18] См. «Главы о выходе днем», с. 93.

«Волосы мои — волосы Ну.

Лицо мое — лицо Диска.

Очи мои — очи Хатхор.

Уши мои — уши Ап-уата.

Нос мой — нос Хенти-Хаса.

Губы мои — губы Анпу.

Зубы мои — зубы Серкет.

Шея моя — шея божественной богини Исиды.

Руки мои — руки Ба-неб-Татту.

Предплечья мои — предплечья Нейт, Владычицы Саиса.

Хребет мой — хребет Сути.

Фаллос мой — фаллос Осириса.

Почки мои — почки Владык Хер-аба.

Грудь моя — грудь Могучего, внушающего ужас.

Чрево мое и спина моя — чрево и спина Сехет.

Ягодицы мои — ягодицы Ока Гора.

Бедра мои и голени мои — бедра и голени Нут.

Стопы мои — стопы Птаха.

Пальцы мои и кости голеней моих — пальцы и кости голеней Живых Богов»[19].

[19] Представление об обожествлении членов человеческого тела было распространено уже при VI династии. См. «Сборник трудов», т. VIII, с. 87, 88.

И сразу же вслед за этим умерший говорит:

> «Нет в теле моем члена, который не был бы членом бога. Бог Тот ограждает тело мое целиком, и я — Ра день за днем».

Так мы видим, какими средствами, по вере египтян, смертный человек мог быть воскрешен из мертвых и достичь жизни вечной. Воскресение было той целью, ради которой произносилась каждая молитва и совершался каждый обряд; и каждый текст, и каждый амулет, и каждая формула любой эпохи были призваны помочь смертному облечься в бессмертие и жить вечно в преображенном, прославленном теле. Если помнить об этом, многие кажущиеся трудности исчезнут перед читателем египетских текстов, и религия египтян предстанет обладающей таким единством цели и такой твердостью начал, каких ей, как иным кажется поначалу, недостает.